

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№2
2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 2/2020

Главный редактор
П.А. Ореховский

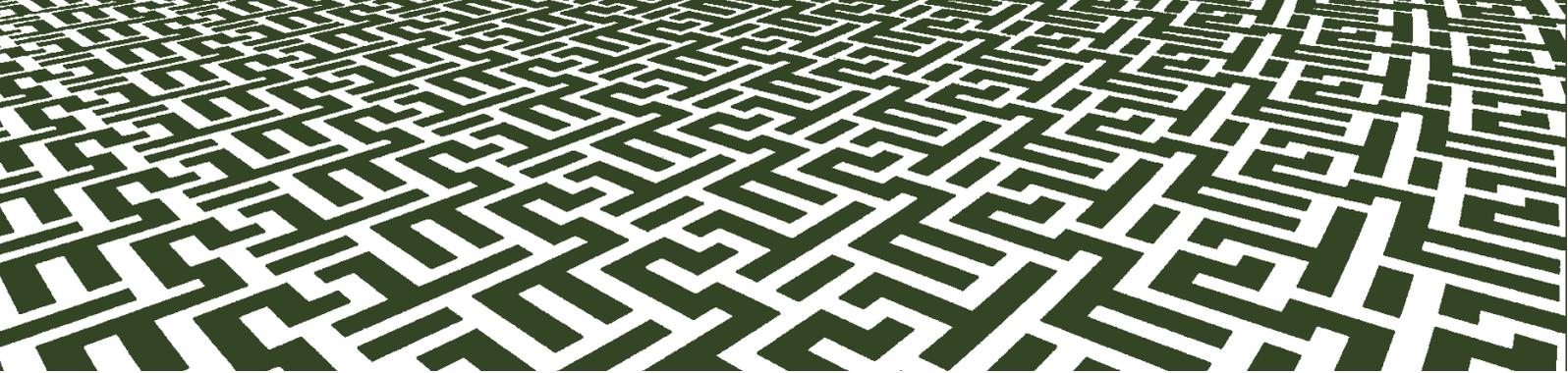
Редакционная коллегия

В.С. Автономов	В.И. Маевский
О.И. Ананьин	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
А.Е. Варшавский	В.С. Мартьянов
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	В.Ю. Музычук
Г.Д. Гловели	Р.М. Нуреев
Р.С. Гринберг	Н.М. Плискевич
В.Е. Дементьев	Л.И. Полищук
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	В.М. Полтерович
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	Б.А. Хейфец
А.М. Либман	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **From theory to economic policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº2
2020

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 2/2020

Chief Editor
P.A. Orekhovsky

Editorial board

V.S. Avtonomov	V.I. Mayevskiy
O.I. Anan'in	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
A.E. Varshavskiy	V.S. Martyanov
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	V.U. Muzychuk
G.D. Gloveli	R.M. Nureyev
R.S. Grinberg	N.M. Pliskevich
V.E. Dementiev	L.I. Polishchuk
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	V.M. Polterovich
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	B.A. Kheyfets
A.M. Libman	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П.И. Гребенников

О модернизации курса «макроэкономика»..... 7

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.Е. Шаститко, А.А. Курдин

В ожидании непредвиденного 36

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г. Г. Водолазов

Ленинское наследие: вода живая и мертвая (Часть I. Окончание — в ВТЭ 3–2020)..... 51

Г.Д. Гловели

Ленинизм, «термины тов. А. Богданова» и философ Ильенков как апологет сталинской экономики «разрушения равновесия» (Часть I. Окончание — в ВТЭ 3–2020) 65

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Малашенко, Ю.А. Нисневич, А.В. Рябов

Становление постиндустриальной общепланетарной цивилизации 86

О.Н. Яницкий

Общество и индивид в информационной среде..... 99

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.А. Фельдман

Судьба российского марксиста на переломе эпох: приказано выжить 111

А.С. Соколов

Сворачивание нэпа: экономические факторы..... 122

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

«Экономика и социология»: XIX ежегодная международная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» 130

П.А. Ореховский

К. Маркс, марксова модель и методология Р. Лукаса (Размышления над книгой Р.М. Нуреева) 137

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

P. Grebennikov

On the Modernization of the Course «Macroeconomics»..... 7

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Shastitko, A. Kurdin

Expecting Unpredictable..... 36

HISTORY OF THOUGHT

G. Vodolazov

Lenin's Heritage: Water Living and Dead (Part I) 51

G. Gloveli

Leninism, “Terms of tov. A. Bogdanov” and Philosopher Iilenkov as an Apologist
of the Stalin's Economy “Destruction of Equilibrium” (Part I)..... 65

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Malashenko, Yu. Nisnevich, A. Ryabov

Formation of Post-Industrial All-Planetary Civilization..... 86

O. Yanitsky

A Society and Individual in the Information Environment..... 99

ECONOMIC HISTORY

M. Feldman

The Fate of the Russian Marxist at the Turning Point of Epochs..... 111

A. Sokolov

NEP Wrapping: Economic Factors 122

SURVEYS & REVIEWS

A. Zaoztrovtssev

«Economics and Sociology»: XIX Annual International Conference from
the «Leontiev Readings»..... 130

P. Orekhovsky

K. Marx, Marx's Model and Methodology of R. Lucas (Reflections on the Book
of R.M. Nureev)..... 137

П.И. Гребенников

д.э.н., профессор, независимый исследователь, Россия

О МОДЕРНИЗАЦИИ КУРСА «МАКРОЭКОНОМИКА»¹

Аннотация. В статье излагаются некоторые направления совершенствования академического курса «Макроэкономика» в соответствии с современным усложнением социально-экономических процессов в национальных экономиках. Обращается внимание, в частности, на сдвиги от мультипликатора Кейнса к мультипликатору Гудли, от *ex-post* к *ex ante* в основном макроэкономическом тождестве, от модели IS-LM к модели IS-PC-MR. Отмечаются новые подходы к раскрытию специфики финансовых рынков. В завершении статьи рассматриваются проблемы государственного интервенционизма и глобализации.

Ключевые слова: мультипликатор автономных расходов, секторальные балансы, рынок финансов, посткейнсианство, экономическая глобализация.

JEL: E00, E10, E60.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10201.

1. Фон

Если в качестве наиболее значимого достижения XXI в. математики называют доказательство Григорием Перельманом теоремы Пуанкаре, физики – открытие Андреем Геймом и Константином Новоселовым сверхпрочного материала графена, то экономисты в этот ряд могут поставить признание кризиса своей науки и разработку основ ее совершенствования. Это не мрачный юмор, а вдохновляющая надежда. Современное состояние экономической науки напоминает физику XIX в., когда концепция теплорода была вытеснена молекулярно-кинетической теорией.

Экономистов назначили «козлами отпущения», обвиняя их в том, что они не смогли предупредить «великую рецессию» 2007–2009 гг. Порой дело доходит до предложения лишить экономическую теорию самостоятельности и создать «Общий социальный анализ», разработать «фундамент объединения» экономики и социологии [Полтерович, 2011. С. 108–109]. Это равносильно тому, что человек, обидевшийся на ошибочный прогноз погоды, может пожелать объединить Гидрометцентр с ВЦИОМ.

Двумя наиболее популярными во всем мире учебниками по экономике во второй половине XX в. были «Экономика» Грегори Мэнкью и «Макроэкономика» Оливера Бланшара. В марте 2019 г. один из многих тысяч бывших студентов Г. Мэнкью, много лет использовавший его учебник, будучи доцентом кафедры финансов в университете Стони Брук, и экономический обозреватель Bloomberg Ноай Смит опубликовали статью «Пришло время отказаться от общепринятой мудрости профессора Гарварда Грегори Мэнкью» [Smith, 2019]. В том же году сам Г. Мэнкью объявил, что приостанавливает преподавание экономики в Гарварде. В 2018 г. авторитетное в академических кругах издательство Edward Elgar Publishing опубликовало учебник «Анти-Бланшарная макроэкономика» [Branccaccio, Califano, 2018]. В его предисловии, написанном профессором политической

¹ Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых «Вопросами теоретической экономики».

экономии университета Уорик Робертом Скидельски, приводится реакция на издание самого О. Бланшара: «Когда Эмилиано попросил меня одобрить антибланшарскую макроэкономику, я был немного озадачен. Вы можете догадаться, почему. Но я согласен с ним в том, что мы всегда должны ставить под сомнение наши предположения, сопоставлять их с фактами и быть готовыми к изменениям, если это диктуют факты. Такие вопросы, как то, можем ли мы ожидать, что экономика сама выздоровеет, будут ли рецессии иметь длительные негативные последствия, работает ли канал денежно-кредитной политики в отношении процентных ставок, являются важными. В настоящее время я придерживаюсь выводов своего учебника, но я счастлив и действительно хочу видеть их оспариваемыми» [*Brancaccio, Califano, 2018. P. 3*].

23.02.2012 г. Банк Англии и Королевское экономическое общество совместно с правительством Великобритании провели конференцию «Готовы ли студенты-экономисты к своей будущей деятельности?», большинство участников которой ответили на этот вопрос отрицательно [*Coyle, 2012*]. Это активизировало студенческие требования модернизации экономического образования в развитых странах. Летом 2012 г. студенты Германии и Великобритании собрались для обсуждения этой проблемы в Тюбингене. Результатом явилось расширяющееся по всему миру студенческое движение *Rethinking Economics*. В начале 2014 г. возникло объединение «Международная студенческая инициатива за плюралистическую экономику» (*The International Student Initiative for Pluralism in Economics – ISIPE*). Об этом движении, в частности, сообщала газета *The Guardian* 05.05.2014 г.: «Студенты, которые сформировали 41 группу протеста в университетах от Великобритании и США до Бразилии и России², говорят, что исследования и преподавание на экономических факультетах слишком узко сфокусированы, и необходимо приложить больше усилий для расширения учебной программы. Они хотят, чтобы курсы включали анализ финансового краха, который большинство экономистов не смогли предвидеть». Летом того же года эти проблемы студенты обсуждали на конференции в Нью-Йорке, в которой участвовали Дейдра Макклоски, Джеймс Гэлбрейт, Майкл Сэндел, Ричард Вольф и Пол Кругман.

Отклик преподавателей на студенческую жажду обновления экономических учебных курсов появился в виде созданного по инициативе главного экономиста Банка Англии Энди Холдэна (*Andy Haldan*) благотворительного фонда *CORE Economics Education*, обеспечивающего общедоступное бесплатное экономическое дистанционное образование (*online*). Его работу организует профессор экономики в Университетском колледже Лондона и научный сотрудник Центра исследований экономической политики Венди Карлин (*Wendy Carlin*). Вместе с профессором политологии Лондонской школы экономики Давидом Соскисом (*David Soskice*) они издали три учебных пособия по макроэкономике [*Carlin, Soskice, 1990; 2000; 2015*].

Тем не менее, не обращая внимания на шквал критики современной экономической теории, акторы стабилизационной политики в развитых странах для выхода из «великой рецессии» следовали традиционным кейнсианским рекомендациям, увеличивая государственные расходы и долг. Парализованная колебаниями около нуля ключевой ставки процента денежная политика была дополнена новым инструментом, получившим название «количественное смягчение» (*QE*). В самые трудные 2008–2015 г. О. Бланшар возглавил департамент исследований и стал главным экономическим советником МВФ, переориентировав его деятельность от «бюджетной консолидации» к фискальному стимулированию национальных экономик. Он также поддержал политику *QE*. После ухода О. Бланшара в 2015 г. на пенсию итоги его работы обобщил один из сотрудников департамента исследований Пракаш Лоунгани в статье «Француз, который изменил МВФ» [*Loungani, 2015*].

² Российских студентов представляет студенческий клуб МГИМО *Economic Club MGIMO – Oeconomicus*.

Экономическая наука совершенствуется, во-первых, по мере более детального и углубленного познания объекта своего исследования и, во-вторых, вследствие изменения этого объекта во времени, что отличает ее от естественных наук. После экономического кризиса 2007–2009 гг. к традиционным претензиям экономической науке: недостижимость общего экономического равновесия даже при абстрактных предпосылках модели Вальраса (теорема Зонненшайна-Мантеля-Дебре), неполное отражение результатов хозяйственной деятельности национальных экономик в используемом для этого показателе ВВП, ложное представление дифференциации доходов экономических субъектов как следствие различия в эффективности их хозяйствования и пр., добавились новые. В настоящее время можно выделить следующие обстоятельства, обуславливающие и определяющие направления модернизации макроэкономики:

- а) углубленное представление сущности денег: деньги не товар, а долг;
- б) увеличение имущества (капитала) экономических агентов, модифицирующее не только макроэкономическую функцию потребления, но и функционирование национальной экономики в целом;
- в) повышение доли финансовой составляющей имущества, сумма которой по всем экономическим агентам равна нулю в отличие от положительной суммы реального имущества;
- г) особенности функционирования финансовых рынков по сравнению с рынками материальных благ и реальных факторов производства;
- д) повышение роли социально-экономических институтов по мере увеличения доли общественных благ в ВВП и экономической глобализации.

Модернизации преподавания макроэкономики в перечисленных направлениях способствуют новые статистические данные об имуществе домашних хозяйств, публикуемые с 2000 г. исследовательским институтом Credit Suisse (Швейцария). В них общее имущество представлено суммой финансовых и нефинансовых активов домашних хозяйств за вычетом их долга, показана общая и структурная динамика имущества домашних хозяйств в 2000–2019 гг. в сравнении с уровнем и темпом роста ВВП и нормой сбережения. Для привлечения большего интереса к этой работе института Credit Suisse в Приложении I приведены некоторые из перечисленных данных.

Авторы издаваемых после 2010 г. учебников по макроэкономике в той или иной мере учитывают эти обстоятельства, но в настоящее время пока нет учебника, который можно было бы назвать «Бланшар (Мэнкью) XXI века». Рассмотрим некоторые блоки, могущие послужить его основой.

2. От мультипликатора Кейнса к мультипликатору Годли³

Основным элементом макроэкономического рынка благ является мультипликатор автономных расходов, показывающий во сколько раз увеличится совокупный выпуск в экономике неполной занятости при определенной сумме государственных расходов или автономных инвестиций фирм. В кейнсианской модели его величина зависит от предельной склонности к потреблению располагаемого дохода и ставки подоходного налога. Влияние размера имущества на объем потребления не отражается, несмотря на то, что при описании поведения домашних хозяйств на рынке блага упоминается не только кейнсианская функция потребления, но и функция Модильяни, учитывающая зависимость потреб-

³ Винн Годли (*Wynne Godley*; 1926–2010) – главный гобоист в валлийском оркестре Би-Би-Си, директор департамента прикладной экономики в Королевском колледже Кембриджского университета (Англия), сотрудник Института экономики Леви (США), один из создателей модели согласованного изменения потоков и запасов (*Stock-Flow-Consistent models*, SFC).

ления от накопленного имущества. Игнорирование последнего фактора приводит к тому, что результаты модельного расчета плохо отражают действительность.

В целях конкретизации анализа используем условный числовой пример. В каждом периоде государство выплачивает пособия многодетным семьям в размере 120 ден. ед. В результате этого увеличиваются доходы (и соответственно, расходы) не только получателей этих пособий, но и производителей детских предметов потребления; последние увеличивают свои расходы на косметику; косметологи чаще посещают театр и спортивные залы и т. д. Примем, что ставка подоходного налога $\theta = 0,15$, а предельная склонность потребления располагаемого дохода $c_y = 0,8$. Тогда в соответствии с кейнсианским мультипликатором совокупный спрос возрастет на $120/(1 - 0,8 + 0,8 \times 0,15) = 375^4$. Подробно процесс мультиплицирования показан в табл. 1 (Приложение II). Налоги увеличатся на $0,15 \times 375 = 56,25$; потребление домашних хозяйств на $375 \times 0,85 \times 0,8 = 255$, а их имущество в виде наличных денег на $375 \times 0,85 - 255 = 63,75$. На такую же величину возрастет дефицит госбюджета: $120 - 56,25 = 63,75$. В следующем периоде картина повторится, и имущество домашних хозяйств, как и дефицит госбюджета, удвоятся. Накопленное имущество домашних хозяйств и дефицит госбюджета будут расти до бесконечности.

Реальней предположить, что потребление домашних хозяйств зависит и от накопленного имущества:

$$C_t = c_y Y_t (1 - \theta) + c_w W_{t-1} \quad (1)$$

где c_w – предельная склонность к потреблению имущества, W_{t-1} – ценность накопленного к концу предшествующего периода имущества⁵.

Пусть $c_w = 0,2$. Тогда процесс мультиплицирования, оставаясь неизменным в периоде I, усложняется в периоде II, как показано в табл. 2 (Приложение II). Национальный доход и сумма налогов теперь растут быстрее вследствие увеличения объема потребления, а объемы накопленного имущества и дефицит госбюджета становятся меньше. В общем виде динамику национального дохода и накопленного имущества в периоде II можно представить формулами:

$$Y = G + \sum_1^n G(1 - \theta)^n \cdot (c_y - nc_y c_w + nc_w) c_y^{n-1}. \quad (2)$$

$$W = \sum_1^n G(1 - \theta)^n \cdot c_y^{n-2} (1 - c_y) [c_y - c_w + nc_w (1 - c_y)]. \quad (3)$$

⁴ Примечание редакции: Обычно предполагается, что подоходный налог уменьшает располагаемый доход, а не мультипликатор. В этом случае расчет выглядит иначе: $120 \cdot 0,15 = 18$ (налог), $120 - 18 = 102$ (располагаемый доход), $1/(1 - 0,8) = 5$ (мультипликатор), $102 \cdot 5 = 610$ (прирост дохода). При этом государство получит в качестве общих доходов $610 \cdot 0,15 + 18 = 109,5$. Таким образом, при данной ставке налога и предельной склонности к потреблению дефицитное финансирование составит $120 - 109,5 = 10,5$ долл., но не 63,75, как у автора. Также легко убедиться, что при более высокой склонности к потреблению, равной 0,9, мультипликатор становится равным 10, доход возрастает до 1020 и бюджет становится профицитным. Другой вариант – увеличить ставку налога с 0,15 до 0,2, тогда бюджет станет сбалансированным. Собственно, на этих идеях и основывается кейнсианская логика помощи бедным.

⁵ Примечание редакции: приводимая формула, как и модель SFC в целом, основываются на специальных оговорках. Например, «имущество» (богатство) представляет собой накопленные денежные средства (депозиты), приносящие небольшой процент, в т.ч. домохозяйство расходует и процент, и сами средства (так, автор далее рассматривает в качестве имущества облигации с 5%-ной доходностью). Совсем иначе ситуация выглядит в случаях: (а) если имущество представляет собой яхту или дворец, в этом случае доход по этим активам будет отрицательным, они требуют дополнительных расходов на их содержание. Как указывали сторонники монетаристской школы, пример «статусного потребления» опровергает гипотезу Кейнса о снижении склонности к потреблению с ростом дохода; (б) «имущество» может быть относительно высокодоходным активом. В этом случае оно не только не «изнашивается», но может накапливаться (отчасти с этим связаны идеи внедрения накопительных пенсионных систем). И в случае (а), и в случае (б) графики на рис. 1 становятся некорректными.

Формулы динамики Y и W в периоде III усложняются из-за того, что накопленное имущество равно его сумме в двух предыдущих периодах. В цифрах процесс мультиплицирования в периоде III в рассматриваемом примере показан в табл. 3 (Приложение II). Процесс будет продолжаться до тех пор, пока объем потребления не сравняется с располагаемым доходом, а объемы имущества домашних хозяйств и госбюджета станут равны нулю. Наглядно это показано на рис. 1.

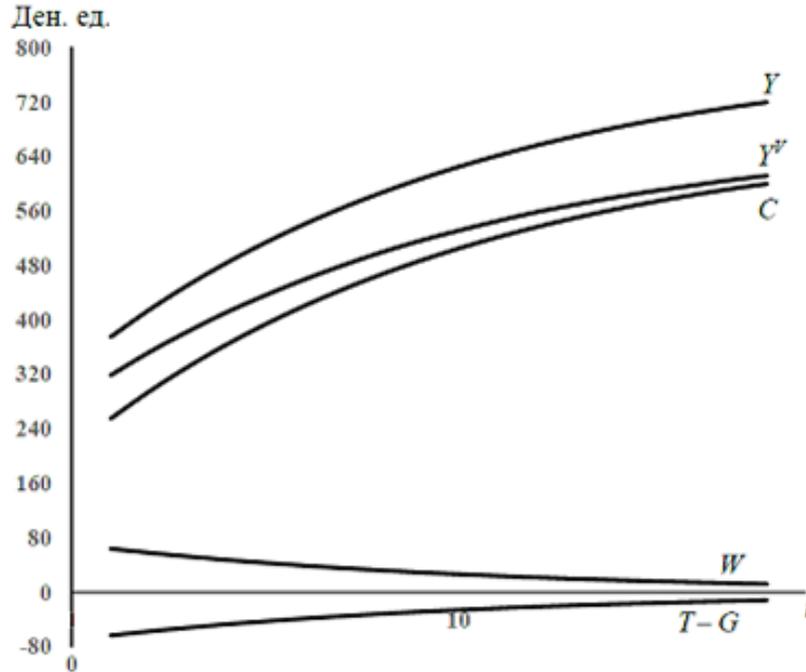

Рис. 1. Мультипликация ежепериодных государственных расходов

Конечная величина прироста национального дохода в результате ежепериодного пособия многодетным семьям через определенное время будет равна отношению G/θ , так как при завершении процесса мультипликации $T = \theta$ а $Y = G$. Отношение G/θ создатели модели SFC назвали «фискальной позицией» (fiscal stance). Хотя параметры c_y и c_w не влияют на конечный результат, они определяют динамику и время движения к нему. На рис. 2 и 3 показано, как это происходит при поочередном изменении c_y и c_w . Уменьшение (увеличение) предельной склонности к потреблению располагаемого дохода ведет к удлинению (сокращению) процесса мультипликации; изменение предельной склонности к потреблению накопленного имущества оказывает противоположное влияние. При повышении (снижении) ставки подоходного налога время процесса мультипликации сокращается (увеличивается).

Когда государство покрывает свои расходы не только за счет налогов, но и посредством выпуска облигаций (займа), то, кроме G и θ , у него появляется еще один инструмент воздействия на процесс мультипликации – ставка процента (i), выплачиваемая по облигациям. Допустим, что при $c_y = 0,8$ и $c_w = 0,2$ домашние хозяйства накопленное имущество делят поровну между наличными деньгами и государственными облигациями с 5%-ной доходностью за период. Теперь к доходу домашних хозяйств добавятся доходы от половины имущества iB_{t-1} , а располагаемый доход будет равен:

$$Y_t^y = (1 - \theta) (Y_t + iB_{t-1}).$$

В периоде I процесс мультипликации не изменится, а в периодах II и III будет протекать так, как показано в табл. 4–5 (Приложение II), а его продолжение в сравнении с отсутствием гособлигаций – на рис. 4. Но и в этом случае по завершению процесса $\Delta Y = G/\theta$.

Обратим внимание на то, что в каждом варианте рассмотренного примера во всех периодах объемы накопленного имущества домашних хозяйств (частного сектора) и дефицита госбюджета равны друг другу по абсолютной величине, и перейдем к следующему пункту.

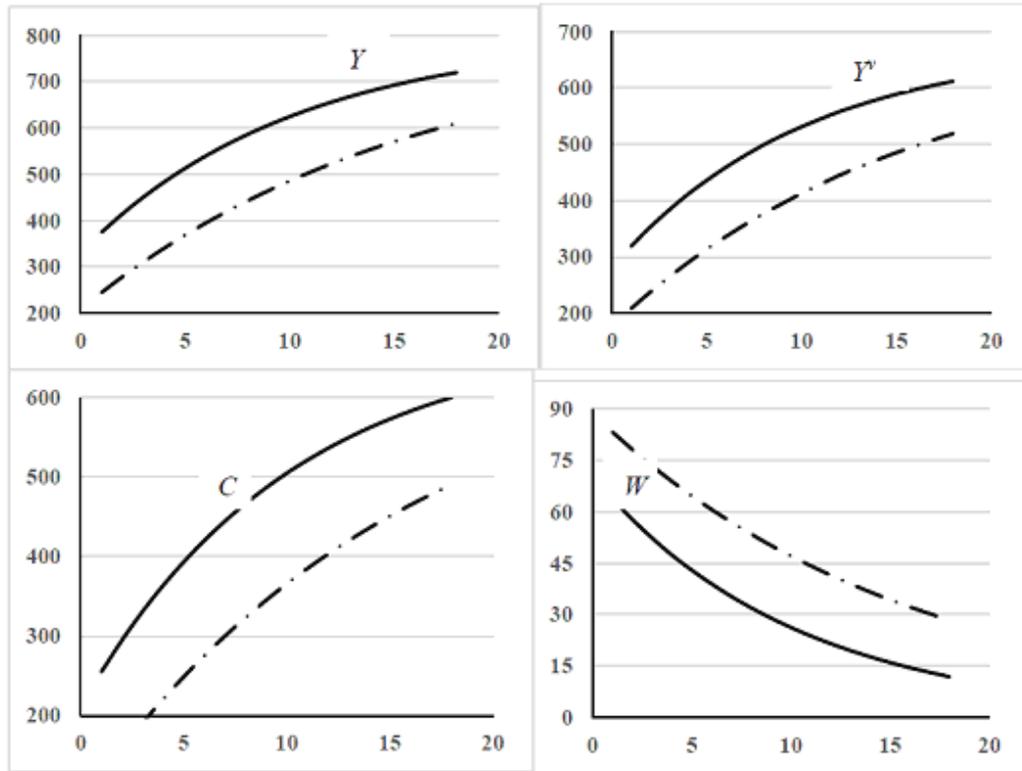

Рис. 2. Динамика объемов доходов, потребления и накопленного имущества при $c_y = 0,8$ (сплошная линия) и $c_y = 0,6$ (пунктирная линия)

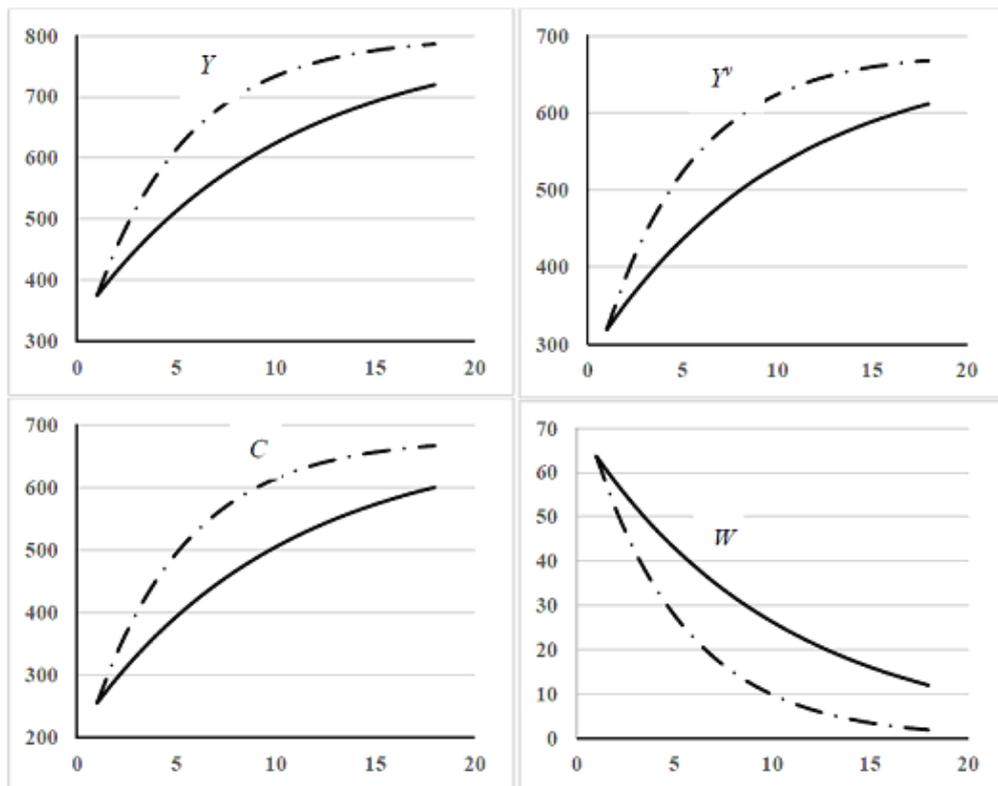

Рис. 3. Динамика объемов доходов, потребления и накопленного имущества при $c_w = 0,2$ (сплошная линия) и $c_w = 0,4$ (пунктирная линия)

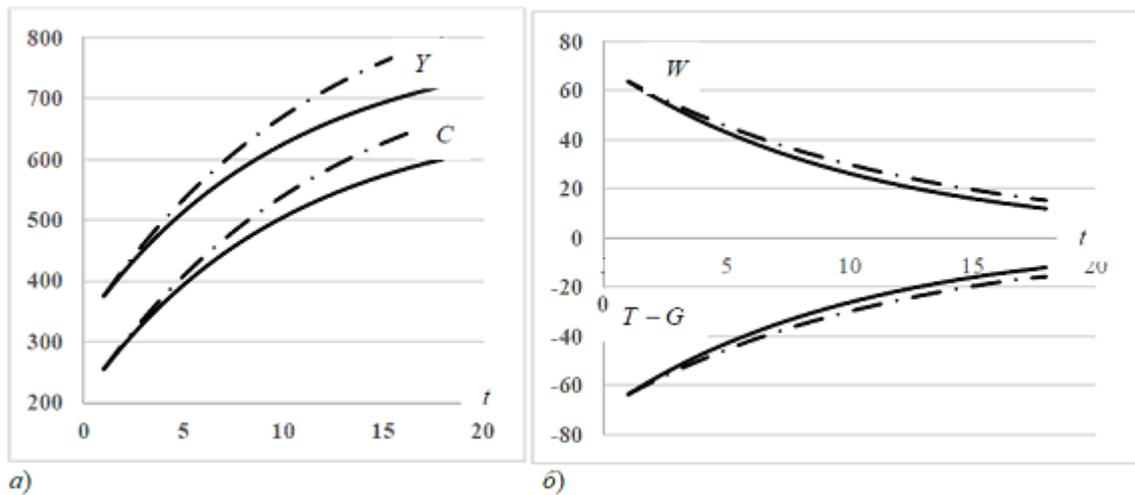

Рис. 4. Рост НД, объема потребления (а), динамика объемов имущества и дефицита госбюджета (б) при отсутствии гособлигаций (сплошная линия) и их наличии (пунктирная линия).

3. Основное макроэкономическое тождество: от ex post к ex ante

Основное экономическое тождество выводится из двух различных представлений результата функционирования национальной экономики за период. В одном случае определяется его распределение между макроэкономическими субъектами: потребление домашних хозяйств (С), инвестиции предпринимателей (I), государственное потребление (G), потребление отечественных благ за границей (E): $Y = C + I + G + E$; в другом – как используется полученный доход: потребительские расходы на отечественные и иностранные блага (С и Z), уплата налогов (Т), сбережение (S): $Y = C + Z + T + S$. Отсюда следует:

$$C + I + G + E \equiv C + Z + T + S \rightarrow (S - I) + (T - G) \equiv (E - Z) \quad (4)$$

Формула (4) показывает, что чистые сбережения частного сектора в сумме с чистыми сбережениями государственного сектора равны чистому доходу остального мира, поступившему от данной национальной экономики. Это тождество широко применяется в СНС (ex-post) и наглядно представляется диаграммой секторальных балансов (sectoral Balances); на рис. 5 по данным табл. 1. представлены секторальные балансы России за 2006–2018 гг.

Таблица 1

Дефицит (профицит) консолидированного бюджета (Т-G)*, чистый экспорт (Е-Z)** и чистые сбережения частного сектора (S-I)***(млрд руб.)

Год	T-G	E-Z	S-I	Год	T-G	E-Z	S-I
2006	2250,6	3425,9	1175,3	2013	-848,2	3943,7	4792,0
2007	1989,7	2866,6	876,9	2014	-845,6	5074,4	5920,0
2008	2012,1	3812,6	1800,5	2015	-2819,5	6700,6	9520,1
2009	-2448,6	2887,7	5336,3	2016	-3142,1	4448,6	7590,7
2010	-584,7	3739,7	5324,4	2017	-1349,1	4921,4	6270,4
2011	860,7	4854,4	3993,7	2018	3035,6	10358,3	7322,6
2012	260,4	4537,9	4277,5				

Источник: *Министерство финансов РФ. Консолидированный бюджет РФ. Приложение 8.1. Дата публикации: 03.02.2020. **Росстат. Консолидированные счета. Табл. 37. ***Сальдирующая величина.

Основное тождество позволяет уточнять и согласовывать статистическую информацию, получаемую из разных источников. Например, на сайте ЦБР с 2016 г. в разделе «Макроэкономическая финансовая статистика» публикуются квартальные и годовые финансовые балансы пяти институциональных секторов экономики: «Финансовые корпорации», «Государственное управление», «Нефинансовые корпорации», «Домашние хозяйства и НКООДХ», «Остальной мир». Первые четыре сектора объединяются в сектор «Внутренняя экономика», по которому на 01.01. 2018 г. разность между финансовыми активами и обязательствами равна 15,66 трлн руб., т. е. граница на указанную дату была должна России эту сумму. Однако разность между финансовыми активами и обязательствами сектора «Остальной мир» указана в размере (–11,25) трлн руб. Недостачу в сумме 4,41 трлн руб. приходится отнести на вземные цивилизации или несовершенство отечественной СНС.

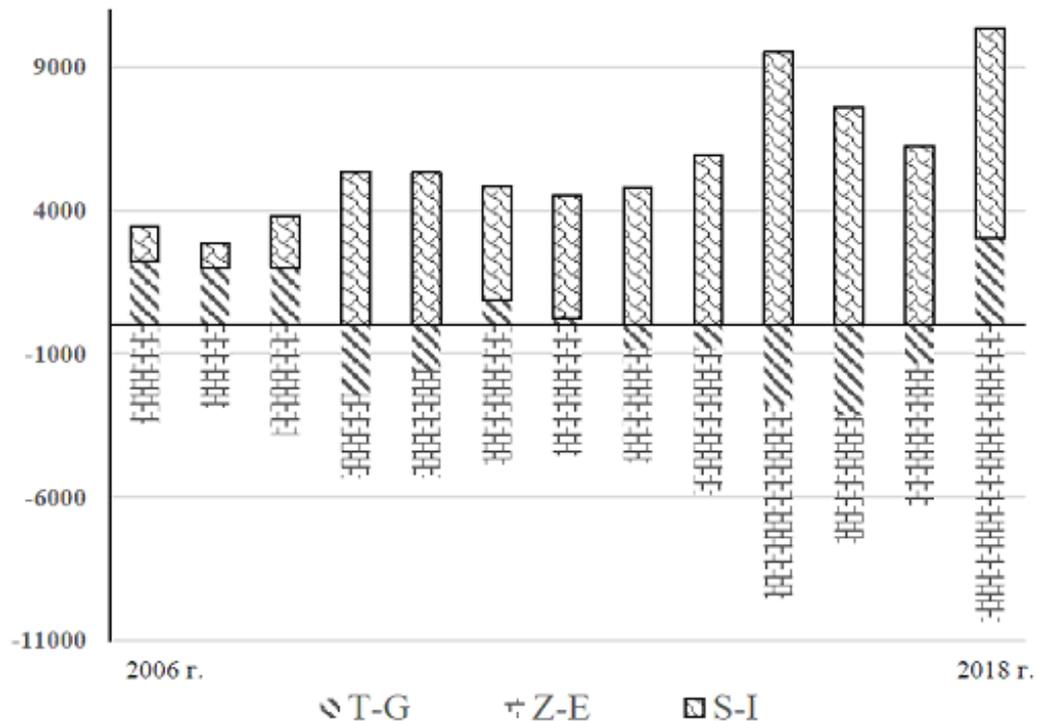

Рис. 5. Диаграмма секторальных балансов РФ 2006–2018 гг.

Не меньшую практическую пользу приносит использование основного макроэкономического тождества при перспективных расчетах (*ex-ante*), поскольку изменение величины одной из трех разностей в формуле (4) сопровождается изменением других. В настоящее время широко распространено мнение, что профицит государственного бюджета – это хороший показатель, а дефицит – плохой. Профицит госбюджета РФ в 2018–2019 гг. и планы его сохранения в последующие пять лет рассматриваются российским руководством как хорошая макроэкономическая база, и в то же время отмечается неудовлетворенность темпами экономического роста. Но одно с другим связано. Профицит госбюджета достигается за счет увеличения чистого экспорта и уменьшения чистых сбережений частного сектора; последнее сопровождается снижением потребления домашних хозяйств и инвестиций предпринимателей. В развитых экономиках анализ секторальных балансов стал нормой в ходе обсуждения проектов госбюджета в бюджетных комитетах парламентов, в ходе которых, кроме факторов экономического роста, учитывается соотношение финансовых балансов макроэкономических субъектов. Подробно эта процедура на примере Ирландии описана сотрудниками Финансового университета при Правительстве РФ [Понкратов, Караев, 2018].

4. От модели IS-LM к модели IS-PC-MR

Посредством модели IS-LM представлялось взаимодействие рынков благ и денег, на которых формируется совокупный спрос. В экономике неполной занятости эта модель позволяла иллюстрировать сущность и последствия стабилизационной политики государства. Поскольку изменение государственных расходов сдвигает линию IS, а изменение объема предложения денег – линию LM, то за счет выверенных фискальной и денежной политик оказывалось возможным достижение полной занятости.

Представление о возможности целенаправленных сдвигов линии LM вытекает из понимания денег как особого товара, объем предложения которого можно корректировать через двухуровневую банковскую систему. На этом основывалась популярность возникшей в 70-х гг. XX в. концепции монетаризма, рекомендовавшей в качестве основного инструмента денежной политики контроль над количеством денег в обращении. Однако практика следования этой рекомендации в США, Великобритании и ряде других европейских стран показала, что Центральные банки не способны оперативно и точно решать эту задачу, так как «денежный мультипликатор» оказался фикцией. Не депозиты предшествуют кредитам, а, наоборот, в полном соответствии с пониманием денег как долгового обязательства, кредит создает депозит. Переход Центральными банками от регулирования количества денег к регулированию ставки процента («ключевой ставки») происходил постепенно по мере практического подтверждения его эффективности. Но он теоретически следует из трактовки денег как задолженности экономических агентов, возникающей в процессах производства и потребления благ.

Правило, которым руководствуются Центральные банки при корректировке ставки процента (Monetary Rule, MR), было выведено независимо друг от друга эмпирически и теоретически. В начале 90-х гг. XX в. профессор Стэнфордского университета Джон Тейлор на основе эконометрического исследования практики ФРС вывел следующую формулу:

$$r_t = r_t^* + 0,5(\pi_t - \pi_t^*) + 0,5(y_t - y_F) / y_F,$$

где π_t^* – целевой уровень инфляции, y_F – национальный доход полной занятости, r_t^* – реальная ставка процента, соответствующая целевому уровню инфляции.

Теоретическое выведение MR восходит к статье Р. Барро и Д. Гордона «Модель денежно-кредитной политики: правила, свобода действий и репутация» (Barro, Gordon, 1983). Ущерб от чрезмерной инфляции и неполной занятости можно представить функцией общественных издержек:

$$C = (y_t - y_F)^2 + \beta(\pi_t - \pi_t^*)^2,$$

где β выражает сравнительную нежелательность повышенной инфляции по сравнению с неполной занятостью: при $\beta = 1$ оба недуга нежелательны в одинаковой мере, при $\beta > 1$ недопущение избыточной инфляции считается важнее, чем некоторое снижение занятости, $\beta < 1$ – наоборот. На рис. 6 показаны кривые равных общественных издержек, соответствующие представленной функции при различных значениях β .

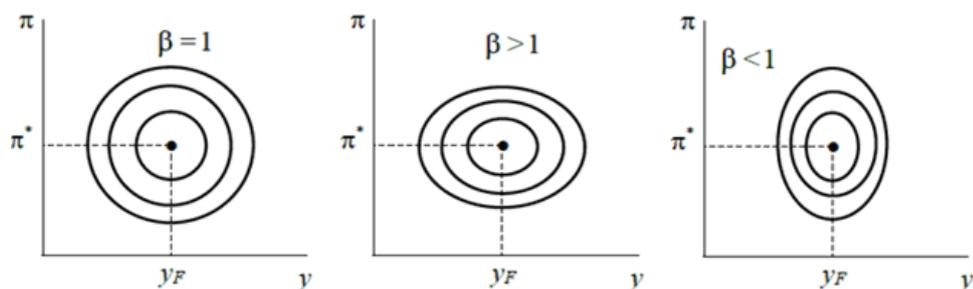

Рис. 6. Кривые равных общественных издержек

Множество возможных сочетаний π_t, y_t предопределено модифицированной кривой Филлипса (Phillips Curve, PC), совпадающей с функцией совокупного предложения Лукаса, которая точнее отражает действительность при негибких ценах на рынке труда, чем модель $N^D(W) = N^S(W)$.

$$\pi_t = \pi_t^e + \alpha (y_t - y_F) \rightarrow y_t = y_F + (\pi_t - \pi_t^e) / \alpha,$$

Подставим это ограничение в функцию общественных издержек и приравняем ее производную нулю:

$$\begin{aligned} C &= (y_t - y_F)^2 + \beta [(\pi_t^e + \alpha(y_t - y_F) - \pi_t^*)]^2; \\ \partial C / \partial y_t &= 2(y_t - y_F) + 2\alpha\beta[\pi_t^e + \alpha(y_t - y_F) - \pi_t^*] = 0 \rightarrow \\ &\rightarrow (y_t - y_F) - \alpha\beta[\pi_t^e + \alpha(y_t - y_F) - \pi_t^*] = -\alpha\beta(\pi_t - \pi_t^*). \end{aligned}$$

Так выводится формула монетарного правила (MR):

$$y_t = y_F - \alpha\beta(\pi_t - \pi_t^*).$$

Она представляет множество сочетаний y_t, π_t , обеспечивающих минимум общественных издержек. В пространстве y_t, π_t это линия с отрицательным наклоном, с которой денежные власти не должны «соскакивать». Желаемый уровень инфляции при полной занятости достигается тогда, когда линии PC и MR расположены так, как показано на рис. 7. Необходимая для минимизации издержек ключевая ставка определяется по линии IS.

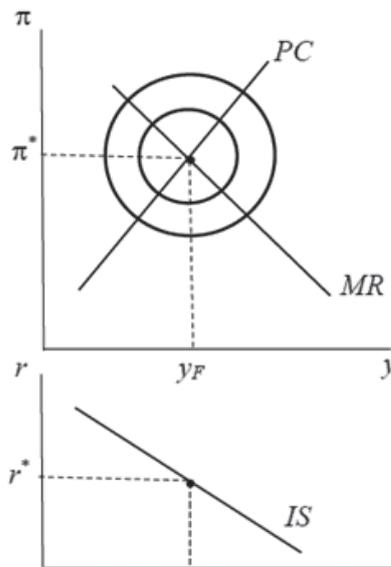

Рис. 7. Целевая ключевая ставка процента

На рис. 8 представлена реакция ЦБ на шоки совокупных спроса и предложения в соответствии с правилом MR. Допустим, что в результате увеличения «субстандартных» кредитов возрос совокупный спрос, что отобразилось сдвигом вправо линии IS на рис. 8(a). По линии PC можно определить, что при исходной реальной ставке процента r_0 темп инфляции повысится с π_0 до π_1 . При такой инфляции линия (правило) MR указывает на необходимость повышения ставки с r_0 до r_1 . Такая высокая ставка процента сократит инвестиционный и совокупный объемы спроса до y_1 . Появившуюся конъюнктурную безработицу придется ликвидировать снижением ставки с r_1 до r_2 . На рис. 8(б) показан сдвиг $PC_0 \rightarrow PC_1$ в результате технического прогресса, приведшего к снижению инфляции и увеличению национального дохода полной занятости. Линия MR указывает на необходимость снижения ставки процента с r_0 до r_1 .

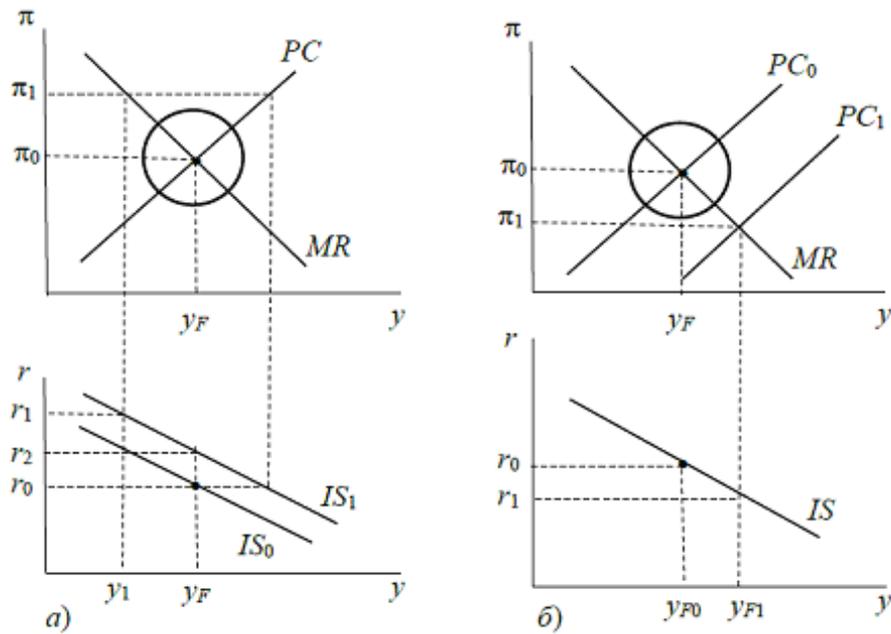

Рис. 8. Изменение ставки процента при шоке совокупного спроса (а) и совокупного предложения (б)

5. Специфика рынка финансов

Количество денег в обращении (размер за кредитованности экономики) определяется не только ожидаемой доходностью инвестиционных проектов, но и располагаемым имуществом экономических агентов, поскольку оно может использоваться в качестве залога и даже трансформироваться в деньги. Центральные банки это иллюстрируют в виде политики QE, а частные инвесторы посредством реструктуризации своих портфелей: «Кризис ликвидности стал одним из важнейших факторов, усугубившим обвал на финансовых рынках в последние дни. Даже казначейские облигации США, которые считаются наиболее надежным убежищем в периоды стресса и нестабильности на рынках и в экономике, в последние дни подверглись распродажам». [Оверченко, 2020]. В свою очередь, величина имущества хозяйствующего субъекта зависит от его сбережений и операций на рынке капитала, на котором обращаются блага, созданные в предшествующих периодах: недвижимость и другие предметы длительного пользования, средства производства, а также товары, сохраняющие ценность во времени (драгоценности, запасы материалов и энергии, патенты, big data и проч.). Рынок капитала, объединенный с рынком денег, образует финансовый рынок. Преобладающей формой торговли на рынке капитала является обращение разного рода ценных бумаг: акции, облигации, деривативы и др.

В стандартных учебниках при моделировании достижения Общего Экономического Равновесия и временной динамики ВВП рынок финансов в полном объеме не представлен; учитывается только рынок денег. Но закон Вальраса на макроэкономические рынки не распространяется: при достижении совместного равновесия на рынках благ, денег и труда на рынке финансов необязательно будет равновесие. В определенные периоды реакция покупателей при повышении цен на рынке финансов противоположна их реакции на потребительском рынке.

Повышение цены имущества делает его собственника богаче, стимулируя увеличение расходов, в том числе и на приобретение дополнительного имущества в ожидании дальнейшего его удорожания. Кроме этого, собственник с большей ценностью имущества может увеличить свою задолженность, что повсеместно подтверждается практикой ипотечного кредитования. Аналогично обстоит дело с другими видами имущества. Так,

во II квартале 2019 г. цена золота на мировом рынке повысилась с 1309,4 до 1472,5 долл/унция. Общий спрос при этом почти не изменился: 1142 и 1102 т соответственно, но сильно изменилась структура спроса на него: объем спроса ювелирной промышленности сократился с 529,4 до 463,7 т, а спрос на монетарно-инвестиционное золото возрос с 297 до 407 т [Metals Focus, 2020]. Хотя золото и является воспроизводимым благом, его годовая добыча составляет около 2% всего имеющегося количества? и поэтому золотопромышленники практически не могут влиять на цену своей добычи; она определяется спросом.

Х. Мински, один из первых исследователей финансовых рынков в последней трети XX в., когда оборот последних стал превосходить объемы ВВП и продолжал ускоренно увеличиваться, становясь источником спекулятивных доходов независимо от реального сектора экономики, пришел к следующему выводу: «Если мы хотим, чтобы новая эра серьезных реформ принесла нечто большее, чем преходящий успех, нам необходимо понимание того, почему децентрализованный рыночный механизм (или «свободный рынок», как его называют консерваторы) представляет собой эффективный способ обращения с множеством «деталей» экономической жизни, а финансовые институты капитализма, особенно в контексте производственных процессов, основанных на применении капиталоемких технологий, по самой своей природе являются разрушительными» [Мински, 2016. С. 7]. Тем не менее до «великой рецессии» рынку финансов в преподавании макроэкономики не уделялось должного внимания. Сравните, например, названия упомянутых выше учебников [Carlin, Soskice, 2006] и [Carlin, Soskice, 2015]. В вышедшем в 2003 г. учебнике О. Бланшара (переведенном на русский язык в 2010 г.) рынком финансов называется рынок денег. При этом О. Бланшар является одним из первых исследователей специфики ценообразования на финансовые активы, способствующей возникновению «пузырей» – превышению их цен над капитализированной суммой ожидаемых от актива доходов («фундаментальной ценой») [Blanchard, Watson, 1982].

Сокрытию опасностей, таящихся на рынке финансов, способствовала и экономическая теория. В 2013 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена профессору Чикагского университета Юджину Фама за обоснование в 1965 г. «гипотезы эффективного рынка» (efficient market hypothesis, ЕМН), согласно которой вся существенная информация быстро и в полной мере отражается в ценах ценных бумаг, обеспечивая эффективность функционирования рынка финансов. Ореол рынку финансов добавили теории оптимального портфеля Г. Марковица, оценки капитальных активов У. Шарпа, ценообразования опционов Ф. Блэка, М. Шоулза и Р. Мертона, позволяющие инвесторам выбирать предпочитаемое соотношение риск–доходность. Позитивное воздействие развития финансового сектора на экономический рост посредством широкой трансформации инвестиций в сбережения, перемещения капитала от менее к более эффективным собственникам, перераспределения риска между экономическими агентами подтверждали многие эмпирические экономико-статистические исследования [Goldsmith, 1969; McKinnon, 1973; Levine, Zervos, 1998; Beck, Levine, Loayza, 2000].

Широко распространившееся убеждение в эффективности финансового рынка имело практические последствия. За «хорошее поведение» финансовый рынок освободили от «излишних» ограничений (либерализовали). Первопроходцами в этом направлении стали страны Скандинавии, которые, обнаружив в конце 80-х гг. XX в. снижение экономической эффективности своей системы «государства всеобщего благоденствия», начали неоконсервативные преобразования по примеру М. Тэтчер и Р. Рейгана. В результате либерализации деятельности банковского сектора резко возрос объем кредитования. «Цены на активы росли быстрее потребительских, что во многом было спровоцировано спекулятивным повышением цен на недвижимость. Частный сектор, ранее демонстрировавший более рациональное поведение при заимствовании средств, использовал повышение цен на активы для того, чтобы брать еще больше кредитов. Когда объем займов достиг своей кри-

тической точки в процентном отношении к ВВП, резкий скачок инфляции привел к перегреву экономики в целом» [Нарышкин, 2015. С. 187–188]. В кризисные 1991–1992 гг. уровень безработицы в Швеции вырос с 1,8% в 1988 г. до 9%, Норвегии – с 3,1 до 6%, Финляндии – с 4,5 до 16,4%, Исландии – с 0,6 до 4,4%, Дании – с 5,7 до 9,5%.

Либерализация рынков финансов в начале 1990-х гг. в странах Юго-Восточной Азии, подробно описанная в книге научного сотрудника Азиатского глобального института в Университете Гонконга, бывшего председателя Гонконгской комиссии по ценным бумагам и фьючерсам Эндрю Шенга [Sheng, 2009], и одновременное стимулирование экономического роста посредством государственных целевых проектов в условиях масштабной коррупции (*crony capitalism*) стали основными причинами Восточно-Азиатского кризиса 1997–1998 гг., быстро распространившегося на Россию и Латинскую Америку. Ипотечному кризису 2007 г. в США, породившему «великую рецессию», способствовал принятый в 1999 г. «Закон о финансовой модернизации» (*Financial Services Modernization Act*), уменьшивший контроль за финансовыми институтами и при этом благоприятствующий росту «теневой» банковской деятельности (*shadow banking*). В 2010 г. он был фактически отменен законом Додда-Франка, принятого в рамках программы оздоровления экономики США. Критике гипотезы эффективного рынка с позиций гипотезы финансовой нестабильности Х. Мински посвящена изданная в 2008 г. и переведенная на русский язык в 2010 г. книга эксперта по онлайн-бизнесу Джорджа Купера «Природа финансовых кризисов. Центральные банки, кредитные пузыри и заблуждения эффективного рынка». Не соответствующей действительности оказалась и популярная в течение 50 лет теорема Франко Модильяни и Мертона Миллера о независимости ценности фирмы от структуры ее капитала (собственный/заемный).

Особенности функционирования рынка финансов приводят к тому, что его динамика не совпадает с циклическим развитием реальной экономики, т. н. бизнес-циклами, имеющими более чем двухсотлетнюю изученную историю. В отличие от трех других макроэкономических рынков, совместно проходящих подъемы и спады, финансовый рынок развивается по своему циклу. Статистические исследования характеристик и продолжительности финансовых циклов начались лишь во втором десятилетии текущего века [Claessens, Kose, Terrones, 2011; Drehmann, Borio, Tsatsaronis, 2012; Schüler, Hiebert, Peltonen, 2015; Schoenmaker, Wierdsma, 2016].

Исследователи независимо друг от друга обнаружили, что финансовые циклы значительно продолжительней (10–20 лет) бизнес-циклов (4–8 лет) и имеют большую амплитуду. Игнорирование этого обстоятельства дезориентирует поведение экономических агентов в различных фазах экономических циклов. Если индикатором бизнес-цикла служит динамика ВВП, то в качестве индикатора развития финансового цикла оказалась динамика цен на жилье и объемы кредитования нефинансового сектора, а не индекс курса акций (фондовые индексы), как можно было ожидать; фондовые индексы в течение финансового цикла нередко колеблются. «Анализ показал, что финансовые циклы больше и дольше для стран с более высоким уровнем владения недвижимостью, особенно Испании и Великобритании. Напротив, из-за очень низкого уровня владения недвижимостью, Германия отличается очень маленькими и короткими циклами» [Rünstler, 2016. P. 3]. Обнаружилось также, что господствующая ориентация Центральных банков на удержание целевого уровня инфляции не препятствует росту цен на имущество. Более того, фискальная и кредитно-денежная политики мало пригодны для регулирования рынка финансов. Поэтому стабилизационную политику государства необходимо дополнить макропруденциальной политикой – системой мероприятий, направленных на минимизацию системного риска финансового сектора. Накопленный к 2016 г. опыт макропруденциальной политики был обобщен в совместном издании МВФ, Банка международных расчетов и Совета по финансовой стабильности, созданным в 2009 г. по решению стран G-20 [*Elements of Effective Macroprudential Policies*, 2016].

В нем констатируется активизация макропруденциальной политики в большинстве стран мира с использованием новых инструментов, рекомендованных «Базель III»; в частности, контрциклического буфера капитала (countercyclical capital buffer) в виде надбавки к минимальным требованиям к капиталу банков и ограничения их финансового рычага (leverage ratio). Становится все больше сторонников введения «налога Тобина» – налогообложения международных валютных спот-операций, предложенного более 40 лет назад лауреатом Нобелевской премии по экономике 1981 г. Джеймсом Тобином (Tobin, 1978).

6. Наступление государства

Выделение макроэкономики в качестве особого раздела экономической теории означало признание государственного аппарата значимым субъектом национальной экономики. Традиционным показателем, отражающим его значимость, служит доля государственных расходов в ВВП. Если в начале XX в. этот показатель в индустриальных экономиках колебался около 10%, то к концу века он возрос в отдельных странах в 3–6 раз. Активное участие государства в национальных хозяйствах способствовало повышению и устойчивости экономического роста. На смену потерпевшего крах марксистского социализма пришел социализм Дж.М. Кейнса, «буржуазного Маркса», как назвал его известный историк экономической мысли Марк Блауг. Однако в настоящее время особую актуальность приобрел вопрос об оптимальном размере «экономического Левиафана».

Соответствующий современным условиям коридор колебания доли госрасходов в ВВП можно определить по эмпирическим данным, наглядно представленным на рис. 9, поскольку наряду с периодом устойчивого экономического роста они охватывают период «великой рецессии»; это интервал 40–60%. Но он отражает масштабы только фискальной политики, наряду с которой, как уже отмечалось, государственное регулирование национальной экономики осуществляется посредством кредитно-денежной и макропруденциальной политик.

Основное внимание в макроэкономике уделялось совершенствованию инструментов и методов стабилизационной политики государства в соответствии с изменяющимися условиями функционирования национальных экономик под влиянием НТП, глобализации и сопутствующего им увеличения дифференциации благосостояния индивидов. В тени, как и в случае с сектором финансов, оставалась обратная сторона медали государственной экспансии: подавление частной инициативы, формирование иждивенческих настроений, бюрократизация и коррупция. Однако предотвращение отрицательных внешних эффектов активного участия государства в экономике является не менее важной задачей, чем оптимизация объемов государственных расходов или выбор критерия денежной политики, так как коррупция подрывает доверие к государственным институтам, парализуя их действия. Актуальность этой проблемы подчеркивается «Конвенцией ООН против коррупции», принятой Генеральной Ассамблеей 31.10.2003 г. и разработанной ОЭСР стратегией борьбы с коррупцией (OECD Strategic Approach to combating Corruption, 2018). В 2010 г. на встрече глав стран большой двадцатки (G20) была создана рабочая группа по борьбе с коррупцией, которая раз в два года разрабатывает комплекс перспективных мероприятий в соответствии с текущей ситуацией. План антикоррупционных действий G20 на 2019–2021 гг. был принят в декабре 2018 г. на саммите в Аргентине. Весной 2011 г. по инициативе группы экспертов по коррупции Интерпола в пригороде Вены была учреждена «Международная антикоррупционная академия» (International Anti-Corruption Academy, IACA) со статусом международной организации, в спонсировании которой участвует и Россия. Студенты IACA из разных стран и разных возрастов учатся по двухлетней магистерской программе с 120 кредитами европейской системы перевода и накопления баллов (ECTS).

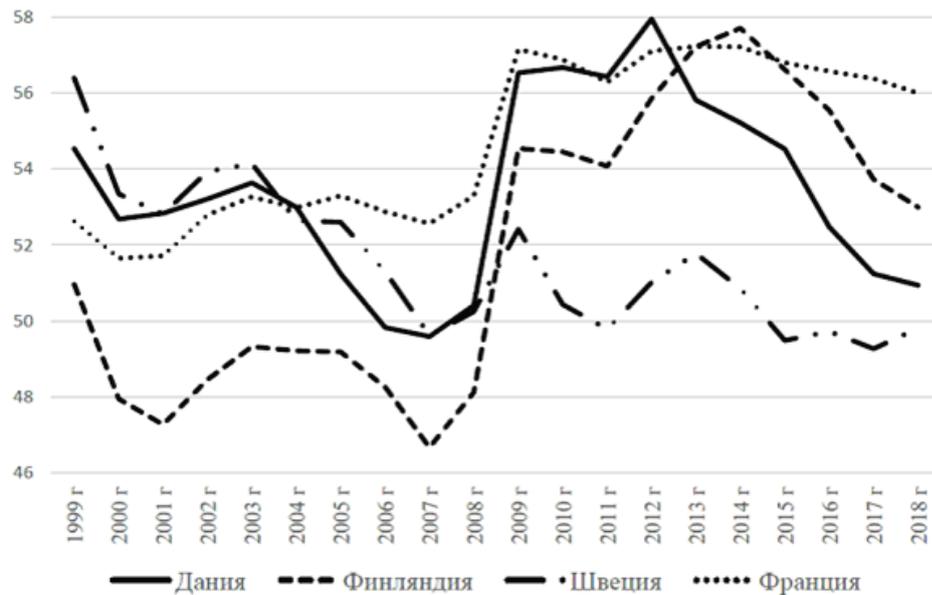

Рис. 9. Динамика доли государственных расходов в ВВП (%) в ведущих странах ОЭСР (OECD Data)

В макроэкономике отрицательные последствия экспансии государства в экономику не находили должного отражения и обсуждались на ее «обочине» – в концепции «Теория общественного выбора», которую один из ее основателей охарактеризовал так: «Теорию общественного выбора можно определить как экономическое исследование принятия нерыночных решений или просто как применение экономической теории в политической науке» [Мюллер, 2007. С. 6]. Стадии ее успешного развития описаны, в частности, А.П. Заостровцевым [Заостровцев, 2009. С. 11–77]. Признание ее достижений экономистами выразилось награждением создателя «конституционной политической экономии», призванной ограничить «экономического Левиафана», Дж. Бьюкенена Нобелевской премией по экономике 1986 г.

Очевидно, что в XXI в. национальные хозяйства будут развиваться в условиях «кейнсианского социализма», и их результативность во многом будет зависеть от того, в какой институциональной среде реализуются экономические функции государства. С этим согласны и создатели концепции общественного выбора: «Мы должны переделать наше мышление в том, что касается правил, имея своей конечной целью ограничение того вреда, который способны причинять государства при одновременном сохранении всех благотворных направлений правительственной и коллективной деятельности» [Бреннан, Бьюкенен, 2005. С. 262]. Увеличение плотности социально-экономических связей должно сопровождаться не только повышением роли государства, но и активизацией гражданского общества в виде различных НКО. С этим согласны и главы государств: «Когда мы говорим об НКО, работающих в политической сфере, то я считаю, что это должна быть такая деятельность, которая направлена на решение общенациональных задач. Скажем, совершенствование политической системы, совершенствование судебной системы, правоохранительной системы. Считаю необходимым отметить, что руководители регионов, муниципалитетов, представители федеральных органов власти должны подходить не формально к работе с НКО, а, как в таких случаях говорят, заинтересованно. В том числе, должна быть доступной информация о проектах и программах, в которых востребовано участие гражданского общества» [Путин, 2015]. Совершенствованию деятельности государства стремятся способствовать и более 4000 международных неправительственных организаций. Transparency International ежегодно публикует «Индекс восприятия коррупции» по большинству стран мира, Heritage Foundation – «Индекс экономической свободы», World Justice Project – «Индекс верховенства закона».

Комплексную систему оценки качества государственного управления создали сотрудники Всемирного банка на основе нескольких сотен статистических данных, получаемых из различных национальных и международных организаций. В соответствии с ней составляется шесть индексов, включающих следующие аспекты государственного управления:

- 1) учет мнения населения и подотчетность государственных органов (Voice and Accountability);
- 2) политическая стабильность и отсутствие насилия (Political Stability and Absence of Violence);
- 3) доверие к внутренней политике, компетенция и степень независимости от политического давления государственных служащих (Government Effectiveness);
- 4) уровень государственного регулирования частного бизнеса (Regulatory Quality);
- 5) степень уверенности граждан в исполнении действующих законов и их всеобщности (Rule of Law);
- 6) предотвращение коррупции (Control of Corruption).

Для каждого из шести перечисленных направлений государственной деятельности на основе обработки данных выводится рейтинг – от 0 до 100.

Индексы Всемирного банка не так популярны, как выше перечисленные индексы, из-за обвинения его в приверженности «Вашингтонскому консенсусу» – консервативному представлению о соотношении роли рынка и государства в регулировании хозяйственной деятельности в периоды экономических кризисов. Но это не снижает значимость большой работы сотрудников Всемирного банка по исследованию мировой практики государственного управления экономикой. Оценки, выставленные странам в The Worldwide Governance Indicators 1996–2013 гг., достаточно близко коррелируют с уровнем благосостояния граждан этих стран. Данные по некоторым странам приведены в табл. 2.

Таблица 2

Оценки качества государственного управления (Governance Matters) по некоторым странам

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
Швеция	99,05	90,52	98,56	99,04	99,53	99,04
Германия	93,84	76,78	91,39	92,82	91,94	94,26
Великобритания	92,42	63,03	89,95	96,17	92,89	93,3
США	83,89	65,88	90,91	86,6	90,52	85,17
Турция	40,76	11,85	65,55	65,07	55,92	61,72
Россия	18,96	22,27	43,06	37,32	24,64	16,75
Беларусь	5,69	46,45	17,22	14,35	20,38	37,32
Узбекистан	2,37	26,54	17,7	3,35	11,37	8,13

После второй мировой войны было проведено большое число сравнительных статистических исследований результатов хозяйственной деятельности в странах с демократическими и диктаторскими режимами. Их перечень с кратким описанием результатов приведен доцентом экономического факультета МГУ Г.В. Калягиным [Калягин, 2009. С. 43–68]. Оказалось, что по темпам экономического роста диктаторские режимы порой могут опережать демократические. Демократические страны явно выражено лидируют по объему и качеству предоставляемых гражданам общественных благ и по среднему уровню благосостояния в целом, но это сопровождается дифференциацией размеров богатства различных слоев населения, порождающей социальную напряженность.

При обсуждении направлений совершенствования современных социально-экономических систем развитых стран наиболее часто встречающимся словом стало «инклюзивность». Даже в цитадели современного капитализма по данным американского института общественного мнения (института Гэллага) в последнем десятилетии более половины американцев в возрасте от 18 до 29 лет предпочитают социализм капитализму [Newport Frank, 2018]. Наряду с поиском новых инструментов распределительной функции государства от прогрессивного налогообложения недвижимости до запрета выкупа корпорациям собственных акций, в настоящее время широко обсуждается предложение 50-летней давности основателя и председателя Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба о создании «капитализма заинтересованных сторон» (stakeholder capitalism), в котором деятельность корпораций ориентируется не только на максимизацию прибыли или рыночную ценность фирмы, но и интересы общества в целом (от shareholders к stakeholders). В августе 2019 г. предложение К. Шваба поддержали 181 главных исполнительных директоров ведущих американских компаний, собравшихся на очередное ежегодное с 1978 г. заседание «Делового круглого стола» (Business Roundtable) по корпоративному управлению. В принятом на нем «Заявлении о целях корпораций» говорится: «Хотя каждая из наших отдельных компаний выполняет свои собственные корпоративные цели, мы разделяем фундаментальные обязательства перед всеми заинтересованными сторонами» [Business Roundtable, 2019].

7. Экономическая глобализация

При традиционном анализе взаимодействия четырех макроэкономических субъектов учитывается воздействие внешней торговли и международного перелива капитала на установление ОЭР и динамику ВВП. Но в XXI в. этого оказалось недостаточно из-за появления нового феномена – глобализации, которая не меньше, чем возросшая роль финансовых рынков, модифицирует хозяйственную деятельность внутри национальных экономик. Нельзя экономическую глобализацию сводить к увеличению объемов мировой торговли и межстрановых потоков капитала, как ее интерпретируют некоторые авторы, приписывающие ей многовековую историю. Ее суть не в размерах трансграничных оборотов, а в широте распространения влияния деятельности национальных экономических агентов на своих заграничных визави. Глобализация – это совокупность процессов, размывающих национальные границы и уменьшающих регуляторные возможности государства. Аналогичные явления сейчас наблюдаются и в других сферах общественной жизни: политике, культуре, мировоззрении, экологии, описываемые другими разновидностями глобализации.

Исходным толчком экономической глобализации послужило появление и быстрое увеличение числа мультинациональных корпораций, способствующих ей масштабами и формами своей хозяйственной деятельности. В настоящее время они производят половину промышленной продукции мира и сосредоточили у себя 80% НИР. При измерении экономической мощи корпорации ее годовым выпуском, а государства годовым ВВП оказывается, что в настоящее время в списке 100 крупнейших экономик мира больше половины – это мультинациональные корпорации, оказывающие ощутимое влияние на условия жизни в странах их дислокации. Экономическую политику государства существенно осложняет то, что конечный выпуск мультинациональных корпораций складывается из длинной цепочки промежуточных операций, рассредоточенных в большом числе стран по критерию минимизации издержек. Популярным примером стало изготовление самолета Boeing 787 из 2,3 млн составных частей, поставляемых более 5400 производителями из разных стран, включая Анголу и Бермуды. Это осложняет политику налогообложения и экспортно-импортных пошлин. При проведении денежной политики приходится принимать во внимание наличие транснациональных банков (разновидность мультинациональных

корпораций), которые при желании совместными действиями могут повлиять на ключевую ставку ЦБ и курс национальной валюты.

Углубленному познанию сущности глобализации, в т. ч. и экономической, способствовало желание исследователей измерять ее количественно. Индекс нефинансовых мультинациональных корпораций с 1990 г. рассчитывает орган ООН ЮНКТАД в виде среднеарифметической суммы долей расположенных за рубежом активов, заграничной выручки и иностранных работников:

$$IT = \frac{(A_{in} / A + R_{in} / R + S_{in} / S)}{3},$$

где A – активы; R – выручка; S – работники.

Наиболее глубоко разработанным показателем вовлеченности отдельной страны в процесс глобализации является KOF Index of Globalization, созданный в Швейцарском экономическом институте (Swiss Economic Institute) в 2002 г. Для его построения страны оцениваются по 43 показателям, объединенным в три основные группы глобальной интеграции: экономической, социальной и политической. При этом оценка экономической глобализации образуется в результате суммирования оценок товарной и финансовой глобализации; социальная глобализация равна сумме оценок международного общения жителей страны, информационной и культурной глобализаций; оценка политической глобализации зависит от участия граждан в неправительственных международных организациях и миссиях ООН. В 2016 г. составители индекса KOF пошли еще дальше, выделяя de-facto и de-jure показатели глобализации во всех измерениях и под-измерениях индекса (Приложение III). Такая детализация позволяет подробно анализировать влияние различных видов глобализации на благосостояние людей. При оценке de-facto глобализации учитываются реальные потоки и действия, а показатель de-jure глобализации отображает политику, ресурсы, условия и институты, которые обеспечивают или облегчают de-facto глобализацию. Значения этих показателей по некоторым странам в 2017 г. представлены в табл. 3.

Превышение KOFGI_{dj} над KOFGI_{df} в приведенных странах за исключением Швейцарии свидетельствует о том, что к 2017 г. правительства этих стран стимулировали процессы глобализации. На рис. 10 наглядно показано, как российское правительство подталкивало совокупность глобализационных процессов в стране (а), стремясь одновременно попридержать стремительно растущую финансовую глобализацию (б).

Таблица 3

Индексы общей глобализации, глобализации de-facto и de-jure в 2017 г.
KOFGI = (KOFGI_{df} + KOFGI_{dj})/2

	KOFGI	KOFGI _{df}	KOFGI _{dj}
Швейцария	91,3	91,8	90,8
Нидерланды	91,2	90,9	91,5
Англия	90,0	86,9	93,0
Германия	88,7	87,0	90,4
США	82,5	77,0	88,1
Россия	72,6	71,3	73,8
Китай	65,1	62,4	67,8
Узбекистан	47,3	39,5	56,0
Мир	62,1	59,4	64,1

Источник: kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html.

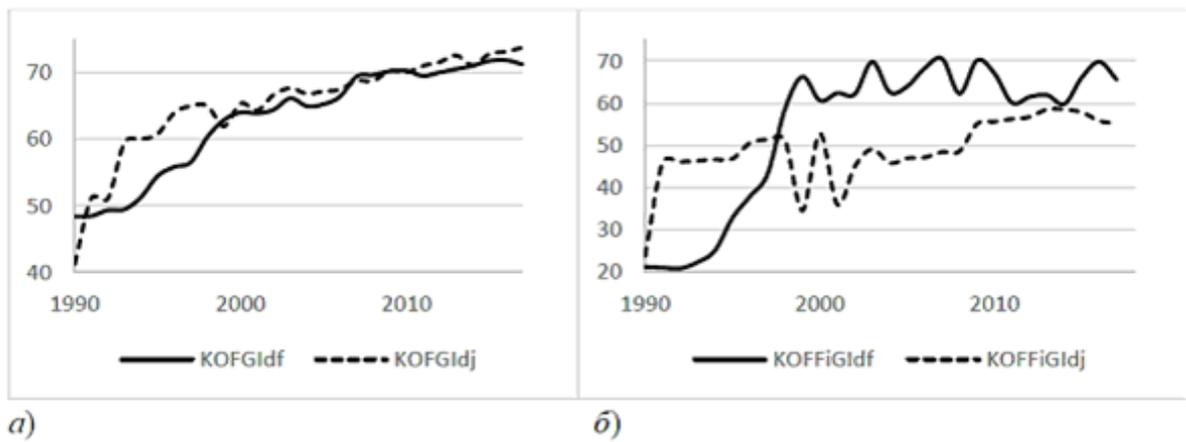

Рис. 10. de-facto и de-jure глобализации РФ в 1990–2017 гг.

В качестве показателя измерения благосостояния людей в настоящее время используется индекс человеческого развития (ИЧР) (Human Development Index, HDI), ежегодно рассчитываемый и публикуемый ООН по отдельным странам и миру в целом. ИЧР в интегрированном виде представляет уровень жизни, образованности и долголетие. На рис. 11 представлена динамика мировых KOFGI и HDI в 1990–2017 гг., иллюстрирующая позитивное влияние глобализации на условия жизни людей (значение каждого индекса в 1990 г. приняты за 1).

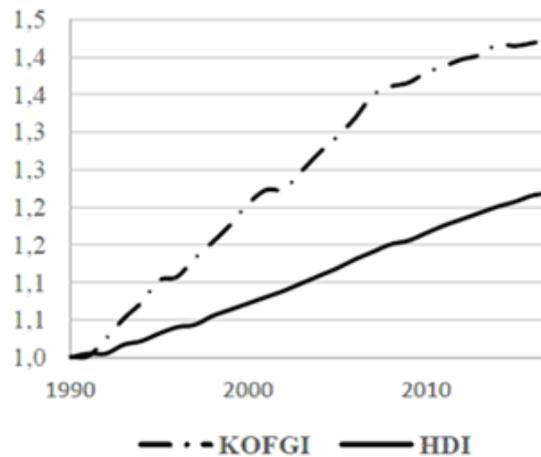

Рис. 11. Динамика индексов общей глобализации и человеческого развития

Тем не менее с появлением глобализации в ряде стран возникло движение антиглобалистов, которые с 2001 г. стали проводить ежегодные международные встречи на «Всемирном социальном форуме» в противовес экономическому форуму в Давосе. Будучи в то время главным экономистом Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 г. Джозеф Стиглиц так описал свое ощущение при возникновении масштабного антиглобалистского движения: «Акции протеста, сопровождавшие сессию Всемирной торговой организации в Сиэтле в 1999 г., были подобны шоку. С тех пор движение усилилось, а ярость распространилась еще больше. Фактически каждая важная встреча Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации сопровождается теперь конфликтами и беспорядками. Смерть участника протестов в Генуе в 2001 г. стала предвестником того, что протесты могут превратиться в войну против глобализации с многочисленными человеческими жертвами» [Стиглиц, 2003. С. 9]. С еще большим ожесточением антиглобалисты встретили участников саммита G20 в Гамбурге 7–8 июля 2017 г. Несмотря на то, что для обеспечения безопасности мероприятия в Гамбург были перебро-

шены около 20 тыс. полицейских, им не удалось предотвратить уличные беспорядки, в ходе которых пострадали сотни полицейских и демонстрантов.

Экономическая глобализация в качестве современного этапа развития общественного разделения труда при постоянном расширении ассортимента востребованных людьми благ увеличивает результативность общественного производства, координируемого рынком и социальными институтами, снижающими неопределенность и инклюзивность результатов. Исследование проблем глобализации в своей ставшей одним из бестселлеров экономической литературы Дж. Стиглиц заключает так: «Иные полагают, что существует простой выход: отказаться от глобализации. Однако это нереально и нежелательно. Глобализация принесла с собой улучшение здравоохранения, а также активное глобальное общество, борющееся за расширение демократии и социальную справедливость. Проблема не в глобализации, а в том, как она осуществляется» [Стиглиц, 2003. С. 112].

Главными акторами глобализации являются ООН, ОЭСР и саммиты глав государств G20. Генеральный секретарь ООН 1997–2006 гг. и лауреат Нобелевской премии мира 2001 г. Кофи Аннан, выступая 02.10.2002 г. в «Центре по исследованию проблем глобализации» Йельского университета, определил ее так: «Глобализация представляет собой то, что отличает нашу эпоху от всех предыдущих эпох. Мы должны направить нашу энергию на реализацию чаяния, выраженного в дословном, но вполне понятном арабском переводе слова «глобализация», буквально означающем «охват всего мира». Это мир, для которого характерны солидарность и понимание, терпимость к инакомыслию, возвеличивание культурного разнообразия, непререкаемый авторитет основополагающих, универсальных прав человека и убежденность в праве людей повсюду иметь реальную возможность влиять на то, как ими руководят». В своей речи 11.02.2000 г. в Бангкоке на конференции ООН по торговле и развитию Кофи Аннан подчеркнул, что «главные проигравшие в сегодняшнем очень неравном мире – это не те, кто слишком подвержен глобализации, а те, кто остался в стороне». В апреле 2017 г. по инициативе ОЭСР в Копенгагене состоялась конференция «Заставить глобализацию работать на всех: перспектива ОЭСР» (Making Globalisation Work for All: An OECD Perspective). Выступивший на ней Генеральный секретарь ОЭСР Анхель Гуррия так высказался по обсуждаемой проблеме: «Глобализация, под которой я имею в виду растущую интеграцию различных экономик в отношении потоков товаров, услуг, капитала, людей и идей, принесла чистые выгоды во всем мире. Способствуя распространению ноу-хау, содействуя специализации и более эффективному распределению ресурсов, это способствовало глобальному росту и помогло вывести сотни миллионов из нищеты. Глобализация – это средство для достижения цели, а не самоцель. Мы должны обеспечить, чтобы стимулируемый рост был всеобъемлющим и устойчивым, чтобы глобализация работала для всех». Конкретные способы решения этой задачи изложены в разработанной ОЭСР программе «Экономическая глобализация – возникновение и последствия (Economic Globalisation – Origins and consequences). Детищем экономической глобализации являются ежегодные саммиты руководителей стран G20, рожденные потребностью сотрудничества при решении мировых финансово-экономических проблем. Однако из-за естественного преобладания политики над экономикой в кругу забот глав государств эффективность саммитов оказалась невысокой по причине слабого выполнения принятых решений. Это вынуждены были признать сами участники встреч: на Гамбургском саммите 7–8 июля 2017 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель призвала коллег к повышению ответственности при принятии решений. Очередной саммит намечен на 21–22 ноября 2020 г. в Эр-Рияде под девизом «Реализация возможностей 21-го века для всех».

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Таблица 1

Динамика имущества домашних хозяйств 50 экономически развитых стран с 65% населения мира, сосредоточивших 95% мирового богатства (долл. в расчете на одного взрослого старше 18 лет)

Год	Чистое богатство	Финансовое богатство	Нефинансовое богатство	Долг
2000	31,4	20,1	16,2	4,9
2001	30,0	19,0	15,9	4,9
2002	32,5	19,8	18,2	5,5
2003	37,9	23,1	21,3	6,4
2004	42,7	25,6	24,3	7,2
2005	43,8	26,2	24,7	7,1
2006	49,0	29,1	27,9	8,0
2007	53,8	31,6	31,2	8,9
2008	48,5	28,2	28,8	8,6
2009	51,5	30,5	30,1	9,1
2010	53,3	31,4	30,8	9,0
2011	55,5	32,7	31,9	9,0
2012	58,0	34,4	32,8	9,2
2013	61,3	36,7	33,9	9,3
2014	60,5	36,5	32,8	8,8
2015	59,8	36,2	32,2	8,6
2016	62,5	39,3	31,7	8,5
2017	70,5	43,9	35,9	9,3
2018	68,3	42,0	35,7	9,4
2019	70,8	44,0	36,4	9,6

Чистое богатство = Финансовое богатство + Нефинансовое богатство – Долг.

Источник: Global wealth databook 2019. Research Institute. October 2019. Credit Suisse. P. 134.

Таблица 2

ВВП и имущество домашних хозяйств в расчете на одного взрослого старше 18 лет по отдельным странам (долл.).

	ВВП на 1 взрослого 2019 г.	Богатство на 1 взрослого 2000 г.	Богатство на 1 взрослого 2019 г.
Швейцария	102,8	231,4	564,7
США	85,3	210,7	432,4
Канада	59,2	114,8	294,3
Англия	55,2	148,8	280,0
Франция	55,7	105,7	276,1
Норвегия	105,1	104,8	267,3
Италия	42,2	120,0	234,1
Германия	58,8	96,0	216,7
Финляндия	63,6	73,5	183,1
Китай	12,7	4,3	58,5
Россия	14,5	2,2	27,4
Индия	3,3	2,1	14,6

Источник: Ibid. P. 21–22.

Таблица 3

Среднегодовые темпы прироста ВВП и имущества домашних хозяйств в 2000–2019 гг. в расчете на одного взрослого старше 18 лет по отдельным странам (%)

Страна	ВВП на 1 взрослого	Богатство на 1 взрослого	Страна	ВВП на 1 взрослого	Богатство на 1 взрослого
Китай	7,6	10	Англия	0,9	2,2
Швеция	1,4	4,7	США	0,9	1,9
Австралия	1,2	2,7	Франция	0,7	2,7
Германия	1,0	1,9	Швейцария	0,6	1,5

Источник: Ibid. P. 136.

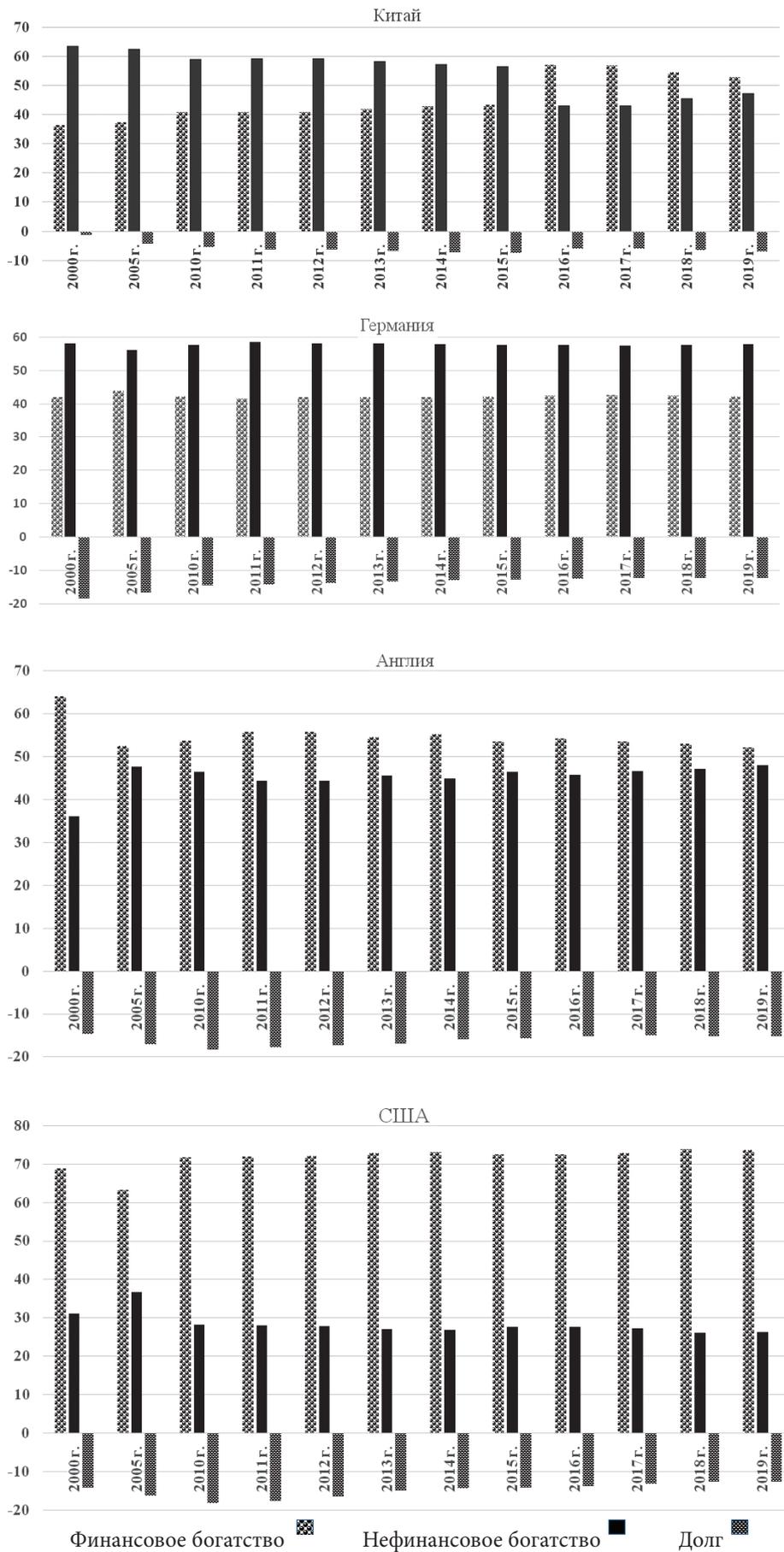
Таблица 4

Средние нормы сбережений и темп прироста имущества домашних хозяйств на одного взрослого старше 18 лет в 2000–2019 гг. по отдельным странам (%)

Страна	Норма сбережения	Рост богатства на 1 взрослого	Страна	Норма сбережения	Рост богатства на 1 взрослого
Китай	47,1	10	Германия	26,3	1,9
Швейцария	34,2	1,5	США	23	3
Швеция	28,3	4,7	Франция	22,5	2,7
Россия	28	7,2	Англия	13,5	2,2

Источник: Ibid. P. 135.

О модернизации курса «макрэкономика»

Диаграммы. Динамика структуры активов и долгов домашних хозяйств по отдельным странам (%)
 Составлено по: Global wealth databook 2019. Research Institute. October 2019. Credit Suisse. P. 151–152.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Таблица 1
Мультипликация в периоде I

n	Y	Y ^v	C	W	T	
1	120,0	102	81,6	20,4	18,0	
2	81,6	69,4	55,5	13,9	12,2	
3	55,5	47,2	37,7	9,4	8,3	
4	37,7	32,1	25,7	6,4	5,7	
5	25,7	21,8	17,4	4,4	3,8	
...	
25	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	T- G
Всего	375	318,8	255	63,8	56,2	-63,8

Обозначения: n – разновидности экономической деятельности; $Y = (G + C)$ – национальный доход, $Y^v = Y(1 - \theta)$ – располагаемый доход; C – объем потребления; $W = (Y^v - C)$ – объем имущества; T – налоги; (T- G) – дефицит госбюджета.

Таблица 2
Мультипликация в периоде II при функции потребления Модильяни

n	Y	Y ^v	C	W	T	
1	120	102	85,68	16,3	18,0	
2	85,7	72,83	61,04	11,8	12,9	
3	61,0	51,88	43,39	8,5	9,2	
4	43,4	36,88	30,79	6,1	6,5	
5	30,8	26,17	21,81	4,4	4,6	
...	
25	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	T- G
Всего	414,8	352,6	294,8	57,8	62,2	-57,8

Таблица 3
Мультипликация в периоде III при функции потребления Модильяни

n	Y	Y ^v	C	W	T	
1	120	102	88,94	13,06	18,0	
2	88,9	75,6	65,6	10,0	12,9	
3	65,6	55,8	48,2	7,6	9,2	
4	48,2	41,0	35,3	5,7	6,5	
5	35,3	30,0	25,7	4,3	4,6	
...	
25	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	T- G
Всего	450,8	383,0	330,9	52,4	67,6	-52,4

Таблица 4

Мультипликация в периоде II при наличии гособлигаций

n	Y	Y ^v	C	W	H	B	T	
1	120,5	102,4	86,0	16,4	8,2	8,2	18,1	
2	86,4	73,4	61,5	11,9	6,0	6,0	13,0	
3	61,7	52,5	43,9	8,6	4,3	4,3	9,3	
4	44,0	37,4	31,2	6,2	3,1	3,1	6,6	
5	31,3	26,6	22,2	4,5	2,2	2,2	4,7	
...	
35	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	T- G - iBt-1
Всего	419,8	356,9	298,2	58,6	29,3	29,3	63,0	-58,6

Таблица 5

Мультипликация в периоде III при наличии гособлигаций

n	Y	Y ^v	C	W	H	B	T	
1	120,9	102,8	89,6	13,2	6,6	6,6	18,14	
2	90,2	76,7	66,5	10,2	5,1	5,1	13,5	
3	67,0	56,9	49,1	7,8	3,9	3,9	10,0	
4	49,5	42,0	36,2	5,9	2,9	2,9	7,4	
5	36,4	30,9	26,5	4,4	2,2	2,2	5,5	
...	
35	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	T- G - iBt-1
Всего	461,0	391,9	338,0	53,9	27,0	27,0	69,2	-53,9

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Структура КОФ – Индекса глобализации

Индекс глобализации, де факто	Вес	Индекс глобализации, де юре	Вес
Экономическая глобализация, де факто	33,3	Экономическая глобализация, де юре	33,3
Глобализация торговли, де факто	50	Глобализация торговли, де юре	50
Торговля товарами	38,8	Регулирование торговли	26,8
Торговля услугами	44,7	Налоги на торговлю	24,4
Разнообразие торговых партнеров	16,5	Тарифы	25,6
		Торговые соглашения	23,2
Финансовая глобализация, де факто	50	Финансовая глобализация, де юре	50
Прямые иностранные инвестиции	26,7	Ограничения на инвестиции	33,3
Портфельные инвестиции	16,5	Открытость капитальных счетов	38,5
Внешний долг	27,6	Международные соглашения об инвестициях	28,2
Международные резервы	2,1		
Международные выплаты дохода	27,1		
Социальная глобализация, де факто	33,3	Социальная глобализация, де юре	33,3
Межличностная глобализация, де факто	33,3	Межличностная глобализация, де юре	33,3
Международный голосовой трафик	20,8	Подписки на телефоны	39,9
Трансферы	21,9	Свобода визитов	32,7
Международный туризм	21,0	Международные аэропорты	27,4
Иностранные студенты	19,1		
Миграция	17,2		
Информационная глобализация, де факто	33,3	Информационная глобализация, де юре	33,3
Использование широкополосного интернета	37,2	Доступность телевидения	36,8
Международные патенты	28,3	Доступность интернета	42,6
Высокотехнологичный экспорт	34,5	Свобода прессы	20,6
Культурная глобализация, де факто	33,3	Культурная глобализация, де юре	33,3
Торговля культурными благами	28,1	Гендерный паритет	24,7
Торговля личными услугами	24,6	Человеческий капитал	41,4
Международные торговые марки	9,7	Гражданские свободы	33,9
Рестораны МакДональдс	21,6		
Магазины ИКЕА	16		
Политическая глобализация, де факто	33,3	Политическая глобализация, де юре	33,3
Посольства	36,5	Международные организации	36,2
Миссии ООН по поддержанию мира	25,7	Международные договоры	33,4
Международные НКО	37,8	Разнообразие партнеров по договорам	30,4

ЛИТЕРАТУРА

- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. (2005). Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб: Экономическая школа.
- Заостровцев А. П. (2009). Теория общественного выбора и конституционная политическая экономия. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ.
- Калягин Г. В. (2009). Влияние политических институтов на динамику макроэкономических показателей // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. №2. С. 43–68.
- Мински Х. (2017). Стабилизируя нестабильную экономику. М.: Институт Гайдара.
- Мюллер Д. (2007). Общественный выбор III. М.: ГУ ВШЭ.
- Нарышкин А. (2015). Роль неоконсервативных реформ в обеспечении национальной конкурентоспособности стран северной Европы // Вестник московского университета. Сер. 25. С. 182–200.
- Оверченко М. (2020). Инвесторы продают все, чтобы выйти в деньги // Ведомости. 19 марта.
- Полтерович В. М. (2011). Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. №2. С. 101–111.
- Понкратов В.В., Караев А.К. (2018). Особенности конструирования эмпирических SFC моделей для целей бюджетного планирования и стратегического прогнозирования // Дайджест научной жизни Финансового университета». Вып. №7. Сентябрь. С. 6–9.
- Путин В. В. (2015). Выступление на пленарном заседании Общероссийского форума «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» 15 января. to77.minjust.ru/ru/node/118672.
- Стиглиц Дж. (2003). Глобализация. Тревожные тенденции. М.: Национально-общественный научный фонд.
- Barro R. J., Gordon D. B. (1983). Rules, Discretion, and Reputation in a Model of Monetary Policy // Journal of Monetary Economics. Vol. 12. Pp. 101–121.
- Beck, T., Levine, R., Loayza, N. (2000). Finance and the sources of growth // Journal of Financial Economics. Vol. 58 (1–2). Pp. 261–300.
- Blanchard O., Watson M. (1982). Bubbles, Rational Expectations and Financial Markets. NBER // Working Paper No. 945.
- Brancaccio E.; Califano A. (2018). Anti-Blanchard Macroeconomics. A Comparative Approach. UK: Edward Elgar Publishing.
- Business Roundtable Redefines the Purpose of a Corporation to Promote “An Economy That Serves All Americans”. 19.08. 2019. <https://www.businessroundtable.org/business-roundtable-redefines-the-purpose-of-a-corporation-to-promote-an-economy-that-serves-all-americans>.
- Carlin W., Soskice D. (1990). Macroeconomics and the Wage Bargain. Oxford: Oxford University Press.
- Carlin W., Soskice D. (2000). Macroeconomics: Imperfections, Institutions and Policies. Oxford: Oxford University Press.
- Carlin W., Soskice D. (2015). Macroeconomics: Institutions, Instability and the Financial System. Oxford: Oxford University Press.
- Claessens St., Kose M. A., Terrones M. E. (2011). Financial Cycles: What? How? When? // NBER International Seminar on Macroeconomics. Vol. 7. No. 1. Pp. 303–344.
- Coyle D. (2012). Are economics graduates fit for purpose? // VOX CEPR Policy Portal. 22 February. voxeu.org/article/are-economics-graduates-fit-purpose
- Drehmann M., Borio C., Tsatsaronis K. (2012). Characterising the financial cycle: don't lose sight of the medium term! // BIS Working Papers. No 380. June.
- Elements of Effective Macroprudential Policies (2016). IMF-FSB-BIS. 31 August.
- Goldsmith R. W. (1969). Financial structure and development. – New Haven: Yale University Press.
- Levine, R., Zervos, S. (1998). Stock markets, banks, and economic growth // The American Economic Review. Vol. 88. No.3. Pp. 537–558.
- Loungani P. (2015). The Frenchman Who Reshaped the IMF // The Globalist. 2 October.
- McKinnon R. I. (1973). Money and capital in economic development. – Washington, D. C.: Brooking Institution.
- Metals Focus, Refinitiv GFMS, ICE Benchmark Administration, World Gold Council. 30. 01.2020.
- Newport F. (2018). Democrats More Positive About Socialism than Capitalism // GALLUP. Politics. 13. August. news.gallup.com/poll/240725/democrats-positive-socialism-capitalism.aspx.
- OECD Strategic Approach to combating Corruption and Promoting Integrity. OECD 2018.
- Rünstler G. (2016). How distinct are financial cycles from business cycles? // Research Bulletin. No. 26.
- Schoenmaker D., Wierts P. (2016). Macroprudential Supervision: from Theory to Policy // National Institute Economic Review. No. 235 February. Pp. 50–62.
- Schüler Y., Hiebert P., Peltonen T. (2015). Characterising the financial cycle: a multivariate and time-varying approach // Working Paper Series. No1846. September. European Central Bank.
- Sheng A. (2009). Asian to Global Financial Crisis. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith N. (2019). It's time to retire Harvard professor Gregory Mankiw's conventional wisdom // Bloomberg Opinion. Economics. 12 March. www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-12/gregory-mankiw-steps-down-at-harvard-ending-an-era-in-economics
- Tobin J. A. (1978). Proposal for Monetary Reform // Eastern Economic Journal. No 3–4. Pp. 153–159.

Гребенников Петр Ильич
 petrgrebennikov@gmail.com

Petr I. Grebennikov
 Doctor of economics, professor, independent researcher, Russia
 petrgrebennikov@gmail.com

ON THE MODERNIZATION OF THE COURSE “MACROECONOMICS”

Abstract. The article outlines some directions for improving the academic course “Macroeconomics” in accordance with the modern complication of socio-economic processes in national economies. Attention is drawn, in particular, to shifts from the Keynes multiplier to the Godley multiplier, from ex-post to ex-ante in the main macroeconomic identity, from the IS-LM model to the IS-PC-MR model. New approaches to revealing the specifics of financial markets are noted. The article concludes with a discussion of state interventionism and globalization.

Key words: multiplier autonomous expenditure, sectoral balance sheets, financial market, post Keynesianism, economic globalization.

JEL: E00, E10, E60.

REFERENCES

- Beck T., Levine R., Loayza N. (2000). Finance and the sources of growth // Journal of Financial Economics. Vol. 58 (1–2). Pp. 261–300.
- Blanchard O., Watson M. (1982). Bubbles, Rational Expectations and Financial Markets. NBER // Working Paper No. 945.
- Brancaccio E.; Califano A. (2018). Anti-Blanchard Macroeconomics. A Comparative Approach.
- Brennan J., Buchanan J. (2005). Prichina pravil. Konstitutsionnaya politicheskaya ekonomiya. [The Reason of Rules. Constitutional Political Economy]. SPb.: Ekonomicheskaya Shkola.
- Business Roundtable Redefines the Purpose of a Corporation to Promote “An Economy That Serves All Americans”. 19.08. 2019. www.businessroundtable.org/business-roundtable-redefines-the-purpose-of-a-corporation-to-promote-an-economy-that-serves-all-americans.
- Carlin W., Soskice D. (1990). Macroeconomics and the Wage Bargain. Oxford: Oxford University Press.
- Carlin W., Soskice D. (2000). Macroeconomics: Imperfections, Institutions and Policies. Oxford: Oxford University Press.
- Carlin W., Soskice D. (2015). Macroeconomics: Institutions, Instability and the Financial System. Oxford: Oxford University Press.
- Claessens St., Kose M.A., Terrones M.E. (2011). Financial Cycles: What? How? When? // NBER International Seminar on Macroeconomics. Vol. 7. No. 1. P. 303–344.
- Coyle D. (2012). Are economics graduates fit for purpose? // VOX CEPR Policy Portal. 22 February. voxeu.org/article/are-economics-graduates-fit-purpose.
- Drehmann M., Borio C., Tsatsaronis K. (2012). Characterising the financial cycle: don't lose sight of the medium term! // BIS Working Papers. No 380. June.
- Elements of Effective Macroprudential Policies (2016). IMF-FSB-BIS. 31 August.
- Goldsmith R.W. (1969). Financial structure and development. New Haven: Yale University Press.
- Kalyagin G.V. (2009). Vliyanie politicheskikh institutov na dinamiku makroekonomicheskikh pokazatelej. [The Influence of Political Institutions on Dynamics of Macroeconomic Indicators] // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakulteta. Elektronnyy zhurnal. №2. S. 43–68.
- Levine R., Zervos S. (1998). Stock markets, banks, and economic growth // The American Economic Review. Vol. 88. No.3. P. 537–558.
- Loungani P. (2015). The Frenchman Who Reshaped the IMF // The Globalist. 2 October.
- McKinnon R. I. (1973). Money and capital in economic development. Washington, D.C.: Brooking Institution.
- Metals Focus, Refinitiv GFMS, ICE Benchmark Administration, World Gold Council. 30. 01.2020.
- Minsky H. (2017). Stabiliziruya nestabilnuyu ekonomiku [Stabilizing an Unstable Economy]. M.: Gaidar Institut.
- Mueller D. (2007). Obshchestvennyi vybor III [Public Choice III]. M.: GU VSHE.
- Naryshkin A. (2015). Rol' neokonservativnykh reform v obespechenii natsionalnoi konkurentosposobnosti stran severnoi Evropy // Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 25. 2015. S. 182–00.
- Newport F. (2018). Democrats More Positive About Socialism than Capitalism // GALLUP. Politics. 13. August. news.gallup.com/poll/240725/democrats-positive-socialism-capitalism.aspx.
- OECD Strategic Approach to combating Corruption and Promoting Integrity. OECD 2018.

- Overchenko M.* (2020). *Investory prodavut vse, chtoby vyjti v dengi.* [Investors Sale All in Order to Get Money] // *Vedomosti.* 19 March.
- Polterovich V.M.* (2011). *Stanovlenie obshhego social'nogo analiza* [The Rise of Social Analysis] // *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost.* №2. S. 101–111.
- Ponkratov V.V., Karaev A.K.* (2018). *Osobennosti konstruirovaniya e'mpiricheskix SFC modelej dlya celej byudzhethnogo planirovaniya i strategicheskogo prognozirovaniya* [Features of Designing Empirical SFC Models for Budget Planning and Strategic Forecasting Purposes] // *Dajzhest nauchnoj zhizni Finansovogo universiteta.* Vyp. № 7. September. S. 6–9.
- Putin V.V.* (2015). *Vystuplenie na plenarnom zasedanii Obshcherossiiskogo foruma «Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: sotrudnichestvo vo imya razvitiya»* [Speech at the plenary meeting of the All-Russian Forum “The State and Civil Society: Cooperation for Development”]. 15 January. [to77.minjust.ru/ru/node/118672](http://77.minjust.ru/ru/node/118672)
- Rüinstler G.* (2016). *How distinct are financial cycles from business cycles?* // *Research Bulletin.* No. 26.
- Schoenmaker D., Wiertz P.* (2016). *Macroprudential Supervision: from Theory to Policy.* *National Institute Economic Review.* No. 235. February. Pp. 50–62.
- Schüler Y., Hiebert P., Peltonen T.* (2015). *Characterising the financial cycle: a multivariate and time-varying approach* // *Working Paper Series.* No1846. September. *European Central Bank.*
- Sheng A.* (2009). *Asian to Global Financial Crisis.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith N.* (2019). *It's time to retire Harvard professor Gregory Mankiw's conventional wisdom* // *Bloomberg Opinion. Economics.* 12 March. www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-12/gregory-mankiw-steps-down-at-harvard-ending-an-era-in-economics.
- Stiglits J.* (2003). *Globalizaciya. Trevozhnye tendentsii.* [Globalization and Its Discontents]. M.: *Natsional'no-obshchestvennyi nauchnyi fond.*
- Tobin J. A.* (1978). *Proposal for Monetary Reform* // *Eastern Economic Journal.* No 3–4. Pp. 153–159.
- Zaostrovsev A. P.* (2009). *Teoriya obshchestvennogo vybora i konstitucionnaya politicheskaya ekonomiya* [Public Choice Theory and Constitutional Political Economy]. SPb.: *Izd-vo SPbGUEF.*

А.Е. Шаститко

*д.э.н., профессор, Московский государственный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

А.А. Курдин

*к.э.н., с.н.с., Московский государственный университет, Российская
академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ*

В ОЖИДАНИИ НЕПРЕДВИДЕННОГО

Аннотация. Статья посвящена особенностям поведения экономических агентов в ситуациях выбора с разными информационными характеристиками. Ситуации принятия решений могут быть систематизированы по признакам наличия информации о составе возможных случайных событий и вероятности их наступления. Можно выделить ситуации определенности, риска, параметрической и структурной неопределенности. В ряде случаев попадание экономических агентов в наиболее сложную ситуацию структурной неопределенности способствует выработке институциональных механизмов, способствующих сокращению транзакционных издержек. В работе показано, что и базовые институты государства, и нормы регулирования интеллектуальной собственности, и нормы антимонопольной политики формируются в контексте поиска ответов на вызовы избыточной неопределенности. В широкой интерпретации пути для выработки этих ответов связаны либо с инвестициями в снижение неопределенности, либо с сохранением широкого разнообразия доступных институциональных альтернатив. Пандемия COVID-19 привнесла в экономическую реальность дополнительную степень неопределенности. В этом контексте она могла бы стать драйвером для выработки новых институциональных механизмов социально-экономической адаптации. Но стейкхолдеры по ряду причин, установленных в работе, зачастую не готовы инвестировать в разработку этих новых механизмов.

Ключевые слова: *транзакционные издержки, институты, неопределенность, риск.*

JEL: B41, D81, O10.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10202.

1. Постановка проблемы

Современная экономическая теория – с этим тезисом согласятся, разумеется, не все, но все же многие исследователи – в своей основе является теорией индивидуального выбора в мире ограниченных ресурсов, которая разворачивается в сложный комплекс концепций, объясняющих не только взаимодействие между отдельными экономическими агентами, функционирование отдельных товарных рынков и множества рынков, характеризующих экономику, но также альтернативных/дополняющих их механизмов (в первую очередь – механизмов иерархии) не только в пределах одной национальной экономики, но и в мировом масштабе. Неслучайно в рамках австрийской школы экономическая теория считалась важнейшей частью прагматологии как науки о человеческой деятельности [Мизес, 2000].

Возможно, с другим тезисом большинству сложно будет согласиться, но тем не менее трудно отрицать: один из ключевых вопросов выбора – способность человека, групп людей и обществ, с одной стороны, создавать изменения (в том числе значимые для других людей, групп и обществ), а, с другой – адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Вопрос не только и даже не столько в том, как адаптироваться к заранее известным изменениям. О какой вообще адаптации можно говорить, если все заранее известно и есть достаточно много времени (относительно сложности, масштабности решаемой задачи при заданных способностях адаптирующихся) на корректировку планов, достижение новых договоренностей? Если же обстоятельства наступают неожиданно и игнорировать их нельзя в силу значимости («черные лебеди», по Нассиму Талебу [Талеб, 2015]¹), а времени на принятие решений (как это часто бывает на практике) мало, то мы сталкиваемся с хорошими условиями для тестирования системы на предмет адаптационной эффективности. Один из ключевых вопросов организации общества в целом и отдельных его элементов (групп, индивидов) – доступные варианты адаптации и стимулы воспользоваться наилучшими из них сообразно обстоятельствам места и времени. Строго говоря, изменчивость поведения под влиянием и сообразно новым обстоятельствам – одно из важнейших свойств эволюционно эффективной системы.

Один из ближайших и очевидных примеров – пандемия, связанная с распространением в мире коронавируса в конце 2019–2020 гг. Хотя появление нового заболевания было в конце января объявлено ВОЗ чрезвычайной ситуацией международного значения, к тому моменту уже в 18 странах были выявлены инфицированные. С учетом значительной доли инфицированных с бессимптомным течением болезни (что осложняло как идентификацию зараженных, так и осознание тяжести ситуации), а также высокой контагиозности нового коронавируса, в тот момент уже крайне сложно было принять меры, позволяющие локализовать проблему. Также можно было наблюдать разные варианты реакции на COVID-19 в разных странах и в разные моменты времени – от теории заговора до пренебрежительного отношения к последствиям заражения. Данная статья задумывалась задолго до того, как мир охватила пандемия, но как нам представляется, некоторые моменты, которые будут обсуждаться далее, могут быть важны и при обсуждении данной проблемы.

Разумеется, люди не настолько наивны, чтобы допускать, что с ними ничего неожиданного не может случиться даже несмотря на то, что они могут накопить значительный опыт предвидения. Более того, именно у тех людей, кто обладает значительным опытом построения прогнозов (предвидения будущего), попутно развивается и готовность согласиться с фактом вероятности непредвиденного. Как, например, с оценкой вероятности начала следующего кризиса, третьей мировой войны, следующей опасной пандемии или образа «падающего на голову кирпича»? Однако в этом случае, по крайней мере, известны характеристики тех событий, которые принято называть элементарными и которым приписывают вероятности – объективные или субъективные. С более специальным событием – упомянутой выше пандемией коронавируса – уже сложнее. Суть, глубину и масштабы проблемы человечество осознает по мере того, как драма разворачивается на разных континентах.

В рамках различных направлений экономической науки, включая неоклассическую, новую институциональную, австрийскую школы, неопределенность является непременным спутником человеческой деятельности, направленной от того, что есть, к тому, что должно быть. Однако в рамках именно третьего из упомянутых направлений то, что должно быть, само по себе не происходит. Причина в том, что в рамках моделирования

¹ Строго говоря, сам Талеб не считает кризис в связи с пандемией «черным лебедем», поскольку распространение пандемии можно было предвидеть и предотвратить. Более того, он категорически возражает против такого определения: biz.liga.net/ekonomika/all/novosti/nassim-taleb-pandemiya-koronavirusa-ne-chernyy-lebed-ee-mojno-bylo-izbejat.

индивидуального выбора возможности выбора изначально неизвестны индивиду, а раскрываются в процессе выработки решения. Именно на этом пункте сделан акцент. Отсюда идея о формировании возможностей выбора (известных еще как бюджетные возможности) в рамках выбора как процесса. Но то, что именно деятельность одного человека (группы людей) может быть источником неопределенности (причем важнейшим) для другого человека (группы), делает этот вопрос еще более важным, масштабным и вместе с тем сложным. Чем выше плотность экономической деятельности, чем выше интенсивность столкновения намерений и интересов отдельных индивидов и групп, чем разнообразнее варианты принимаемых решений, тем значимее поставленная проблема. Одним из примеров, иллюстрирующих указанную проблему, является модель координационной игры, в которой каждый из игроков может выбирать вариант действия из N доступных вариантов, но одновременно (то есть без согласования) с другими игроками. Соответственно, выигрыш каждого из игроков зависит не только от его собственных действий, но и от действий других индивидов. Таким образом, несмотря на множество вариантов равновесия, чем больше вариантов решений для каждого из участников игры, тем меньше вероятность, что результат устроит всех их вместе и каждого по отдельности [Шаститко, 2010, 2018]. Однако обычная форма этой игры не предполагает, что действия кластеризованы на предвидимые и неизвестные (неспецифицируемые) *ex ante*.

Осознание возможности наступления не специфицированных *ex ante* событий (в том числе непредвиденных последствий действий, совершенных индивидом, чье поведение исследуется, или другими людьми) еще не означает, что человек предпримет какие-либо упреждающие действия, которые, как окажется постфактум, облегчат адаптацию к новым условиям (в том числе реформирует игру, получив «право первого хода»). Соответственно, оказывается весьма актуальным вопрос о том, что именно может побудить рационального индивида на практические действия (а не только на размышления в стиле Обломова) в период времени, когда то, к чему он готовится, пока неизвестно. В таком контексте, разумеется, может оказаться полезной концепция рациональной неосведомленности, используемая теоретиками общественного выбора при объяснении поведения избирателей на несовершенных политических рынках [Downs, 1957; Бьюкенен, 1997]. Стремление человека быть информированным, особенно если это касается его благосостояния, сталкивается со значительными издержками, которые приводят к поиску заменителей – как вариант, к отказу от добывания знания и последующей компенсации недостатка знания согласием на использование услуг «лидеров мнений», то есть людей, которые считаются (признаются) информированными по интересующим людей (в контексте теории общественного выбора – избирателей) вопросам.

Поскольку и адаптация к изменяющимся обстоятельствам тоже требует усилий, то они могут быть затрачены, если субъективные оценки затрат окажутся не выше оценок (еще более субъективных) отдачи от созданного механизма адаптации. Обратим внимание, что уже здесь видна развилка между адаптацией к уже прояснившимся непредвиденностям и созданием заранее механизма адаптации к непредвиденному. Во втором случае спрос будет, скорее, на механизмы адаптации с более универсальными (пусть даже в ущерб потенциально более эффективным для определенного класса ситуаций) свойствами, чем для первого.

Фактически здесь речь идет об аналогии с окольными методами производства по Менгеру, когда потребление может быть основано как на непосредственно доступе к благам, так и на основе производства благ более высокого порядка [Менгер, 1992]. Однако в отличие от привычных благ более высоких порядков, которые используются для производства благ низших порядков, речь идет о благах, полезные характеристики которых актуализируются в случае наступления непредвиденных событий – организациях и институтах. Пример, который напрашивается сам собой, но тем не менее является лишь одним (и, воз-

можно, далеко не самым важным) из многих – стабилизационный фонд (вне зависимости от конкретных названия или его вариаций). Хотя размеры и механизм его формирования достаточно четко определены, факторы, которые приведут к решению о необходимости расходования средств фонда, просчитываемы лишь частично.

В частности, если оценка индивидом вероятности (речь совсем необязательно должна идти об объективных частотах возникновения тех или иных событий) наступления чего-то непредвиденного невелика, то, при прочих равных условиях, и стимулов готовиться к этому непредвиденному нет оснований. Наоборот, если относительно различимых и субъективно (как минимум) оцененных перспектив неожиданные события оказываются весьма вероятными, то и стимулы подготовиться к ним (в том числе институционально) оказываются сильнее. Правда, кто прав, а кто ошибся в выборе адаптационной стратегии сможет показать время (и эволюционная логика – выживает тот, кто обладает наибольшими возможностями приспособляться/адаптироваться, а также тот, кто угадал, если нет возможности приспособлять среду под себя, а ее свойства плохо изучены).

В частности, предсказания могут носить структурный характер (что, в соответствии с подходом Хайека [Хайек, 1992], вполне нормально для сложно организованных социальных систем). Они могут давать определенные ориентиры, но с такой точностью, что не позволяют – даже вероятностно – специфицировать их ante подмножество элементарных событий, которые с определенностью описываемы только ex post. Причем описать возможно только те из них, которые фактически произошли (соответственно, временной разрыв между информацией о характеристиках элементарных событий и приемлемым механизмом адаптации к ним оказывается непреодолимым).

Спрашивается: что толку от таких предсказаний? Действительно, если требуется высокая точность прогноза, то такие предсказания, скорее всего, не имеют прикладного результата. Однако если все-таки речь идет о некоторой общей направленности, целостном образе будущего с грубо просматриваемыми связями между существенными (значимыми) элементами как основании для построения стратегий, эти предсказания приобретают значимую полезность. Во многих случаях проектирование механизмов адаптации не требует высокой степени точности, но все же предполагает информацию об общих контурах будущего.

В инженерных системах современные технологии предиктивной аналитики позволяют опираться на сложные математические модели для предсказания возможных событий, не становясь рабами опыта, основанного на отработке прошлых событий. Однако инженерные системы – не то же самое, что социальные, поскольку осведомленные индивиды могут учитывать в своем поведении сам факт использования данных систем.

Такая постановка вопроса заведомо не допускает в качестве удовлетворительного, например, перевод неопределенных издержек в фиксированные посредством страхования. Отсюда, кстати говоря, и нестрахуемость значительной части предпринимательских рисков, так же как и рисков, связанных с трансформацией сложной социальной системы. Однако тогда необходимо более четко разобраться с множеством возможных событий, которые оказываются в фокусе внимания, для чего потребуются классификация ситуаций выбора (второй раздел). На основе данной классификации будет более подробно рассмотрена интересующая нас область структурной (радикальной) неопределенности с учетом результатов предшествующего исследования [Шаститко, 2018]. Затем, в третьем разделе, мы разберем способы реакции на непредвиденное (ожидаемое и неожиданное). Наконец, мы попытаемся ответить на вопрос об источниках институтов, позволяющих справиться с ожидаемым непредвиденным, а также о роли институтов как элемента системы, генерирующей непредвиденные события.

Сразу стоит отметить, что действия, направленные на создание идеального института в таком контексте, да еще с нормативными выводами, обречены на неудачу.

2. Типология ситуаций индивидуального выбора

Рассмотрим типологию ситуаций выбора через призму издержек как одного из важнейших элементов концепции, объясняющей условия и результаты индивидуального выбора. Основой анализа является типология, представленная в [Шаститко, 2010, 2018]. Как известно, в теории индивидуального выбора исследователь оперирует ожидаемыми издержками (даже если вполне очевидно, какие именно издержки возникнут в будущем и какова их субъективная оценка принимающим решение субъектом). Однако что именно знает принимающее решение лицо и каким образом это связано с его стимулами и последствиями принятия решений – в числе фундаментальных вопросов, требующих прояснения не только в контексте изолированных действий индивидов, но и взаимодействия между многими экономическими агентами как на микроуровне (отдельные контракты), так и на макроуровне (обсуждение и принятие законов).

2.1. Информированный выбор

Информированный выбор основан на допущении о том, что индивид располагает информацией не только относительно исходных условий, но и относительно будущего. Как будет показано далее, сам по себе информированный выбор неоднороден. Есть основания для выделения трех ситуаций информированного выбора: ситуаций определенности, риска и параметрической неопределенности.

2.1.1. Определенность

В условиях определенности, по сути, речь идет о том, что действия индивидов можно предсказать с высокой точностью и принять решения таким образом, что образ будущего (безальтернативный) в точности совпадет со свершившимся будущим. Отсюда возникает иллюзия предопределенности, что своими действиями индивид вообще ничего не может изменить. Вместе с тем данную ситуацию можно распространить на очень ограниченный круг вполне реальных ситуаций, когда человек, предприняв какие-либо действия, сталкивается именно с такими последствиями, которые ожидает, и никакими другими. Правда, стоит помнить, что без указанных действий все-таки не произошло бы того изменения, которое было заложено в ожидание (частный план) рассматриваемого индивида.

С позиции теории выбора в условиях неопределенности это означает, что вероятностью другого варианта развития событий можно пренебречь, как, например, в случае вероятности 0,99999 события с субъективной оценкой действующим лицом результата A_1 в отличие от альтернативного события, A_2 , оцениваемого действующим лицом на уровне с вероятностью 0,00001. Причем $EV(A_1) < EV(A_2)$ и различаются незначительно относительно соотношения вероятностей. Не в 99999 раз, а, например, в пределах 10. С позиции действующего лица здесь все определено в отличие от ситуации, когда ожидаемые величины ($EV(A_1)$ и $EV(A_2)$) – ожидаемые ценности будущих выигрышей – оказываются сопоставимыми.

Один из важных моментов в теории выбора – так называемые необратимые издержки (sunk cost), возникновение которых (так же как и их необратимость) вполне может оказаться предсказуемым. Действительно, заключая контракт с покупателем товара, требующего использования оборудования, которое имеет единственную альтернативу – утиль (то есть, например, стоимость металлолома), продавец вполне может осознавать возможность потратить деньги впустую, хотя ex ante перспективы очень даже радужные. Более того, если он сопоставит два обстоятельства – отсутствие гарантий и интерес контрагента, то лучшим выходом из сложившейся ситуации будет отказ от приобретения такого оборудования, каким бы производительным оно ни было.

И, строго говоря, здесь ничего неопределенного нет, если учесть основания для стратегического оппортунизма, с одной стороны, и отсутствие гарантий со стороны контрагентов, с другой, а также достаточные способности предвидеть (а именно эти способности делают определенным то, что для другого может скрываться за вуалью неопределенности) – с третьей. Именно эти обстоятельства позволяют решить загадку, когда и ресурсы вроде бы доступны, и понятно, какой проект можно было бы реализовать, и даже потенциальные партнеры есть, но тем не менее инвестиций нет или они не приводят к той отдаче, на которую можно было рассчитывать.

Именно ситуация определенности позволяет четко обозначить смысл необратимых издержек, которые связаны с применением ресурсов, пригодных лишь для первоначально определенного способа применения. Если эти издержки экзогенные (т. е. обусловлены внешними по отношению к экономической системе обстоятельствами), то индивид имеет основания для того, чтобы не принимать решения о расходовании ресурсов. Если же эти издержки эндогенные – например, ввиду особенностей взаимодействия между компаниями на рынке, – тогда предсказуемость необратимости издержек не дает оснований для отказа от расходовании ресурсов. Действительно, расходы на рекламную кампанию конкретного продукта вряд ли могут быть связаны с извлечением выгоды от реализации какого-либо другого продукта (если только это не случай положительных побочных эффектов), но отказ от рекламной кампании в условиях конкуренции между несколькими продавцами может привести к потере доли рынка и связанных с ней выигрышей.

2.1.2. Риск

В ситуации риска индивид не может с полной уверенностью заранее утверждать, какое из прогнозируемых событий случится, и поэтому не может с уверенностью оценить свой выигрыш (проигрыш). Единственное, что он может знать наряду со значениями выигрышей и проигрышей в абсолютном выражении, – это распределение объективных вероятностей между различными (элементарными) событиями. Последнее предполагает наличие информации о частоте возникновения тех или иных событий, которые имеют отношение к выбору индивида. Подчеркнем, что указанные ситуации относятся к категории ситуаций выбора с риском не потому, что они связаны с возможными потерями, а потому, что для них характерна доступность информации о распределении объективных вероятностей.

В результате вопрос выбора упирается в возможности решения задачи различной вычислительной сложности. Действительно, если событий всего два и известны объективные вероятности, – это случай учебника. Более сложной оказывается история с широким множеством элементарных исходов, которые агрегируются в определенные корзины (по принципу сложных лотерей).

2.1.3. Параметрическая неопределенность

В случае параметрической неопределенности знание о распределении объективно замеренных частот возникновения элементарных событий заменяется степенью уверенности индивида о возникновении каждого из элементарных событий, основанной исключительно на его оценках и не подкрепленных данными или теорией, имеющими прямое отношение к рассматриваемой ситуации выбора. Соответственно, картина мира, которая влияет на степень уверенности индивида, имеет большее значение, чем объективированные данные о мире.

И эта степень уверенности тесно связана с предпринимательской функцией – готовностью брать на себя бремя неопределенности не только потому, что другие субъекты не располагают информацией о распределении объективных вероятностей (это допущение распространяется на всех действующих лиц), но и потому, что предприниматели в состоя-

нии лучше структурировать представление о будущем и, в частности, видеть возможность наступления тех событий, которые другие, например, не в состоянии специфицировать *ex ante*. Вот почему данный вид неопределенности еще связывают с именем Фрэнка Найта [Knight, 1921]. Данный пункт особенно важен: в теории предпринимательства базовый принцип исследования – различия между людьми. И эти различия могут проявляться в дифференцированных способностях структурировать будущее (видеть разные множества элементарных событий, а также по-разному оценивать вероятность их наступления и приписывать этим событиям различную ценность).

2.2. Ограниченно информированный выбор

Сфера ограниченно информированного выбора, строго говоря, существует и в ситуации с субъективными вероятностями (параметрическая неопределенность). С точки зрения моделирования ситуации методами формального, экономико-математического, анализа различия незначительны. Однако ситуация кардинально меняется, если принимающий решения индивид не просто оказывается в ситуации, когда множество релевантных элементарных событий лишь частично различимо *ex ante*, но и само действующее лицо осознает ограниченность информации по указанному множеству. Эта ситуация описывается в терминах радикальной, или структурной, неопределенности.

Один из принципиальных моментов не только индивидуального, но и коллективного выбора – непредопределенность возможностей, которые учитываются принимающим решения лицом. Они в полной мере становятся понятными именно в момент, а точнее – в период времени, который можно было бы обозначить как процесс выбора.

Нет людей, которые в состоянии во всех деталях предвидеть будущее. И все же, как было отмечено ранее, люди различаются в своих способностях замечать признаки наступающего «завтра» (в определенном смысле можно сказать, что они различаются способностями и готовностью управлять своими действиями, устремленными в будущее, по слабым сигналам). Фактически – это аналог ситуации, которые описывал Израэль Кирцнер [Kirzner, 1973, 1997], согласно которому некоторые люди в состоянии заметить имеющиеся возможности извлечения выигрышей (причем общественно, а не индивидуально признаваемых результатов выбора как выигрышных) буквально «под ногами», а другие – нет. Из-за этого одни могут извлечь предпринимательскую прибыль, а другие – нет. Одни замечают такие возможности чаще, другие – реже (ведь многие люди в той или иной мере – предприниматели, даже если они этого не осознают).

3. И вновь о структурной неопределенности: институциональный ответ

Проблема, обсуждаемая ранее, кажется настолько абстрактной, что неясно, есть ли в ней практическое преломление. Однако при ближайшем рассмотрении несложно увидеть и вполне прикладные аспекты, актуальность которых трудно оспорить. В частности, это проблема количественной оценки отказа от будущих возможностей в результате принятого в настоящем решения, а также связанная с ним проблема возможности и стимулов для такой оценки. Последнее важно, так как в исторической ретроспективе то, что можно рационализировать *post factum*, еще не означает рационализации и даже рационализированности *ex ante* (отсюда – разница между функциональным и инструментальным как в экономическом анализе истории, так и индивидуального выбора).

Рассмотрим два примера, тесно связанные с правами собственности. Первый – общая защищенность прав и роль государства, а второй – регулирующее воздействие государства в условиях неопределенности.

3.1. Неопределенность, социальные порядки, государство и защищенность прав

Как было отмечено ранее, один из ключевых источников неопределенности будущего для человека – действия других людей. Причем эти действия могут иметь прямое отношение к его благосостоянию как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Фундаментальный вопрос в связи с этим – степень защищенности человека от факторов, усиливающих неопределенность будущего со знаком «минус». Фактически это именно то, о чем писали Аджемоглу и Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2019] применительно к вопросам наличия/отсутствия фундаментальных прав человека – права на безопасность, права на жизнь, выстраивая свою эвристическую модель (о чем более подробно в [Шаститко, 2020]).

Ожидание отрицательного непредвиденного, с которым непонятно как бороться, – вот что может блокировать свободный выбор и развитие способностей к стратегическому мышлению у человека. Но именно эта проблема возникает в мире ограниченных ресурсов, когда людям так или иначе приходится за них конкурировать. В этой связи мрачность экономической науки по Родрику [Родрик, 2017] подсвечивается именно ее проблематикой, для которой не характерны приятные неожиданности, а то, что мы считаем достижениями цивилизации, также далеко от совершенства.

Даже государство – эксплуатирующее и экспроприирующее (как Левиафан) – может оказаться лучше, чем война всех против всех. Причина именно в том, что безопасность в ситуации с Левиафаном хотя и оставляет желать лучшего, но все же не означает необходимости обороняться абсолютно от всех – даже тех, о которых изначально не было никакой информации. В этом, кстати, состоит «привлекательность» стационарного бандита в отличие от блуждающего бандита, который не только сам грабит, наводя страх и ужас, но и не препятствует тому, чтобы те, кого он грабит, занимались тем же самым [Шаститко, 2010]. Впрочем, в постановке Аджемоглу и Робинсона, такой Левиафан – совсем еще не гарантия от того, что он обеспечит жизнь лучше, чем в условиях войны всех против всех, в том числе по причине масштабов тех невзгод, источником которых стал он сам [Acemoglu, Robinson, 2019. Рр. 11–12]. Причем не так важно, каким образом этот Левиафан появился на свет – демократическим путем в результате выборов, вследствие военного переворота или каким-либо иным образом. Действительно, конституционный выбор, в терминах которого можно рассматривать Левиафана, может быть подорван тем, что сравнительные преимущества в применении насилия (или угрозе применения) будут использоваться таким образом, что отдаленные последствия войдут в прямое противоречие с декларируемыми целями.

Прежде чем перейти к другой сюжетной линии, важно отметить одну деталь: сорвавшийся с цепи Левиафан (тиранический Левиафан) – феномен, существование которого возможно благодаря недостаточной сдерживающей силе социальных норм, которые эмпирически можно обнаружить в малых сообществах (племенах), аналитически – в теории (той же теории Аджемоглу и Робинсона об узком коридоре экономического развития обществ между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм [Шаститко, 2020]), но неизмеримо труднее выделить, операционально описать и тем более квантифицировать в сложноорганизованных обществах. Эта задача осложняется тем, что эволюционно возникшие социальные нормы в мире ограниченных ресурсов до сих пор воспроизводят неравенство, насилие в социальных отношениях, пусть даже не в тех масштабах и формах, как это происходило, например, в XX в.... И такой подход действительно показывает, что картина разнообразных социальных порядков выглядит значительно сложнее, чем представлял себе Гоббс, считавший, по сути, что проблему плохой неопределенности будущего можно будет решить, пусть и не идеально, с помощью Левиафана. Есть порядок без государства, но есть и государство-Левиафан с порядками, эффекты которых не отличаются в лучшую сторону от последствий войны всех против всех.

Адаптация к изменяющимся обстоятельствам – главная проблема экономической организации [Меркуро, Медема, 2019. Р. 492]. Но адаптация адаптации разнь. В случае, когда бал правят блуждающие бандиты, адаптация тех, кого грабят, будет состоять в том, чтобы максимально снизить возможный ущерб, распределяя свои активы между экспроприруемой и неэкспроприруемой категориями активов, с одной стороны, и свою деятельность между производством и перераспределением, с другой.

3.2. Неопределенность, адаптация, регулирующее воздействие и эффект колеи

Проблема адаптации к изменяющимся обстоятельствам имеет и иное измерение, если мы переходим от сравнительного анализа социальных систем к различным способам адаптации на основе применяемых механизмов координации частных ожиданий и планов. В таком контексте рынок как механизм, основанный на использовании распределенной между самостоятельными индивидами экономически значимой информации, знания (по Хайеку), может быть противопоставлен иерархии – механизму, в котором координация предполагает не только горизонтальную, но и вертикальную мобильность информации с соответствующими правами на принятие решения – по Барнарду [Barnard, 1938].

В частности, с помощью государства можно обеспечить гарантии прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). Созданная тем самым исключительность может привести к монополизации рынков, которая, в свою очередь, способна ограничить возможности накопления и реализации творческого потенциала [Benkler, 2002] из-за кумулятивного характера развития знания [Маккай, 2019. С. 339; Nelson, 1994. Р. 2677]. Вопрос в том, как определить размер вознаграждения для автора РИД, если мы оказываемся в ситуации информационного парадокса по Эрроу [Arrow, 1962]: ex ante неизвестна (не всегда, но достаточно часто) ни ценность полученного результата, ни вероятность его получения. Более того, во многих случаях мы не можем ex ante даже четко специфицировать параметры данного результата, хотя частично этот вопрос и мог бы быть решен в рамках форсайта.

В частности, в конце XX в. вряд ли кто-то всерьез обсуждал вопрос о конкуренции между банками и телекоммуникационными компаниями на рынке услуг по обеспечению мгновенных переводов небольших денежных сумм. Тем более сложно было бы предметно ставить вопрос о конкуренции экосистем, в прошлом неконкурирующих, а в основном кооперирующихся компаний (например, финансовых, телекоммуникационных, транспортно-логистических). О некоторых из упущенных возможностей можно узнать лишь постфактум. Можно ли каким-то образом справиться с данной проблемой?

Аналогичная ситуация – с классическим вопросом в сфере антимонопольного регулирования: разрешить ли компании, которая хотела бы приобрести своего конкурента и тем самым увеличить свою долю на рынке до уровня, обеспечивающего ей индивидуальное доминирование. Один из аргументов в пользу сделки – снижение средних издержек ввиду значительной экономии на масштабе/разнообразии и/или сетевых эффектов, приводящих к росту выигрышей пользователей. Ключевой вопрос, до которого в обсуждении очередь может и не дойти (хотя от этого он не становится менее важным): возможно ли, что сохранение конкуренции обеспечит более сильные стимулы к такому снижению издержек и повышению готовности платить (сетевые эффекты), которое в долгосрочной перспективе приведет к результатам ничуть не хуже, а даже лучше по сравнению с ограничением конкуренции? Наверное, да. Из общих соображений. Однако откуда взять данные или вообще релевантную фактологию, а в случае ее наличия – на каком основании ей можно доверять? Зарезервировать контрольную группу для сравнения? И, возможно, компания с незначительной (пока) долей рынка найдет такое решение (не в формате сделки слияния), которое позволит резко расширить свое присутствие не только на данном рынке, но и на некоторых связанных рынках.

Есть минимум два варианта решения данного вопроса.

1) Инвестиции в знания относительно квантификации будущих возможностей (развитие методов форсайта – технологического, продуктового, организационного). Соответственно, кто получает более «качественный» прогноз (а надежность в данном случае – степень соответствия факту, которая становится известной постфактум), может оказаться и в более выигрышной позиции в контексте обсуждения доступных дискретных структурных альтернатив. В рамках данной альтернативы индивиды получают возможность субординированной оценки будущих возможностей и тем самым основания для принятия решения о способе прохождения развилки (даже с учетом значительных издержек, связанных с необратимостью такого решения – возникновением специфических последствий, характерных именно для выбранного варианта).

2) Поддержание *ex ante* достаточного разнообразия в том числе посредством сохранения конкуренции там, где, на первый взгляд, кажется, что она излишня, так как, например, мешает обеспечить более значительную экономию на масштабе или интернализировать сетевые внешние эффекты [Шаститко, Маркова, 2020. В печати]. Как известно, интернализация внешних эффектов допускает сравнение структурных альтернатив, и в этом плане коузианский подход (по духу) вполне может пригодиться для предметного обсуждения вопросов оценки неизвестного будущего. Такое разнообразие, разумеется, создает свои проблемы, особенно если это касается взаимодействия множества индивидов. Однако, вероятно, в динамическом аспекте большее значение будут приобретать не знания о фактах (событиях), а ценностные установки, которые помогают преодолеть проблему выбора на ощупь ввиду существования *vuали* неопределенности. Таким образом, потенциально важный аспект – возможность замещения выбора, основанного на знании фактов (технический выбор), выбором, основанным на представлении (необязательно вероятностном знании) о возможном будущем (ценностный выбор). Таков один из вариантов сочетания знаний и веры.

В обоих случаях в основе лежит соотнесение статической и динамической эффективности, которые могут быть оценены на разных подмножествах с сопоставимыми условиями. Возможно, в рамках исследования поставленного вопроса интерес будут представлять примеры выбора из ДСА в условиях радикальной неопределенности как минимум в одном из рассматриваемых вариантов.

Этот вопрос перекликается с другим – как связаны неопределенность и эффект «колеи» (если такой вообще присутствует) в динамике экономических отношений и организации. Напомним, что эффект «колеи» означает (1) зависимость возможностей выбора сейчас от сделанного выбора в прошлом, так же как и (2) зависимость выбора в будущем от выбора сейчас. И этот последний момент как раз и подводит к постановке проблемы: мы осознаем, что зависимость будущего от прошлого есть (хотя не всегда имеем возможность и/или стимулы количественно ее оценить), но мы редко можем определить отдаленные (хотя и важные для нас) последствия данного выбора относительно упущенной возможности, то есть динамические альтернативные издержки выбора.

Означает ли сказанное, что человек, поставленный в такую ситуацию, будет (а) стараться оттянуть такой выбор (в том числе для прояснения возможных последствий) и/или (б) вообще пытаться найти вариант выбора, который может проигрывать по каким-то параметрам, но по субъективным оценкам дает больше возможностей для адаптации в будущем, в том числе в силу более слабого эффекта «колеи» (опять же оцененного *ex ante*).

Отметим также, что две части определения эффекта «колеи», представленные выше, неэквивалентны, но важны для понимания относительности в рассматриваемом вопросе. В первой части важно смириться с тем, что уже было, поняв, что именно происходило и как сформировалась действительность, научившись с нею работать. А во второй части, фактически, предполагается возможность влияния на будущее решениями в настоящем.

Применительно ко второй версии сравнительный анализ ДСА в свете неопределенности будущего – чрезвычайно актуален. И здесь можно найти и фундаменталистов разных мастей, и функционалистов².

Мы настаиваем на том, что кто-то однозначно прав, а лишь хотим показать разнообразие как важнейшую основу для дискурса не только в сфере исследований релевантных вопросов, но и в части связи различных теорий с группами интересов.

Как уже ранее было отмечено, один из источников неопределенности для конкретного человека – действия других людей. В таком контексте разработка и принятие контрактов как особой разновидности институтов позволяют ограничить возможности выбора контрагентов рассматриваемого индивида, тем самым снижая упомянутую выше неблагоприятную неопределенность. Если использовать подход к проблеме, сформулированный Уильямсоном [Уильямсон, 1996; *Williamson*, 1996], то классический контракт позволяет таким образом упорядочить взаимоотношения между людьми, что все обязательства прописаны в привязке к конкретным обстоятельствам места и времени, что позволяет говорить о классическом контракте как полном. Более того, такого рода контракт опосредует добровольный обмен, в рамках которого, как известно, столкновение интересов не исчезает, а снимается (в философском смысле) с помощью системы санкций. Соответственно, в случае с правильно настроенной системой санкций можно ожидать, что рациональные субъекты не будут нарушать контракт, и он станет похожим на самовыполняющийся ввиду того, что фактическое применение санкций замещено его достоверной угрозой. Однако, если ослабить предпосылку о полной рациональности и безошибочности действий индивидов, то окажется, что периодические проверки на прочность не только отдельных контрактов, но и правовой системы в целом являются вполне ожидаемыми в случае принятия индивидами ошибочных решений, которые могли быть охарактеризованы в терминах оппортунистического поведения.

3.3. COVID-19

В 2020 г. трудно себе представить значимую актуальную тему социально-экономических исследований, обсуждение которой не затрагивало бы вопросов, связанных с пандемией коронавируса. Когда дебатировался вопрос о неопределенном будущем, о его ожидании и институциональных ответах на потенциальные вызовы, вполне уместной является постановка вопросов о пандемии, буквально за три месяца охватившей весь мир. Достаточно отметить, что если 1 апреля в мире было около 950 тыс. человек с подтвержденным диагнозом, то буквально через две недели их стало почти 2 млн³.

Безусловно, данная тема будет предметом исследований как в экономической науке, так и в других дисциплинах, а также в рамках междисциплинарных исследований. Однако мы хотели бы остановиться на одном узком вопросе: о соотношении научного экономического знания, ожидании непредвиденного и институциональной реакции на него. Этот вопрос является частным от более общего вопроса о вариантах взаимосвязей между теориями и институтами [Шаститко, 2017].

С одной стороны, быстрое распространение коронавируса сопровождается довольно высоким процентом летальных исходов по завершённым случаям (отношение количества умерших к общему числу умерших и выздоровевших) – около 20%⁴, причем с довольно значительным разбросом по странам⁵. С другой стороны, нарастает угроза значительных экономических потерь, в том числе возникших из-за решения задач по смягчению нагрузки на

² Вопросы функционализма и фундаментализма в экономических исследованиях рассмотрены, в частности, в [Шаститко, 2013].

³ www.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6.

⁴ Там же.

⁵ Мы понимаем, что этот разброс может быть обусловлен также особенностями статистического учета.

систему здравоохранения в моменте и снижению количества погибших от вируса и от других заболеваний (в силу временного перепрофилирования медицинских учреждений), а также из-за ограничений на работу медицинских учреждений неинфекционного профиля.

Разумеется, эффекты пандемии в отдельных регионах мира, отдельных странах, а также в отдельных регионах стран с большой территорией (как, например, Россия, Канада, США, Китай или Индия) могут сильно различаться с точки зрения различных аспектов динамики санитарно-эпидемиологической и социально-экономической ситуации. Для принятия сбалансированных решений относительно выбора между вариантами санитарно-эпидемиологического режима может потребоваться не только развитая интуиция и опыт управления кризисными ситуациями, но и знания – желательны системные – относительно объекта регулирующего воздействия.

Знания относительно существенных для функционирования территориальных комплексов связей между параметрами могут пригодиться и для управления в кризисной ситуации, даже несмотря на то, что статистических данных периода кризиса может еще и не быть. Более того, эти знания могут иметь даже более высокую ценность, чем в обычных условиях (в том числе в условиях периодически повторяющихся экономических кризисов). В числе хорошо известных примеров – стресс-тесты банковской системы.

Однако парадокс состоит в том, что разрыв между спросом и предложением знаний во времени является источником потерь в силу необходимости принятия решений либо на основе отрывочных связей (ввиду отсутствия комплексного видения), либо вообще наугад, на основе накопленного опыта. Действительно, легко объяснить отсутствие инвестиций в исследования о зависимостях (на предмет различных вариантов стрессоустойчивости), когда мы не знаем ни о вероятности отрицательного шока, ни о его природе. Готовность платить за такого рода знания минимальна. Это связано не только с низкой субъективной вероятностью негативных событий, но и с ошибочными представлениями носителей спроса о характеристиках предложения знаний, в том числе о его эластичности во времени. Наконец, такого рода знания могут обладать признаками общественных благ в той части, которая связана с извлечением выгод от знаний различными группами индивидов. Неготовность платить за знания усугубляется и ужесточением финансовых ограничений в кризисные периоды.

Соответственно, спрос недостаточен, хотя именно в рамках обычной жизни исследователи могли бы обнаруживать связи, знания о которых важны в период быстротекущего кризиса. В свою очередь, предложение знаний, которое, по нашему мнению, неэластично по цене в рамках короткого периода времени (особенно если нет достаточных заделов), может просто не поспевать за спросом, возникающим не только на стороне госуправления, но и бизнеса. Это не означает, что потенциальные заказчики не могут претендовать на получение каких-либо идей относительно предмета их интереса (оценкой эффектов действий, связанных с управлением кризисными ситуациями на той или иной территории), но с высокой вероятностью они столкнутся с проблемой ухудшающегося отбора, выражающейся в представлении фрагментированной информации и оперировании непроверенными гипотезами.

Указанное обстоятельство – не только потенциальный источник взаимного разочарования академических исследователей и лиц, принимающих решения, но и основание задуматься над тем, каковы на самом деле актуальные вопросы повышения адаптационных возможностей социально-экономических систем на разных уровнях. Ведь история последних десятилетий показывает, что к серьезным последствиям приводят не только войны и финансово-экономические кризисы, но и множество других факторов, в числе которых теперь прочно обоснуется санитарно-эпидемиологический с четко выраженными и масштабными экономическими эффектами. К какому шоку предстоит готовиться в новом – пост-пандемическом – мире? И, может быть, не менее важный вопрос – как готовиться? Или действительно история учит лишь тому, что она ничему не учит?

Заключение

Ожидание непредвиденного – особая категория ситуаций выбора, в которых принимающие решения лица осознают ограниченность знаний относительно существенных аспектов их деятельности. Соответственно, особенностью данных ситуаций выбора является решение, которое учитывает непредсказуемость будущего. Поскольку институты часто рассматриваются, в соответствии с традицией нового институционализма, в качестве инструментов снижения неопределенности и, соответственно, повышения степени предсказуемости будущего принимающими решения индивидами, поставленная проблема оказывается менее отчетливой. Функционал институтов и его ограничения демонстрируются на примере координационной игры, в которой ее размерность зависит от ограничений индивидуального выбора для взаимодействующих друг с другом индивидов.

Однако ситуация кардинально меняется, если институты не позволяют устранить или снизить неопределенность в значительной степени. Тогда возможные события неопределенны и, строго говоря, предписания относительно подхода к выбору из множества известных заранее вариантов действий не работают вовсе или работают плохо. В данном случае мы имеем дело с проблематикой адаптационной эффективности институтов, которые позволяют (в разной мере) справляться с непредвиденными заранее событиями, нивелируя потенциальный негативный эффект (по сравнению с результатами в случае возможности совершенного предсказания, как бы фантастически это ни звучало).

Более того, некоторые институты, способствующие динамической эффективности (в частности, институты защиты конкуренции), одновременно вполне могут оказаться источником неопределенности для индивидов. Такой поворот – основание путаницы в оценках подобных изменений с позиции выигрышей отдельных индивидов и их совокупности. Однако осознание данной проблемы может стать источником повышения адаптационной эффективности проектируемых институтов и улучшения понимания механизмов, ценность которых, на первый взгляд, неочевидна.

В числе способов повышения адаптационной эффективности – не только развитие технологии различного вида форсайтов, но и поддержание достаточного разнообразия и, соответственно, «конкуренции между видами», которые позволяют подбирать наиболее подходящие варианты ответа на возникающие вызовы из известного арсенала методов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьюкенен Д. (1997). Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы / Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». М.: Таурус Альфа.
- Маккай Я. (2019). Право и экономика для континентальной правовой традиции. М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Менгер К. (1992). Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика. С. 31–242.
- Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика
- Меркуро Н., Медема С. (2019). Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее. М.: Изд. Института Гайдара.
- Родрик Д. (2017). Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд. Института Гайдара.
- Талеб Н. (2015). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри.
- Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Шаститко А.Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М.: Теис.
- Шаститко А.Е. (2013). Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении. М.: ИД Дело
- Шаститко А.Е. (2017). Проектируемые институты: теории и интересы // Журнал Новой экономической ассоциации. №3. С. 177–184.
- Шаститко А.Е. (2018). Структурная неопределенность и институты // Общественные науки и современность. №4. С. 177–190.

- Шаститко А.Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. №1. С.145–156.
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020). Старый друг лучше новых двух? // Вопросы экономики. №..... С. [в печати].
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019). *The Narrow Corridor. State, Society and the Fate of Liberty*. UK: Viking.
- Arrow K. (1962). Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention, in *The Rate and Direction of Inventive Activity* // No. 609. National Bureau of Economic Research.
- Barnard Ch. (1938). *The Functions of the Executive*. Cambridge: MA Harvard University Press.
- Benkler Y. (2002). Coase's Penguin, or, Linux and the Nature of the Firm // *Yale Law Journal*. V. 112. Pp. 369–446.
- Downs A. (1957). *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Brothers.
- Kirzner I. (1973). *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kirzner I. (1997). Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // *Journal of Economic Literature*. Vol. 35. Issue 1. Pp. 60–85.
- Knight F. (1921). *Risk, Uncertainty, and Profit*. New York: Houghton Mifflin Company.
- Nelson R.R. (1994). Intellectual Property Protection for Cumulative Systems Technologies // *Columbia Law Review*. V. 94. Pp. 2674–2677.
- Williamson O. (1996). *The Mechanisms of Governance*. New York. Oxford University Press.

Шаститко Андрей Евгеньевич

aes99@yandex.ru

Курдин Александр Александрович

aakurdin@gmail.com

Andrew Shastitko

Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Faculty of Economics, Moscow State University; Director of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
aes99@yandex.ru

Alexander Kurdin

PhD in Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Moscow State University; Senior Researcher of the Center for Research on Competition and Economic Regulation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
aakurdin@gmail.com

EXPECTING UNPREDICTABLE

Abstract. The article is devoted to the particularities of economic agents' behavior in the situations of choice with different information. The situations of decision-making may be classified on the basis of the availability of information on the spectrum of possible random events and their probabilities. It is reasonable to distinguish situations of determinacy, risk, parametrical and structural uncertainty. In some cases, the exposure of economic agents to the most difficult situations of structural uncertainty contributes to the elaboration of transaction cost-economizing institutional mechanisms. The paper shows that basic institutions of the state, as well as rules of intellectual property protection and antitrust rules are created in the context of search for responses to that extraordinary uncertainty. Globally speaking, the ways to the elaboration of those responses are connected either with the investments in the reduction of uncertainty or with the conservation of wide diversity of institutional alternatives. COVID-19 pandemic brought an additional portion of uncertainty in the economic reality. As such, it could become a driver for the elaboration of new institutional mechanisms for social and economic adaptation. Nevertheless, stakeholders often are not ready to invest in this elaboration following several reasons established in this paper.

Keywords: *transaction costs, institutions, uncertainty, risk.*

JEL: B41, D81, O10.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.* (2019). *The Narrow Corridor. State, Society and the Fate of Liberty*. UK: Viking.
- Arrow K.* (1962). *Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention, in The Rate and Direction of Inventive Activity* // No. 609, National Bureau of Economic Research.
- Barnard Ch.* (1938). *The Functions of the Executive*. Cambridge: MA Harvard University Press.
- Benkler Y.* (2002). *Coase's Penguin, or, Linux and the Nature of the Firm* // *Yale Law Journal*. V. 112. Pp. 369–446.
- B'yukenen D.* (1997). *Konstitutsiya ekonomicheskoy politiki. Raschet soglasiya. Granitsy svobody / Sochineniya. Seriya «Nobelevskiy laureaty po ekonomike»* [Constitution of economic policy. Calculation of consent. Borders of Freedom / Buchanan D. Works. Series «Nobel Laureates in Economics»]. M.: Taurus Alfa.
- Downs A.* (1957). *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Brothers.
- Khayyek F.* (1992). *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [Pernicious arrogance. The errors of socialism]. M.: Novosti.
- Kirzner I.* (1973). *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kirzner I.* (1997). *Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach* // *Journal of Economic Literature*. Vol. 35. Issue 1. Pp. 60–85
- Knight F.* (1921). *Risk, Uncertainty, and Profit*. New York: Houghton Mifflin Company.
- Makkay Ya.* (2019). *Pravo i ekonomika dlya kontinental'noy pravovoy traditsii* [Law and economics for a continental legal tradition]. M.: ID Delo RANKhiGS.
- Menger K.* (1992). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* // *Avstriyskaya shkola v politicheskoy ekonomii*. [The foundations of political economy // Austrian school in political economy. K. Menger, E. Boehm-Bawerk, F. Wieser]. M.: Ekonomika. Pp. 31–242.
- Merkuro N., Medema S.* (2019). *Ekonomicheskaya teoriya i pravo: ot Poznera k postmodernizmu i daleye* [Economic theory and law: from Posner to postmodernism and beyond]. M.: Izd. Instituta Gaydara.
- Mizes L.* (2000). *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human Activities: A Treatise on Economic Theory]. M.: Ekonomika.
- Nelson R.R.* (1994). *Intellectual Property Protection for Cumulative Systems Technologies* // *Columbia Law Review*. V. 94. Pp. 2674–2677.
- Rodrik D.* (2017). *Ekonomika reshayet: sila i slabost' «mrachnoy nauki»* [Economics decides: the strength and weakness of «dark science»]. M.: Izd. Instituta Gaydara.
- Shastitko A.Ye.* (2010). *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya*. 4-ye izd. [New institutional economic theory. 4th ed.]. M.: Teis.
- Shastitko A.Ye.* (2013). *Ekonomicheskiye efekty oshibok v pravoprimenenii i pravoustanovlenii* [Economic effects of errors in law enforcement and law enforcement]. M.: ID Delo.
- Shastitko A.Ye.* (2017). *Proyektiruyemye instituty: teorii i interesy* // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Designed institutes: theories and interests // Journal of the New Economic Association]. №3. Pp. 177–184.
- Shastitko A.Ye.* (2018). *Strukturnaya neopredelennost' i instituty* [Structural Uncertainty and Institutions] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. №4. S.177–190.
- Shastitko A.Ye.* (2020). *Mezhdu Stsilloy despotizma i Kharibdoy sotsial'nykh norm (O knige D. Adzhemoglu i Dzh. Robinsona «Uzkiy koridor: gosudarstva, obshchestva i sud'ba svobody»)* [Between the Scylla of despotism and Charybdis of social norms (About the book of D. Adzhemoglu and J. Robinson «The narrow corridor: states, societies and the fate of freedom»)] // *Voprosy ekonomiki*. №1. Pp. 145–156.
- Shastitko A.Ye., Markova O.A.* (2020). *Staryy drug luchshe novykh dvukh? [Is an Old Friend Better Than the New Two?]* // *Voprosy ekonomiki*. №..... Pp. [in the press].
- Taleb N.* (2015). *Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti* [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. M.: KoLibri.
- Uil'yamson O.* (1996) *Ekonomicheskiye instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaya» kontraktatsiya* [Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, «Relational» Contracting]. SPb.: Lenizdat.
- Williamson O.* (1996). *The Mechanisms of Governance*. New York. Oxford University Press.

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

д. филос. н., профессор, Московский государственный институт международных отношений, вице-президент Академии политической науки

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ВОДА ЖИВАЯ И МЕРТВАЯ (ЧАСТЬ I)

Аннотация. Ленин, подводя итоги уроков Октябрьской революции и первых лет послеоктябрьского развития, констатировал: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Так был поставлен вопрос о необходимости создания теории обновленного социализма, соответствующего условиям XX столетия. Теории, которая решала бы задачу: как, выводя общества из тупиков капитализма, не ввергнуть его в другие тупики – тупики авторитарно-бюрократической системы. В этой связи анализируется сделанный Лениным вклад в теорию обновленного социализма. Ставится далее вопрос: что из ленинского наследия может быть включено («живая вода») в современную социально-преобразовательную теорию (об этом – в статье, публикуемой в данном номере журнала), что отброшено («мертвая вода») и чем оно может быть дополнено, исходя из реалий XXI столетия (об этом – вторая статья, которая будет опубликована в следующем номере)¹.

Ключевые слова: Октябрьская революция, военный коммунизм, нэп, социализм, плюрализм.

JEL: B14, B24.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10203.

Ленин – одна из сложнейших фигур в мировой истории... Это человек, чья мысль и воля явились в руках истории орудием, наверное, самой крупномасштабной из когда-либо предпринятых ею «проб» и едва ли не тягчайшей из совершенных ею «ошибок». И вместе с тем человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить движением не назад, а вперед. Вождь революции, толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь, и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее перспективу спасения, которая и нынче лишь брезжит перед нами вдали».

Юрий Буртин. Другой социализм. «Красные холмы»

Да, эпитафия немного необычный. Во-первых слишком длинный («нормальный» эпитафия должен быть афористичным и кратким). И, во-вторых, он не вполне совпадает с главной идеей моей статьи («нормальный» эпитафия должен высвечивать центральную идею автора будущего повествования). А для меня неприемлемы все эти категоричные, чересчур негативные оценки: «Толкнувший Россию на тупиковый, гибельный путь» (имеется в виду

¹ Первоначальный (значительно сокращенный) вариант статьи опубликован в журнале «Социс» (2020. № 4).

Октябрь и его последствия), «человек, чья мысль и воля» привели страну к одной из «тягчайших» в ее истории «ошибок». Это все – не мое.

Но для меня этот эпиграф (кстати, моего близкого – и, увы, покойного – друга, с которым мы не раз выступали соавторами статей, остро критически оценивавших современное, постперестроечное, состояние России – тут мы с ним были полными единомышленниками), для меня, повторяю, этот эпиграф важен, ибо в нем афористично и точно высвечивается главная для меня мысль, что Ленин – это «человек, который в остром споре с самим собой и с понятиями своего времени, во многом далеко его опережая, попытался эту ошибку исправить. Притом исправить *движением не назад, а вперед*» (курсив мой – Г.В.). И еще более важная констатация: «Вождь революции...и – мыслитель, прожектором своего уникального ума наполовину высветивший для нее (России) перспективу спасения, которая и нынче лишь *брезжит перед нами вдали*» (курсив мой – Г.В.). Вот это – мое, целиком и полностью.

И еще. Эпиграф этот, содержащий как позитивные, так и негативные оценки Ленина, подготавливает читателя к тому, что и у меня не будет односторонней апологетики Ленина, что и у меня рассказ о достижениях ленинской мысли («живой воде», мощно стимулирующей сегодняшние теоретические поиски) будет сочетаться с критикой весьма существенных идей ленинизма (которые, подобно «мертвой воде» – если ее не выплеснуть – могут погубить ростки ленинского теоретического новаторства).

* * *

Расхожий афоризм: «Единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит». Да, так оно чаще всего и происходит: история ничему не учит, и, решая сегодняшние проблемы, люди расшибают лбы о те же стены, что и их предшественники.

Но история *может* научить. Только надо уметь у нее учиться. Уметь увидеть в истории ситуации, сходные с нынешней. Вглядеться, как решали возникавшие проблемы люди той поры, что им удавалось, и где они проваливались. Извлечь уроки из того и из другого. Понять причины провалов и постараться сегодня избежать их. Зафиксировать «удачи» и, оттолкнувшись от них, двинуться дальше, дополняя найденные когда-то решения новациями, соответствующими современным реалиям.

В послеоктябрьской России 20-х гг. ситуация напоминала нынешнюю. И проблема (не всеми идеологами и политиками тех лет осознаваемая) объективно состояла вот в чем: как, избавляясь от губительных отношений капитализма, не угодить в тупики тоталитарной системы?

Мыслителем, кто в те далекие годы понял эту задачу и попытался ее решить в теории и на практике, был В.И. Ленин. Правда, осознал он ее не сразу, лишь в самом конце своей жизни. Но успел (в своих последних статьях, диктовках, письмах, совокупность которых называют его «Политическим завещанием») положить *начало* ее решению. К сожалению, лишь *начало*. Но начало в высшей степени плодотворное, хотя и не получившее продолжение ни в теоретических работах самого Владимира Ильича, ни, что особенно печально, в практической деятельности послеленинского поколения политиков. Золотая нить новой, многообещающей теории социального развития была оборвана в самом начале.

Вот бы сегодня подхватить концы этой нити и продолжить ее, сообразуясь с нынешними обстоятельствами.

В чем же ценность завещаний Владимира Ильича? Что мы могли бы взять у него сегодня? Что им было недорешено? Где он ошибался? И какие коррективы и дополнения следует внести в его теоретико-политическое Завещание? Почему идеи его Завещания не были подхвачены и развиты последующим поколением политиков (вследствие чего мы и угодили в зловещие тупики тоталитарного «казарменного коммунизма», а затем – в конце

XX в. – в тупики государственно-олигархического капитализма)? Было ли в предлагаемых им решениях нечто такое, что облегчало приход к власти сталинщины, и от чего, в силу этого, мы должны сегодня решительно откреститься?

Вот примерный круг вопросов, о которых и пойдет речь в данной статье.

Ленинское наследие: живая вода

Тот Ленин, который в высшей степени актуален сегодня, начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [*Ленин*. Т. 45. С. 376] (6 января 1923 г., статья «О кооперации»). Именно здесь, в этом тезисе, – главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму.

В чем эта принципиальная, поистине революционная, новизна состояла? Двинемся, шаг за шагом, по ступеням ленинского теоретического восхождения.

То, что капитализм с его «кричащими» (любимое ленинское слово!) социальными противоречиями, жестокой эксплуатацией, экономическими и политическими кризисами, порождающими кровопролитные войны, должен быть преодолен, это в XIX в. понимали многие. И призывали: одни – к глубоким, радикальным реформам, другие к «содрогающим» весь социальный мир революциям.

Наиболее разработанной и потому наиболее убедительной теорией рождения нового, приходящего на смену капитализму, строя была теория Маркса. Идеями, лозунгами этой теории руководствовались русские революционеры-большевики, первыми в истории приступившие к практической реализации идей Маркса. И преуспели: взяли власть в Октябре 1917 г., отстаивали свое право руководить страной в гражданской войне и стали продвигаться по пути строительства новой, «марксистской», «социалистической» России. И вот посреди этого, казалось бы, такого успешного революционного похода вождь большевиков вдруг решительно и категорично заявляет: нужно пересмотреть (и к тому же «коренным образом») все те установки и теоретические постулаты, которым они следовали.

Призыв вождя, действительно, был шокирующим.

Поражает теоретическая смелость и политическая честность Ленина. Ведь можно было, как обычно поступают политики, пересматривающие свои позиции, сказать: «Мы хорошо начали – в Октябре. Мы победили в гражданской войне. Власть мы держим крепко и в будущее смотрим уверенно. Но сейчас несколько изменились обстоятельства, и нам поэтому надо уточнить и несколько скорректировать некоторые наши прежние установки».

Это был бы не Ленин. Речь ведь шла не о второстепенных «поправках», не о каком-то легком косметическом ремонте, а о смене исторических Вех, о радикальном изменении Курса. И потому сказать об этом надо было ясно, громко, открыто, без запутывающего суть дела лукавства. Юрий Буртин хорошо прокомментировал эту черту ленинского стиля: «совсем не похоже на нынешний стиль» общения политиков с гражданами страны. «Нам, – пишет Буртин, – привыкшим слышать из уст властей только похвалы своей деятельности и ее результатам (а при явной катастрофичности последних – неопределенные признания в самой общей форме: да, были ошибки, но...), даже как-то странно читать такие, например, ленинские строки: «Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации начистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение... Классы обмануть нельзя... Во всяком случае не должны стараться

прятать что-либо, а должны говорить напрямиком» (X съезд РКП, доклад о продналоге). [Десятый съезд РКП(б), 1963)]».

Конечно, для соратников Ленина это был шок. Его последние, «пересматривающие», статьи, идеи его «Завещания» плохо воспринимались узко и догматически мыслящими наследниками Владимира Ильича во главе со Сталиным. Прилагалась масса сил и хитростей, чтобы замолчать начатый Лениным «пересмотр». С его «завещательными» статьями и письмами знакомили выборочно, лишь узкий круг партийного чиновничества. А когда все же вынуждены были (под давлением Ленина) отправлять их в региональные партийные организации, то сопровождали их «разъяснениями» ЦК, в которых намекалось, что Ленин очень болен, что, в силу этого, он оторван от текущих дел, и потому надо осторожно относиться к его советам и рекомендациям. А одну из главных его статей («Лучше меньше, да лучше»), которую партийно-чиновничья бюрократия сочла наиболее для себя опасной, вообще пытались не пустить в печать. И даже (поскольку Ленин категорически настаивал на ее публикации) всерьез обсуждали возможность реализации предложения одного из сталинских сподвижников (Куйбышева), что неплохо-де, для успокоения Ильича, напечатать ее в «Правде» в одном (только для Ленина!) экземпляре. Первые зловещие звонки будущего политического маразма!

Своим прежним абсолютным авторитетом больному Ленину удавалось проламывать сталинские (похожие на тюремные) стены и добиваться публикации своих статей. Ощущал, однако, что нет уже жизненных сил и жизненного времени, чтобы довести свои новые идеи до конца, чтобы убедить партийную массу принять их как руководство к действию. Сталин, которому Политбюро поручило опекать тяжело больного Ленина, так изолировал его от встреч с товарищами, от знакомства с новостями политической жизни, что Владимир Ильич однажды заметил Крупской, что он ощущает себя, словно запертым в тюремных застенках.

Что же это были за идеи, которых так страшились его наследники, которые они глубоко закапывали и которые мы попытаемся откопать и вновь вернуть к жизни, идеи, которые, как живая вода, способны быть истоком современных теорий социальных преобразований?

Это были поистине грандиозные идеи, переворачивающие все прежние представления социалистов. Это был, действительно, «коренной» пересмотр всех прежних представлений о будущем строе, о социализме и о путях к нему. И эти идеи должны вернуться к нам сегодня. В них ключ к пониманию противоречий современной социальной реальности, к ответам на драматические вызовы нашего времени.

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить?

Прежде всего – всю прежнюю экономическую стратегию и фундаментальные положения социалистической теории, ее определявшие.

В чем была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот ее основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало:

1. Уничтожение частной собственности²;
2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану³;

² «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 438].

³ «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» [Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 101]. «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» [Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 127].

3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов;
4. Приход к власти через революцию, политическое насилие и продолжение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) – результата. Следование им ведет страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжелые кризисные ситуации.

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к плано-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась в результате система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения был принцип «продразверстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 157]. И тоже, по идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после Первой мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками. – Г.В.)» [Ленин, 1963. Т. 43. С. 219–220]. Это была тяжелая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, ее приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму») и «продразверстке». – Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли» [Ленин, 1963. Т. 43. С. 220].

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с ее «продразверткой». Но приняли, как необходимую, но временную меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразверстки, крестьяне сказали: «Нет! Довольно!» После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они уже отказывались по-старому, по военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков все работали «на кого-то» – на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» – государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, – констатировал Ленин, – выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 204]. И – «поражение» более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 159].

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с еще более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идет через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Все – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть «деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера» только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, примененный впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие *в мирное время* – путь к социальной катастрофе), либо торговлей, рынком⁴. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 г. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

А потом будет 15 марта 1921 г. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене разверстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «...разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 608].

Все! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

Пункт второй резолюции разъяснял: «...налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения» [Десятый съезд РКП(б), 1963 С. 414]. После сдачи такого, значительно уменьшенного (по сравнению с разверсткой) налога у крестьян будут оставаться запасы (именуемые несколько нелепо: «излишки») хлеба, зерна, других

⁴ «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 226].

сельскохозяйственных продуктов – с которыми он волен будет поступать по-своему (а не «государственному») усмотрению. Таким образом и будет возрастать объем работы крестьянина не «на государство», а «на себя», что резко повысит мотивацию его деятельности, производительность его труда (от чего, между прочим, выиграет и государство). «Все дело в том, – разъяснял на X съезде Ленин, – чтобы дать крестьянам стимул, побудитель, с точки зрения экономики. Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты хозяин (*а не крепостной государства* – Г.В.), производи продукты, а государство берет минимальный налог» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 414]. А оставшиеся у тебя, после сдачи налога, продукты ты можешь вынести на рынок, пустить в «оборот»⁵. «Этот самый «оборот» – стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес (*работа «на себя»!* – Г.В.), потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее» [Десятый съезд РКП(б), 1963. С. 413].

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене разверстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, – возможно, воскликнет он, – понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему. Эка важность...».

А между тем важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая. Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот на практике, это была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» – это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. А тут, пожалуйста, – распахивают двери капитализму. Так, весь парадокс, так, все дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу, «как строить... социалистическое здание в мелкокрестьянской стране» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 151]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что ... капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя*» (курсив мой! – Г.В.) [Ленин, 1964. Т. 45. С. 85–86].

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая система: «социализм», дополняемый «капитализмом», или «капитализм», окруженный «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить как «социализм-капитализм» или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

С этим понятием Ленин выходит на принципиально новый уровень теории и потому в нем надо основательно разобраться. Тут масса теоретических тонкостей, которые нельзя упустить.

После доклада на X съезде о нэпе Ленин в заключительном слове заметил: «...то, о чем здесь многие, и даже большинство (! – Г.В.), из высказавшихся ораторов говорили

⁵ Резолюция X съезда РКП(б). Пункт 8: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Появилось важное слово «оборот», — синоним «торговли», «рынка» — слова, изгонявшиеся прежде Лениным из социалистического лексикона.

в своих речах и на что указывается в поданных записках, это – неизбежное усиление мелкой буржуазии, буржуазии и капитализма. «Вы таким образом открываете настужь, – писали некоторые в своих записках, – для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений» [Десятый съезд РКП(б), 1964. С. 440].

Вот ведь как: большинство участвовавших в прениях по ленинскому докладу полагает, что в результате нэпа страна скатится к капитализму (зачем тогда делали революцию?). Они против такого «скатывания».

А за пределами большевистской партии, в среде меньшевиков, эсеров и европейских социал-демократов такое «скатывание» приветствуется: большевики, наконец, повернулись лицом к реальности. Для социализма в России сейчас нет условий. Реален только буржуазный путь, о чем, кстати, мы (меньшевики и эсеры) говорили накануне Октябрьского переворота. Но большевики тогда нас не послушали. Вот и вынуждены теперь, после революционного эксперимента Октября, дорого стоившего российскому обществу, вернуться к тому, что мы им когда-то говорили. Ленин в своем докладе на XI съезде приводит сентенцию Отто Бауэра, одного из лидеров: «Вот они отступают; мы всегда говорили: революция – буржуазная».

Да ничего подобного, энергично возражает Ленин, ни к какому собственно капитализму мы не скатываемся. Мы поворачиваемся не к капитализму, как таковому, а к особому типу капитализма, который собственно классическим типом капитализма не является, ибо допускаемые нами капиталистические отношения окружены высоким социалистическим забором. У нас не «капитализм» возникает, а смешанное единство «социализма» и «капитализма». Это принципиально новое, невиданное в истории социальное образование. Это не подавление капитализмом социализма, но и не подавление социализмом капитализма. Это – «соревнование государственных и капиталистических предприятий», это – «практическое соревнование способов капиталистических и способов наших (то есть социалистических. – Г.В.)» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 89].

Для социалистов, большевиков, смысл такого соревнования: учиться у капиталистов – работать организованно, напряженно, стремясь получить возможно более высокую прибыль (которая будет использована для укрепления и развития страны). Учиться, ибо «за этот год, – отмечал Ленин, – мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 80]. А «рядом действует капиталист... берет прибыль, ...он умеет» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 79]. А то «прибыли у вас нет, – обращается Владимир Ильич к неумехам-коммунистам, – принципы коммунистические, идеалы хорошие, – ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, а дело делать умеете?» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 79]. Так, учитесь у капиталистов и через эту учебу повышайте силу социалистического уклада – не подавлением оппонентов (с помощью разных силовых структур во главе с ЧК, как практиковалось впоследствии у сталинистов), а обучением у них. Стремитесь продемонстрировать свое историческое превосходство цивилизованными, экономическими методами. «Нам надо выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 81].

И, наконец, главную особенность нэпа, его место в историческом ряду мирового социального развития Ленин видит в том, что нэп – не просто какая-то на время провозглашенная тактика экономической деятельности, а, по сути, – новая общественная формация, которая, имея черты социализма и капитализма, тем не менее, не является ни тем, ни другим. Ленин называет это новое формационное образование «государственным капитализмом».

«Что это еще за мудрствования насчет «капитализма-социализма», «социализма-капитализма»? – восклицали воспитанные на догмах «научного социализма» ленинские оппоненты внутри большевистской партии. – В какой книжке Маркса можно вычитать подобную ересь? И что тут принципиально «нового» в понятии «государственного капита-

лизма?». «Госкапитализм есть капитализм, – возражал Ленину Преображенский, – и только так понимать можно и должно» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117].

И – резкий ответ Ленина: «Я утверждаю, что это есть схоластика. До сих пор никто не мог написать такой книжки о капитализме в истории человечества, потому что мы это только впервые (! – Г.В.) теперь переживаем. До сих пор сколько-нибудь путные книжки о госкапитализме писались при таких условиях и при том положении, что государственный капитализм есть капитализм. Теперь вышло иначе, и никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть. И не нужно смотреть назад» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117]. И не нужно «заглядывать» «в старые книги» – там написано совершенно не про то: там написано про тот государственный капитализм, который бывает при капитализме, но нет ни одной книги, в которой было написано про тот государственный капитализм, который бывает при коммунизме» [Ленин. Т. 45. С. 84]. Наш государственный капитализм – «это – капитализм до такой степени неожиданный, никем абсолютно не предвиденный» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 117–118]. Наш государственный капитализм – «не тот, о котором писали немцы. Это капитализм, допущенный нами... Капитализм мы допустили, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 119, 120].

Таким образом, наш государственный капитализм – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чем эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чем наша сила?» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 95] – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трех факторах:

- 1) «Политическая власть» – в наших руках.
- 2) «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках».
- 3) Наконец, что крайне важно, мы идем на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

Мы сказали, что предпосылкой успеха новой экономической политики является исключение из блока с капитализмом крупных капиталистических собственников. Но тут есть одно, но очень важное исключение. В этот блок все-таки допускается крупный капитал, но лишь в одной форме – в форме зарубежных концессий. «Концессии, – подчеркивал Ленин, – это блок с капитализмом передовых стран», «это экономический союз, блок, договор с передовым финансовым капиталом, в передовых странах» [X съезд РКП(б), 1963. С. 443]. Так что монополистический, олигархический капитал, по предложению Ленина, все же будет допущен. С одним «но»: это будет *зарубежный* капитал, у которого не будет возможности доминировать в экономическом блоке нэпа и которому нет нужды доминировать политически. От его возможных политических поползновений страна защищена всей мощью государства трудящихся, в том числе и военной. Да, экономически, не скрывает этого обстоятельства Ленин, он в первое время будет эксплуатировать нас весьма основательно. Да, значительно больший объем экономических выгод от нашего с ним сотрудничества будет доставаться ему, крупному зарубежному капиталу, мы же получим лишь небольшое увеличение продуктов. И – ничего! И – пусть! Пока нам все равно это выгодно. «Если мы дадим руду или лес концессионеру, – разъясняет Владимир Ильич, – он возьмет громадную долю этого продукта и даст нам небольшое доленое отчисление. Но для нас так важно увеличить количество продуктов, что и небольшое отчисление есть громадный плюс для нас. Небольшое улучшение положения городских рабочих, которое при помощи концессий будет обеспечено по договору и которое иностранному капиталу не представляет ни малейшей трудности, даже оно есть плюс, есть укрепление нашей крупной промышленности. И это, благодаря экономическому влиянию, послужит для улучшения положения пролетариата, для улучшения положения того класса, который держит в своих руках государственную власть» [X съезд РКП(б), 1963. С. 443].

Вот такой оригинальный союз намечает Ленин: союз, блок с зарубежным крупным капиталом для упрочения национального социалистического сектора, для усиления его позиций в соревновании с национальным мелким и средним капиталом. И это не утопический замысел. Крупный зарубежный капитал пойдет (и практика показала – шел!) на этот союз, ибо получал значительные экономические выгоды. Дотянуться до руля политической власти нашей страны у него не было ресурсов. Да ему и не нужны были *политические* выгоды. Ему с лихвой хватало *экономических*.

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего ее основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена – кооперация.

«Благодаря нэпу, – пишет он, – кооперация получила у нас совершенно исключительное значение» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 369]. И дальше еще громче, еще значительней: «...теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»

[Ленин, 1964. Т. 45. С. 369–370]. И поясняет, в чем состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «...теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса..., степень подчинения его общим интересам» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370]. Через кооперацию, то есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую сферу деятельности вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370].

Для Ленина приход к идее кооперации как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путем возможно более *простым, легким и доступным*» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 371] значил многое: его концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, – пишет он, – переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 371].

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и ее прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, – пишет Ленин, – власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «все необходимое для построения полного социалистического общества». «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 370]; «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 373].

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии) с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекapиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма.**

Несколько добавлений для более глубокого и основательного понимания новизны ленинской точки зрения на социализм.

Нередко (или даже – как правило) нэп рассматривают не как новую концепцию социализма, а как некое временное «отступление» от «подлинного социализма». Минует-де время «отступления», и общество вновь вернется к тому, прежнему, «нормальному» социализму. Так перечеркивается фундаментальная новизна ленинского теоретического поиска.

Да, у Ленина встречается характеристика нэпа как «отступления». Но если вдуматься, если повнимательнее вчитаться в ленинские тексты, то нетрудно понять, о чем, о каком «отступлении», об «отступлении» от чего к чему идет речь.

Да, мы «отступили». От чего и к чему? От «социализма» к «капитализму», чтобы по прошествии некоторого времени вновь вернуться к тому социализму, от которого временно «отступили»? Ничего подобного! Ленин мыслит иначе: мы «отступили» от ряда наших прежних нереалистических, утопических установок и надежд, мы забежали «вперед»; не считаясь с реальностью и содержащимися в ней возможностями. Мы не в «социализм» забежали, от которого надо-де вернуться «назад», к капитализму. Мы забежали в Утопию, от которой надо вернуться к Реальности. И с точки зрения исторического развития это не «шаг назад», а «шаг вперед»⁶. Мы «отступаем», выскакиваем из тупика, где нет возможностей дальнейшего движения, из болота, в которое мы забрели, и где ожидает нас гибель. И Ленин находит способ выхода из этого болота на твердую грунтовую дорогу, по которой можно двигаться в будущее.

Ленин постоянно подчеркивает условность этого термина «отступление»: «мы сейчас отступаем, как бы (! – Г.В.) отступаем назад...» [Ленин, 1964. Т. 45. С. 302]. В этом вся соль: мы не «отступаем», мы «как бы» отступаем, а в действительности делаем «шаги вперед».

И еще один важный аспект проблемы: соотношение нэпа и Октябрьской революции.

Ряд авторитетных (можно даже сказать, замечательных, талантливых) исследователей нэповской проблематики высказывают, однако, мысль, что нэп – это исправление ошибок, сделанных не только под влиянием прежней социалистической теории, но попытка исправления главной исторической ошибки большевиков – осуществленной ими Октябрьской революции. Нэп представляется ими как отрицание Октября, который-де был «тягчайшей ошибкой», толкнувший Россию на «тупиковый, гибельный путь».

У меня другая точка зрения.

Новая экономическая политика, «оживлявшая» капитализм, открывавшая капитализму двери на арену хозяйственной деятельности, ставила задачу: использовать потенциал капитализма, не допуская, однако, возможности его победы над социалистическим укладом – что и было условием экономического прогресса российского общества. А возможность ограничения капиталистических тенденций теория нэпа связывала с тем, что политическая власть находилась в руках трудящихся, и что были национализированы крупные капиталистические предприятия, и, следовательно, экономическая власть тоже была в руках Советского государства. Все это было условием успеха нэпа.

Но ведь именно Октябрьская революция и создала эти условия: она привела рабочий класс и его партию к политической и экономической власти. Без этого был бы невозможен даже разговор о нэпе.

Но не только Октябрь был предпосылкой нэпа. Новая экономическая политика, со своей стороны, высветила истинное содержание Октябрьской революции: оно не сводилось к задачам собственно социалистического характера. Вот свидетельство на сей счет самого Ленина. «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России, – пишет Владимир Ильич, – была задача буржуазно-демократическая (*а отнюдь не социалистическая!* – Г.В.), свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза прогресса в нашей стране» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 144]. И далее: «Мелкобуржуазные демократы (*меньшевики и эсеры.* – Г.В.) восемь

⁶ Именно так ставит вопрос Ленин: «...новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать (курсив мой. – Г.В.)», «мы предпринимали (после Октябрьской революции. – Г.В.) каждый день с величайшей поспешностью... различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением Советской республики представляет собой шаг вперед (курсив мой. – Г.В.), «государственный капитализм был бы шагом вперед (а не назад, не «отступлением»). — Г.В.) против теперешнего положения дел в нашей Советской республике», «госкапитализм», этот «несоциалистический элемент расценивается выше, признается вышестоящим, чем социализм» [Ленин, 1964. Т. 45: С. 8, 279–280].

месяцев (после февральской революции. – Г.В.) «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с земли русской до конца» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 146]. «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 144–145], «это значит – очистка социальных отношений (порядков, учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, феодализма» [Ленин, 1964. Т. 44. С. 145]. Без решения этих задач, осуществленных Октябрьской революцией, все дальнейшие разговоры о «социализме», «госкапитализме», «кооперации», «концессиях», нэпе были бы абсолютно бессмысленны.

Не «тягчайшей ошибкой», а всемирно-историческим деянием была Октябрьская революция. Деянием, не лишенным целого ряда иллюзий и утопических установок. Вот их, и только их и стремился исправить нэп.

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И это новое слово было реалистическим и эффективным – что сразу показала практика его реализации.

Но успехи нэпа оказались не долговременными. Через 5–6 лет после его провозглашения нэп был похоронен пришедшей к власти сталинской командой. Возвращались донэповские методы, родственные военному коммунизму. Плюралистическая экономическая демократия нэпа была заменена централизованной системой политического насилия, административно-командного диктата.

Причин этого много – и корыстные интересы бюрократии (возглавляемой сталинским руководством), и неумение (а чаще – нежелание) экономическими методами решать проблемы, возникающие при реализации нэпа. Но был еще один фактор, облегчавший сталинцам возможность похоронить нэп. Это незавершенность, недоработанность, ограниченность самой стратегии новой экономической политики.

Да, при возникновении нэп был, можно сказать, «живой водой» для умиравшей экономики страны. Он, действительно, оживил ее. Но в нэповской «реке» текла не только «живая», но и «мертвая» вода, существенно снижавшая качество и живительную силу воды «живой».

Ленин не смог (или не успел?) избавить нэповское течение от этой «мертвой воды».

ЛИТЕРАТУРА

- Буртин Ю. (1999). Другой социализм // Альманах «Красные холмы». М. С. 411–511.
- Геллер М., Некрич А. (1995). Утопия у власти. М.: Изд-во МИК.
- Десятый съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- XIII съезд РКП(б) (1963). Стенографический отчет. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1963). О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Политиздат. С. 205–245.
- Ленин В.И. (1964). К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 144–152.
- Ленин В.И. (1964). Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 155–175.
- Ленин В.И. (1964). Доклад о новой экономической политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат. С. 193–213.
- Ленин В.И. (1964). XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 69–116.
- Ленин В.И. (1964). XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 117–130.
- Ленин В.И. (1964). Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 300–309.
- Ленин В.И. (1964). О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377.
- Ленин В.И. (1965). Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 54. М.: Политиздат.
- Люксембург Роза (1991). Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. М.: Политиздат. С. 306–332.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Политиздат.

Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 2. М.: Политиздат.
Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Политиздат.
Маркс К. и Энгельс Ф. (1960) Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат.

Водолазов Григорий Григорьевич

gvodolazov@yandex.ru

Georgiy Vodolazov

doctor habilitatus in philosophy, professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University of the Foreign relations ministry of Russian Federation), Moscow.

gvodolazov@yandex.ru

LENIN'S HERITAGE: WATER LIVING AND DEAD (PART I)

Abstract. Summing up the lessons of the October Revolution and the first years of the post-October development, Lenin stated: “We have to admit a fundamental change in our whole point of view on socialism”. This way the question was raised about the need to create a theory of renewed socialism that meets the conditions of the 20th century. The theory that would solve the problem: how, leading society out of the deadlocks of capitalism, does not plunge it into other dead ends – the dead ends of an authoritarian-bureaucratic system. In this context the article analyses the contribution made by Lenin to the theory of renewed socialism (about it – in the first part of the article published in this issue of the journal)

The following question is posed: what of Lenin's legacy can be included in modern socialist theory, what is discarded and how can it be supplemented, based on the realities of the 21st century (about it – in the second part of the article that will be published in the next issue of this journal).

Key words: *The October Revolution, military communism, NEP, socialism, pluralism.*

JEL: B14, B24.

REFERENCES

- Burtin Jurii* (1999). *Drugi socijalizam [A different socialism]*. Almanah “Krasnii holmi”. M.
- Geller Mihail, Nekrich Aleksandr* (1995). *Utopija u vlasti [Utopia in power]*. M.: Isd-vo MIK.
- Desjatii sjesd RKP (b)* (1963). *Stenograficheski otchet [Verbatim record]*. M.: Politisdat.
- XIII sjesd RKP* (1963). *Stenograficheski otchet [Verbatim record]*. M.: Politisdat.
- Lenin V.I.* (1963). *O prodovolstvennom naloge [On the food tax] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 43. Pp. 205–245.*
- Lenin V.I.* (1964). *K chetirehletnei godovtchine Oktjabrskoi revolucii [To the four-year anniversary of the October revolution] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 144–152.*
- Lenin V.I.* (1964). *Novaja ekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov [The New economic policy and the tasks of political education workers] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 44. M.: Politisdat. Pp. 155–175.*
- Lenin V.I.* (1964). *Doklad o novoi ekonomicheskoi politike [Report on the new economic policy] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.*
- Lenin V.I.* (1964). *XI sjesd RKP (b). Sakluchitelnoe slovo [Final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b)] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 117–130.*
- Lenin V.I.* (1964). *Rech na plenum Moskenskogo Soveta 20 nojabrja 1922 g. [Speech at the Plenum of the Moscow Council on November 20, 1922] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 300–309.*
- Lenin V.I.* (1964). *O kooperacii [On cooperation] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. M.: Politisdat. Pp. 193–213.*
- Lenin V.I.* (1964). *XI sjesd RKP (b). Politicheskii otchet CK RKP (b) [Political report of the Central Committee of the RCP] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 45. M.: Politisdat. Pp. 69–116.*
- Lenin V.I.* (1965). *Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. T. 54. M.: Politisdat.*
- Luxemburg Rosa* (1991). *Rukopis o russkoi revolucii [The manuscript of the Russian revolution] // Rosa Luxemburg. O socializme i russkoi revolucii. M.: Politisdat. Pp. 306–332.*
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]. T. 1. M.: Politisdat.*
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]. T. 2. M.: Politisdat.*
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]. T. 4. M.: Politisdat.*
- Marx K. i Engels F.* (1955). *Sochinenija [Works]. T. 16. M.: Politisdat.*

Г.Д. Гловели

д.э.н., Институт экономики РАН (Москва)

ЛЕНИНИЗМ, «ТЕРМИНЫ ТОВ. А. БОГДАНОВА» И ФИЛОСОФ ИЛЬЕНКОВ КАК АПОЛОГЕТ СТАЛИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ «РАЗРУШЕНИЯ РАВНОВЕСИЯ» (ЧАСТЬ I. Окончание – в ВТЭ 3–2020)

Аннотация. Статья выясняет причины негативного отношения в советском экономическом дискурсе к категории «равновесие» после 1929 г. и роль в этом публикации замечаний В. Ульянова-Ленина на полях книги Н. Бухарина «Экономика переходного периода». Впервые в историко-экономической литературе раскрыто содержание понятий «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка», заимствованных Бухариным у А. Богданова, и показана надуманность обвинений Лениным терминологии Богданова в «идеализме» и эклектицизме». Рассмотрена философская, политическая и экономическая подоплека тенденциозности Ленина, и дана характеристика возглавляемого Богдановым своеобразного направления «среднерусского марксизма». Показаны эклектизм концепции социализма самого Ленина и влияние прожектера Ю. Ларина на практику «военного коммунизма». Систематизирована критика «военного коммунизма» и тейлоризма А. Богдановым. Выявлено использование И. Сталиным тенденциозных замечаний Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» для оправдания экономики «разрушения равновесия», волюнтаристского планирования и скачка диспропорциональной индустриализации.

Ключевые слова: дискуссия об исторических рамках политэкономики, дебаты об индустриализации, Первый пятилетний план, экономика «разрушения равновесия», клеветный ленинизм, среднерусский марксизм, тектология – всеобщая организационная наука А. Богданова, «военный коммунизм», тейлоризм, «правый уклон» в ВКП(б).

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10204.

Никогда не была так кроваво вспенена
В неудержимой скачке
Россия Петра и Ленина,
Вздыбленная от спячки.
М. Герасимов. Электрификация (1920)

Введение

Замечания на полях прочитанных книг иногда играли значимую роль в истории мысли. Реплика провинциального французского юриста в 1637 г. на полях классической книги грека Диофанта «Арифметика» породила «величайшую математическую проблему», решенную только в самом конце XX в., – Великую теорему Ферма [Singh, 1997]. В истории же мысли самого XX в., пожалуй, наиболее значимые из всех реплик были сделаны ровно столетие назад – в мае 1920 г. – Предсовнарком РСФСР В. Ульяновым-Лениным на полях

книги кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Н. Бухарина «Экономика переходного периода».

Опубликованные в 1929 г. в XI Ленинском сборнике эти замечания дискредитировали считавшегося тогда наиболее выдающимся из здравствовавших теоретиков марксизма Бухарина, что сыграло двоякую роль. Во-первых, ленинские наскоки на терминологию Бухарина были интерпретированы как отвержение «недиалектической» категории «экономического равновесия». И, таким образом, легитимировали «великий перелом», навсегда определивший советский неравновесный, диспропорциональный экономический рост, против крайностей которого выступали группа Бухарина в ВКП(б) («правый уклон») и виднейшие непартийные экономисты 1920-х гг. Во-вторых, авторитет «вечно живого», спорить с которым в СССР было уже нельзя, легитимировал «расширительную» версию политической экономии, т.е. выход этой науки за рамки капиталистической формации. С того времени в рамках «политической экономии в широком смысле» в СССР стала развиваться «политическая экономия социализма», которая, по критериям К. Маркса, не могла быть иной политэкономией, кроме вульгарной, т.к. должна была оправдывать сталинскую «экономику разрушения равновесия» в условиях запрета на критику «марксистско-ленинских» основоположений.

Убийственным камнем, брошенным в теоретический огород «превосходно образованного марксиста-экономиста» Бухарина [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 305], было то, что «Бухарчик» взял «по-детски наивно» термины «в том значении, в котором они употребляются тов. А. Богдановым», и «не подумал, что и термины и их значение у Богданова фундированы... его философией, философией идеализма и эклектицизма» [Ленин, 1929. С. 400]. Ни тогда, ни позже – вплоть до переиздания замечаний в XI Ленинском сборнике и после этого – никто не проверил вердикты Ленина на адекватность, что будет сделано ниже в контексте и экономических условий и дебатов той эпохи, и партийно-философской подоплеки.

Дебаты-I: об исторических границах политэкономии

Н. Бухарин, несмотря на молодость, сразу после большевистской революции выдвинулся как ведущий идеолог партии власти. Главный редактор ЦО «Правда», он вместе с Е. Преображенским был автором популярной «Азбуки коммунизма», разъяснявшей вторую Программу партии, принятую в разгар гражданской войны [VIII Съезд, 1919. С. 390–410]. Как программа и ее азбучное растолкование, так и трактат «Экономика переходного периода» были исполнены духа «военного коммунизма». В таком же духе были написаны и комментарии Ленина, который лишь через семь месяцев решился развернуть партию от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Бухарин развернулся резче других, став главным идеологом НЭП, тогда как его бывший соавтор Преображенский остался на жестких позициях, выраженных в его же рецензии на «Экономику переходного периода» («Правда», 1920. 15 августа): при пролетарской диктатуре «насилие города над деревней... является единственным серьезным орудием накопления» [Преображенский, 2006. С. 363]. Бухарин вместе с партийным генсеком И. Сталиным и Предсовнаркомом СССР А. Рыковым проводил после смерти Ленина НЭП как «генеральную линию партии» с перспективой «построения социализма в одной стране». Преображенский стал экономическим рупором противников «генеральной линии», возглавленных Л. Троцким, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым, один за другим терявших властные посты в разгоревшейся внутрипартийной борьбе. Этой троице досталось в скандальном предсмертном ленинском «Письме к съезду», как и Бухарину со «слишком грубым» и нетерпимым Сталиным. Причем Бухарину – именно как «ценнейшему тео-

ретику» и «любимцу всей партии», чьи воззрения, однако, с «большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое; он никогда... не понимал вполне диалектики» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 345].

Благоговение неопита не мешало «Бухарчику» продолжать спорить с «Ильичем» – и при жизни, и после смерти свезенного в мавзолей Ленина. Единственный из членов Политбюро Бухарин возглавил собственную теоретическую школу и активно дискутировал не только на партийных съездах и пленумах, но и в стенах Коммунистической Академии, где состоялась зимой 1925 г. дискуссия по докладу И. Степанова-Скворцова «Что такое политическая экономия?». Она отложилась на страницах «Вестника Коммунистической Академии» параллельно бушевавшему спору Бухарина с Преображенским по поводу «первоначального социалистического накопления». И оба антагониста приняли участие и в дебатах об исторических рамках политэкономии. И оба вместе с подавляющим большинством участников дискуссии выступили против докладчика и его соавтора по фундаментальному «Курсу политической экономии» А. Богданова.

Большой «Курс» вышел первым томом еще в 1910 г., а вторым – в нескольких выпусках уже после 1917 г. Он вырос из «Краткого курса экономической науки» – продукта сотворчества в тульских рабочих кружках, прославившего А. Богданова, но созданного с участием И. Степанова-Скворцова и В. Базарова-Руднева [Гловели, 2017. С. 84]. Выход «Краткого курса экономической науки» приветствовал молодой В. Ульянов [Ленин, 1967–1975. Т.4. С. 35]. По следующим изданиям училась почти вся российская социал-демократия [Луначарский, 1967. С. 248]; в бесцензурных изданиях революционного 1906 г. в учебнике появился раздел «Социалистическое общество» [Богданов, 1990. С. 90–98]. А в годы гражданской войны знаменитый учебник Богданова и его упрощенные версии стали главными экономическими пособиями в стране, изданными, помимо Москвы, в десятке городов от Новгорода до Ташкента, причем издателями нередко были фронтовые политуправления Красной армии.

Но в том самом мае 1920 г. профессору МГУ А.А. Богданову, на лекции которого студенчество занимало места за два часа до начала [Григоров, 2018], специальным решением Политбюро(!) было дозволено право чтения курса политэкономии только «досоветского периода». Ульянов-Ленин выразил неудовольствие тем, что советский Госиздат издает «Краткий курс экономической науки», в котором нет упоминания о «диктатуре пролетариата». А ранее возникли серьезные разногласия между соавторами «Курса политической экономии». Преданный ленинец и член Совнаркома первого состава Степанов-Скворцов отказался включать написанную Богдановым главу «Военно-экономические формации» [Богданов, Степанов, 1924. С. 5], развивавшую оценку осеннего переворота 1917 г. как «военно-коммунистической» революции, после которой не будет социализма, но «реакция имеет все шансы перейти в гражданскую войну с громадным расточением лучших сил народа» [Богданов, 1918а. С. 90, 100].

К середине же 1920-х Богданов, несомненно, крупнейший марксист-теоретик того времени, от партийного «ортодоксального» марксизма был окончательно отлучен. Основанный Ульяновым-Лениным и Троцким журнал «Под знаменем марксизма» вел систематическую травлю «еретика» [Богданов, 1995. С. 39; Богданов, 2019. С. 611]. А редактируемый Бухариным журнал «Большевик» напечатал статейку какого-то клеветника, в которой учебники Богданова объявлялись «контрреволюционными» не только за критику «военного коммунизма», но и за исторический подход к предмету политэкономии.

Сначала Богданов в письме в «Вестник Коммунистической Академии» [Богданов, 1924. С. 399], а затем Степанов-Скворцов в докладе [Степанов, 1925. С. 282] напомнили, что Ленин как раз отстаивал исторический подход к предмету политэкономии. Но главным аргументом Степанова стала отсылка к постановке Энгельсом задачи «политической экономии в широком смысле». Это было решающим аргументом и для Ленина – о чем знал

Бухарин, но не внял двум подряд репликам на полях соседних страниц своей книги. «Шаг назад против Энгельса» – напротив определения Бухарина «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве *товаров*» (с. 7). А напротив утверждения Бухарина «конец капиталистического производства будет концом и политической экономии» (с. 8) – «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $I v + m$ к $II c?$ и накопление?» [Ленин, 1929. С. 349].

Бухарин и его ученики отстаивали политическую экономию «в узком смысле», т.е. ограниченную рамками товарно-капиталистического хозяйства с категориями ценности, основного и оборотного капитала, заработной платы, прибыли, ренты и пр. [Бухарин, 1925. С. 297]. Но когда увидели свет замечания Ленина на «Экономику переходного периода», нескольких слов «вечно живого» оказалось достаточно, чтобы, как выразился один из тогдашних партийных политэкономов, нанести «смертельный удар “ограничительной версии”» [цит. по: Широкопад, 1988. С. 258].

А ведь оба аргумента Ленина – ссылка на Энгельса и указание на условия пропорциональности при всяком общественном воспроизводстве, а не только капиталистическом, – были полностью идентичны тем, что приводил Степанов-Скворцов в своем докладе и в предисловии к последнему изданию «Курса политической экономии» [Степанов, 1925. С. 281], [Богданов, Степанов, 1925. С. XVII].

Но никто не собирался признавать правоты и заслуг покойных Богданова и Степанова-Скворцова в их защите «политэкономии в широком смысле». Зато все многочисленные под-ленины в политэкономии приняли как руководящую нить счеты, которые сводил на полях книги своего ученика Бухарина Ленин-цзы со своим старым философским оппонентом Богдановым. Благо последний не мог возразить ни при жизни Ленину, в свою пользу решившему «основной вопрос всякой революции – вопрос о власти», ни после смерти – под-лениным в 1929 г. и позже.

Дебаты-II: о равновесном росте, «генетике» и «телеологии»

Дискуссия об исторических рамках политэкономии не имела, однако, той злободневности, как разгоряченные дебаты о методах, темпах и источниках социалистической индустриализации и стратегиях народнохозяйственного планирования [Эрлих, 2010]. Спорили «генеральная линия» с внутрипартийной оппозицией; спорили ведущие партийные и непартийные экономисты Госплана, ВСНХ, ЦСУ, наркоматов – составители первых ориентировочных пятилетних планов-прогнозов развития ключевых секторов, «Контрольных цифр» и, наконец, вариантов первого пятилетнего плана всего народного хозяйства СССР.

Ключевой была проблема возможности равновесного экономического роста при переходе от восстановительного периода советского хозяйства (после разрухи «военного коммунизма») к реконструктивному периоду «социалистической индустриализации». Преображенский с его доктриной «первоначального социалистического накопления» отрицал возможность равновесного роста. Бухарин настаивал на такой возможности; с ним соглашалось большинство экономистов-«спецов», обсуждавших различные условия экономического равновесия – между темпами роста разных секторов народного хозяйства, между задачами накопления и уровнем потребления масс, между спросом и предложением и т.д. Но Бухарин, кроме того, широко использовал понятие «равновесия» в своем широко известном тогда «популярном очерке марксистской социологии» – учебнике «Теория исторического материализма».

Однако еще более широко – как общенаучное системное понятие – категорию «подвижное равновесие изменений» использовал А. Богданов, до конца жизни работавший над главным трудом «Тектология – всеобщая организационная наука». Системные («протоки-

бернетические») наработки друга использовал в Госплане В. Базаров для концепции долгосрочного экономического роста и методологии перспективного народнохозяйственного планирования, моделирования кривой темпов роста социалистической промышленности [Гловели, 2019. С. 19].

В дебатах о планировании Базаров стремился синтезировать два оформившихся подхода, которые он назвал «генетическим» и «телеологическим» [Базаров, 1924; Белых, 2007. С. 61]. Однако в конце 1927 г. Сталин категорично высказался в пользу «телеологического» (целестремительного) подхода, главным проводником которого стал зампред Госплана С. Струмилин, сводивший план к директивному «отрезку партийной программы», а роль науки планирования – к «служанке партийных установок» [Струмилин 1928. С. 30, 39]. И обрушившийся на «генетический» и «синтезный» подходы, что вызвало отповедь Базарова, выступившего против «поверхностной индустриальной экспансии» и бюрократического «сов-пифагорейства» [Базаров, 1928. С. 75, 82].

Противники «телеологии» нашли союзника в лице Бухарина, напомнившего о необходимости «подвижного экономического равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством и в рамках самого промышленного сектора [Бухарин, 1928. С. 2]. Фактически повторяя аргументы Базарова и экономистов-«генетиков», Бухарчик выступил против «сверхиндустриалистов», «бешеного разгона темпа», «salto mortale капитального строительства» [Бухарин, 1928. С. 3].

Но публицистические гиперболы не помогли против властно-административного ресурса Сталина, подкрепленного авторитетом мавзолейного Ленина. «Оптимальный», или «телеологический» вариант первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР вступил в действие с IV квартала 1928 г., получив силу партийной директивы. Телеолог Струмилин предпочел «стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», а «завершением» дебатов о планировании стали разгром «правого уклона в ВКП(б)» во главе с Бухариным и аресты Базарова и сторонников «генетического» подхода.

Как многократное эхо стали разноситься реплики Ленина из 1920 г. с раздражением по поводу словооборота Бухарина «с точки зрения равновесия»: «не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия»? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философск[им] шатаниям в сторону от мат[ериали]зма к идеализму» [Ленин, 1929. С. 384–385]. Вообще-то упрек относился к словам «точка зрения», как ранее – к выражению «с общественно-организационной точки зрения». «Ну и организационная наука!» – язвил главдидакт, знавший о симпатии Бухарина к фундаментальной работе Богданова (но не саму работу) и проводимой в ней «организационной точке зрения» [Ленин, 1929. С. 359, 360]. Однако в контексте «великого перелома» и нарушения *всех* отстаиваемых экономистами 1920-х гг. условий «подвижного экономического равновесия» реплику против «автора, испорченного эклектицизмом Богданова» [Ленин, 1929. С. 361], стоило читать как порицание «точки зрения равновесия». Что стало надежной псевдометодологической опорой для акцентированного удара Сталина по «теории равновесия», вызвавшего лавину печатных изобличений Бухарина («недиалектика, богдановца») и экономистов-«вредителей», осуждаемых по сфабрикованным процессам «Промпартии», «Союзного бюро РСДРП(м)» и «Трудовой крестьянской партии» (ТКП).

«Обоснование» Сталиным экономики «разрушения равновесия»

Разногласия прежних соратников на самом партийном верху относительно очередного кризиса НЭП, ставившего под угрозу партийный курс на «социалистическую индустриализацию», обозначились как раз тогда, когда директор первого в мире Института

переливания крови А.А. Богданов умер вследствие очередного медицинского эксперимента на самом себе. Н.И. Бухарин горячо выступил на гражданской панихиде по погибшему, заявив, что пришел не «замазывать» споры, а проститься с человеком, «интеллектуальная фигура которого не может быть измерена обычными мерками» [Бухарин, 1989. С. 385].

13 апреля 1928 г. Институту переливания крови было присвоено имя его основателя А.А. Богданова. В тот же день И. Сталин в Москве, а Н. Бухарин в Ленинграде, в противоположной тональности – за и против «чрезвычайных мер» – вещали о политическом положении в стране [Козн, 1986. С. 293]. Нараставшие расхождения прорвались после публикации Бухариным его «Заметок экономиста» и попытки перетянуть на свою сторону мавзолейный авторитетный ресурс в речи «Политическое завещание Ленина» 21 января 1929 г.

Сталин ответил речью на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. с разделом «Тов. Бухарин как теоретик», с цитированием абзаца о Бухарине из предсмертного письма Ленина и выводом: «Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик» [Сталин, 1931. С. 415–416]. А образец «диалектики» Сталин, уже сам объявленный новым главным теоретиком марксизма, «преподал» в последнем месяце «года великого перелома», после разгрома «правого уклона в ВКП(б)», в «исторической» речи «К вопросам аграрной политики ВКП(б)».

Речь начиналась с раздела «Теория равновесия». В привычном для себя стиле, повторяя одно и то же, генсек утверждал, что «так называемая теория «равновесия» секторов нашего народного хозяйства» имеет «хождение среди части коммунистов», «пропагандируется рядом лиц из лагеря правых уклонистов». «Теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом... ничего общего с ленинизмом» [Сталин, 1931. С. 433].

За этим вердиктом скрывались не только слом НЭП, «великий перелом» в коллективизированной деревне, «спецежество», ужатие городского потребительского спроса до карточной системы, но и практика силового «подхлестывания» темпов роста тяжелой промышленности и структурных сдвигов в народном хозяйстве, проводимая Сталиным и его окружением во главе с В. Молотовым, сменившим А. Рыкова на посту Предсовнаркома. Для Сталина, Молотова и их адептов оказался недостаточным и без того перенапряженный *оптимальный* «телеологический» вариант Первого пятилетнего плана – началось «подхлестывание» сооружения крупнейших заводских новостроек и сближение функций ОГПУ с функциями строительных ведомств. В итоге не были выполнены задания не только оптимального, но и намечавшегося более умеренного отправного варианта Первого пятилетнего плана, хотя провозглашено было «досрочное выполнение» за 4 года и 3 месяца [Гордон, Клопов, 1989. С. 51–55].

Вслед за «теорией «равновесия» Сталиным были «разгромлены» теории «самотека» (каковой в природе не существовало) и «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства» (в «антинаучных» сочинениях «советских» экономистов типа Чаяновых» [Сталин, 1949. С. 152]). С экономистами – сторонниками третированных теорий – органы ОГПУ провели «проверочно-мордобойную работу» [Сталин, 1995. С. 211–212]. Почти все арестованные специалисты дали признательные показания в собственном «вредительстве», участии в контрреволюционных Промпартии, ТКП и «Союзном бюро РСДРП(м)».

Среди немногих исключений, не оговоривших себя и других, был В.А. Базаров. Не отрицая разногласий с правящей партией, в которую когда-то входил, он не признал себя виновным, заявив, что считает «теоретическое обсуждение всех вопросов политики и экономики принципиально допустимым». Это «обсуждение не может быть запрещено любому советскому гражданину, какой бы ни была его политическая биография» [Меньшевицкий процесс... 1999. С. 52, 53].

Последней статьей В.А. Базарова была «А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель». Но она увидела свет только в XXI в. [Базаров, 2002]. А тогда не могло быть речи о том, чтобы напечатать автора, который «арестован по обвинению в участии в контр-революц.

орг-циях, стремившихся к свержению сов. власти и связанных с вредительскими орг-циями специалистов. Исключен из Комакадемии» [*Деятели...*, 1933. Стб. 193].

К тому же многочисленные под-ленины и под-сталины, не исключая и отступников-карьеристов из «школы Бухарина», занялись поношением «богдановщины – идеалистической фальсификации марксизма, смыкающей с реакционной буржуазной наукой» [XVI съезд ВКП(б), 1930. С. 529–530], в то время, как Сталин направил директивное телеологическое планирование к постоянному *разрушению равновесия* в экономике [*Яхот*, 1982. С. 246].

Ретроспектива-I: «ортодоксия» против «среднерусского» марксизма

А. Богданову дважды крупно не повезло с «узкими смыслами», не без его собственной вины. Второй раз – когда отмежевался от Степанова-Скворцова и его «метода доказательства» посредством «сличения текстов» [*Богданов*, 1925. С. 306]: ссылка на Энгельса в разграничении политэкономии в «узком» и «широком» смысле слова не помешала бы. А первый раз, когда употребил вместо оборота «в узком смысле слова» выражение «в точном смысле слова». И неясно, и с поводом для обвинений в идеализме, ведь получилось «общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» [*Богданов*, 1904. С.50–51]. Неудачный оборот *никогда более не был повторен* Богдановым, но лавинообразное искажение его взглядов уже не остановилось [*Ленин*, 1967–1975. Т. 18. С. 342–343].

Называя Богданова главной фигурой особого интеллектуального течения – «среднерусского марксизма», я хотел подчеркнуть своеобразие этого направления, отличие его от трех других, хрестоматийно известных [*Гловели*, 2019. С. 6, 11]. Отличие в том числе и в географических истоках, что, конечно, не стоит понимать буквально («в точном смысле»). «Плехановская ортодоксия» возникла в эмиграции. А в Петербурге и Нижнем Поволжье – ревизионистское и революционное направления, объединенные вначале борьбой с легальным народничеством, но затем растекшиеся на «легальный марксизм» (Струве, Туган-Барановский) и социал-демократию (Ульянов-Ленин, Потресов, Мартов).

Направление же А. Богданова оформилось в городах, относимых к средней полосе России (Москва, Тула, Калуга) и примыкающей к ней с северо-востока Вологодчине. Здесь, «на огромном пространстве, среди суровой природы», раскинулась нация, доказавшая свою энергию и способность к творчеству «всей своей трудовой жизнью, своей упорной борьбой со стихиями», своим эпосом [*Богданов*, 1909. С. 4]. Здесь было общее начало революционного пути Богданова-Малиновского, Базарова-Руднева, Степанова-Скворцова. Исключение из Московского университета; создание своего рода кружкового «университета» для тульских промышленных рабочих как ответ на их «хождение в интеллигенцию»; затем ссылка в Калугу, где к друзьям присоединился А. Луначарский. Как он вспоминал, друзей объединило стремление как можно шире развить эпистемологическую, эстетическую и этическую стороны марксизма, не сдавая его в плен узкой «плехановской ортодоксии» [*Луначарский*, 1968. С. 26]. И если эстетика и этика были по части самого Луначарского с его художественной складкой, уводившей то в «нищенизм», то в «богостроительство» [*Гловели*, 2018. С. 54–55], в эпистемологической, равно как и экономической, проблематике «первым среди равных» был Богданов [*Луначарский*, 1968. С. 249].

Хотя не он, а В. Руднев взял в качестве псевдонима фамилию хрестоматийного литературного героя, знаменитый афоризм этого героя может считаться отправным пунктом мировоззрения именно Богданова: «Природа не храм, а мастерская; человек в ней работник» [*Тургенев*, 1998. С. 216]. Причем с поправками: работник коллективный и более конкретно – крупного машинного производства, в котором Богданов увидел тенденцию

к преодолению двух исторических форм «дробления человека» – цеховой специализации и разделения на организаторов-исполнителей [Богданов, 1990. С. 40–41].

Идея-фикс социализма XIX в., обнаружившая трудность реализации в многочисленных коммунистических экспериментах [Станковская, 1988. С. 77] и запечатленная в формулировках I Интернационала о политехническом школьном обучении, – преодоление разделения труда, избавление человека от судьбы «искалеченных экономических разновидностей» [Энгельс, 1961. С. 309]. Но только Богданов и анархо-коммунист Кропоткин попытались соединить эту идею с системным обобщением достижений естественных и общественных наук.

Однако Кропоткин ориентировался на общинную децентрализацию промышленности, соединенной с земледелием и наукой [Кропоткин, 1908]. Тогда как марксист Богданов проектировал «планомерную организацию» общества как единого предприятия, полагая, что прогресс энергетики, автоматики и транспортировки создаст технические предпосылки для подобного единства в масштабе миллиардов жителей [Богданов, 1990. С. 93–94].

Схема подобного общества обрисована в романе-утопии «Красная звезда». Роман также отразил «научно-техническую революцию» [Богданов 1908. С. 66] рубежа XIX и XX вв., включая открытия в физике и химии первых Нобелевских лауреатов, и популярную тогда же, не только у фантастов, гипотезу о высокоразвитой цивилизации на Марсе. Астроном П. Лоуэлл, на свои деньги построивший специальную обсерваторию для картирования «красной планеты», полагал, что наблюдаемые им на Марсе «каналы» – сеть линий искусственного орошения, объединившая «марсиан» необходимостью сотрудничества в спасении от недостатка воды [Лоуэль, 1907. С. 135–136]. Богданов, помимо своих романов, не высказывался по поводу реальности «марсиан», но аргумент о планетарном единении в борьбе со «стихийностью природы» явно был для него веским, соединившись с ключевой для социалистов-утопистов идеей о том, что труд, не закрепленный односторонностью, – «естественная потребность каждого развитого социального человека» [Богданов, 1990. С. 133, 141]. Поэтому в обрисованном Богдановым утопическом коммунистическом обществе Марса «все люди любят переходить из одной области производства в другую», но при «одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям» имеющий выбор и необходимую подготовку работник выберет то, где потребность в работниках в данный момент сильнее [Богданов, 1990. С. 140]. А величину этой потребности показывает информационно-статистическая система Института подсчетов [Богданов, 1990. С. 141].

Богданов начал писать свой роман, имея за плечами революционный опыт руководства вместе с Л. Красиным Военно-технической группой РСДРП и заточения в петербургской тюрьме «Кресты», где он завершил свой философский трактат «Эмпириомонизм». После освобождения Богданов поселился рядом с Лениным на даче в Карелии, снимаемой врачом-большевиком Гавриилом Линдовым (Лейтейзенем). На даче и начались те философские и тактико-партийные распри между двумя лидерами Большевицкого Центра, которые инспирировали Ленина на ругань по адресу «реакционной философии Маха – Авенариуса», и высказанное «прямо и грубо» согласие с тем, что единственной философией марксизма может быть «диалектический материализм», защищаемый главным до того времени оппонентом Богданова – «ортодоксом» Плехановым.

Отвергая попытки Богданова дополнить «исторический монизм» Маркса элементами позитивистской эпистемологии, Ленин особенно (не без резона) ополчился против не совсем убедительного использования Богдановым биологических («подбор») и энергетических терминов в «обобщающей» интерпретации социального прогресса. Но, кроме того, Ленин тенденциозно выводил из метода философской «подстановки» Богданова его тактическую позицию, которую считал политически ошибочной (бойкот Государственной Думы), а также сомнительную метафорику Луначарского, в поисках «идеальных сокровищ» в марксизме, договорившегося до объявления одного новой «великой религией».

И уже явным перегибом палки было причисление виднейших европейских ученых-позитивистов того времени (Э. Маха, В. Оствальда, А. Пуанкаре) к «прямым философским реакционерам и проповедникам фидеизма» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 230]. А также объявление «литераторским центром богостроительства» [Ленин, 1967–1975. Т. 47. С.198] школы для партийных организаторов и пропагандистов из рабочих, организованную Богдановым на о. Капри с помощью «пролетарского писателя» М. Горького, подлившего масла в огонь полемики своей проповедью «богостроительства» в повести «Исповедь».

Памфлет Ленина («Вл. Ильина») «Материализм и эмпириокритицизм» не снискал автору признания как философу; продолжившаяся полемика, по-видимому, обескуражила Ленина. Сталин, известный тогда еще только как Коба, писал другому грузину-большевику, что в ответном памфлете Богданова «Вера и наука» были очень верно подмечены «отдельные промахи Ильича» [Такер, 1990. С. 145]. Еще один грузин, рабочий Мелитон Филия, при встрече с Лениным изложил «оставшиеся у товарищей вопросы» и просьбу разъяснить их. На что получил ответ: «Нет, нет. Хватит с меня. Больше за философию не возьмусь... по философии писать не буду» [Филия, 1927. С. 62]

Однако, как сегодня известно, кроме философии и тактики, борьба с Богдановым для Ленина имела еще аспект контроля за партийной кассой [Богданов, 1995б. С. 100–141]. И здесь Ленин, считавший, что «нельзя делить время между революцией и заботами о зарплате» [Войтинский, 1924. С. 102], преуспел, выиграл внутривнутрипартийную «кассовую борьбу». И продолжил партстроительство уже исключительно под своим единоначалием (с Пражской конференции РСДРП 1912 г., после которой в ЦК был кооптирован Коба – Сталин). А вот Богданов не удержался ни в ЦК РСДРП, ни в им же созданной группе «Вперед», а тем самым – и в партии, с которой последняя связь – через газету «Правда» – была оборвана под нажимом Ленина, не давшего ходу статье Богданова «Идеология».

Эта статья в самом сжатом виде излагала поворот богдановского позитивизма к идее «последних дней» философии (с ее «созерцательной тенденцией»), поэтому и свою собственную философскую систему Богданов считал пройденным этапом [Богданов, 1910, С. 140]. Новый же этап он определил как поиск «универсальных организационных методов», общих для «самых различных приёмов, применяемых человечеством в его познании и в труде». И сводимых в «науку будущего», которая стала бы инструментом коренного реформирования всего общественного строя, превратив решение самых сложных организационных задач в «дело не индивидуального таланта или гения», а коллективного научного анализа [Богданов, 1990. С. 283].

Поворот Богданова выразился в его книгах «Падение великого фетишизма», «Культурные задачи нашего времени», «Инженер Мэнни» (фантастический роман), «Тектология: всеобщая организационная наука», «Наука об общественном сознании». Именно эти работы 1910–1914 гг. стали главным достижением «среднерусского марксизма»; Богданов резонно подчеркивал, что главные из его работ написаны после 1909 г. [Богданов, 2019, С. 605].

Богданову не были знакомы ранние работы Маркса и Энгельса с обоюдоострой постановкой вопроса: «идейные образования должны быть объяснены из материальной практики» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 37] – «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [Маркс, 1955. С. 422]. Однако углубленная разработка «исторического монизма» привела его сначала к последовательному «социально-генетическому» объяснению идейных образований от мифов до естественнонаучных теорий, а затем – к убеждению, что «идеология, или духовная культура, выполняет организующую функцию в жизни общества, групп и классов» [Богданов, 1911. С. 44]. Отсюда – принципиальное разрешение вопроса о «базисе» и «надстройке», по которому ломали копья сторонники и противники «экономического материализма» среди русских политэкономов, философов и социологов рубежа веков [Кареев, 1904. С. 267]. Идеология (общественное

сознание) происходит из того, что идеологией не является, – из общественного бытия (производства), но, будучи «генетически вторичными», идеологические формы (от языка до теоретического естествознания) оказывают активное обратное воздействие на социально-экономические отношения [Богданов, 1910. С. 8; Богданов, 1995, С. 196]. Отсюда же – и смещение «исторической миссии рабочего класса» («мировой организационной задачи») на «положительно-практическую сторону осуществления нового строя» [Богданов, 1918а. С. 21]. «Повторение организационных типов на всех ступенях бытия» [Богданов, 1913. С. 24] должно было стать опорой в решении этой задачи, а универсальная организационная наука – опорой в общей теории «базиса» (политэкономии) и общей теории «надстроек», идеологии («Наука об общественном сознании»).

Ретроспектива-II: клеветный ленинизм против Богданова и Бухарина

Новые произведения Богданова изначально были определены Лениным как мишени для «марксизма» клеветного, когда окружению (сам «писать не буду»!) поручается полемика с заданной тенденциозностью, исключаяющей минимальную объективность. Первыми «антибогдановскими» клеветами стали В. Милютин («Павлов») и Л. Каменев («Корсов»), в ленинском журнале «Просвещение» (1914) выступившие с нападкамии на появившуюся «Тектологию» и новые издания экономических учебников Богданова. Причем Каменев обвинял бывшего старшего товарища (им же и привлеченный к партийной работе) в том, что в *системе Богданова*, «в отличие от системы Маркса, идея общности всех людей превалирует над идеей классовой и групповой борьбы» [Каменев, 1923. С. 285].

Между тем Богданову стало совсем не до «групповой борьбы» – вернувшийся в Россию, он был призван как военврач с началом мировой войны в действующую армию и настолько потрясён увиденным на фронте, что заболел экземой и был демобилизован для лечения в Москве. Фронтные впечатления трояким образом повлияли на дальнейшую идейную эволюцию. Во-первых, Богданов ощутил, что прогресс человекоубойной техники приблизился к уровню, о котором он сам писал на первых страницах романа «Инженер Мэнни». Если бы открытия марсианской «науки о строении материи стали теперь известны на Земле, то у милитаризма враждебных друг другу наций оказались бы в руках истребительные орудия невиданной силы, и вся планета в несколько месяцев была бы опустошена» [Богданов, 1990. С. 204]. Во-вторых, Богданов разочаровался в идеологах западной социал-демократии, поддержавших «реакционный истребительный блок», сплоченный посредством «национально-патриотических фетишей» [Богданов, 1990. С. 326, 329]. В-третьих, Богданов воочию увидел не только «зияющую пропасть» между идеалом и классовой деятельностью пролетариата [Богданов, 1990. С. 350], но и ужас «равнения по низким уровням психики» в действиях солдатизированной малокультурной массы [Богданов, 2005. С. 27; Богданов, 2019. С. 263–264].

Отсюда – позиция в 1917 г. Ожидание социалистической революции в Европе – маниловщина; не тот уровень культурной самостоятельности и организованности рабочего класса. При этом Богданов не отрицал необходимости и неизбежности *ряда иных революций* – «характера ликвидационного, уничтожающих наследство войны» (олигархию, диктатуру властей, гипертрофию рантьерства). Что же касается «солдатско-коммунистической революции» большевиков, все время рвавших мосты между собой и другими социалистами, – то ее Богданов назвал «школой демагогии-диктатуры», скорее отдаляющей, чем приближающей социализм [Богданов, 1990. С. 343, 355].

В письмах к Базарову и в редакцию газеты «Новая жизнь» в течение 1917 г. Богданов подчеркивал, что сосредоточился на «деле жизни – «Тектологии» и «отрекся от поли-

тики – надеюсь, навсегда». Однако в автобиографии, написанной в 1925 г., вынужден был заметить: «хотя я окончательно оставил политику, она не совсем оставила меня» [Богданов, 1995а. С. 187, 193, 19]. Но иначе быть не могло – ведь именно Богданов первым дал критический анализ политики «военного коммунизма» в самом ее зародыше. Задолго до того, как Ленин задним числом признал эту политику несостоятельной в смысле хозяйственного строительства и долговременных интересов пролетариата, хотя и «заслугой» для победы большевиков в гражданской войне [Ленин, 1967–1975. Т. 43. С. 220].

Но до того Ленин и его окружение единодушно считали, что взятием власти взойшли по исторической лестнице на «ступеньку, называемую социализмом» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 193]. Богданов же диагностировал появление «военно-коммунистического» формационного «ублюдка» в «атмосфере миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» [Богданов, 1990. С. 344].

На книгу Богданова «Вопросы социализма» резко негативную рецензию («оппортунистическое культурничество») написал Бухарин [Бухарин, 1918. С. 19]. Богданов тогда ответил статьей с характерным заглавием «Повязка», намекая на прикрытие глаз от действительности [Богданов, 1918б]. Но «Тектологию» Бухарин оценил высоко, в противоположность Ленину, давшему очередному клевету – Невскому – отмашку обрушиться на новые труды Богданова как на «философию мертвой реакции». Самому Ленину «писать по философии» теперь не было надобности: рычаг власти позволял ограничиться переизданием не имевшего успеха старого памфлета с небрежной припиской: «не имел возможности ознакомиться... но под видом «пролетарской культуры» проводятся А.А. Богдановым реакционные и буржуазные воззрения» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 12].

Бухарин резонно заметил Ленину в ответ на записку того, что Богданов хотел лишь «переодеть» старый спор:

- «1. Все можно рассматривать как системы, т.е. элементы в определенном типе связи.
2. Если это так, то можно вывести некоторые общие законы.
3. Тогда философия становится излишней и заменяется всеобщей организационной наукой.

Эта постановка вопроса лежит в иной плоскости, чем эмпириомонистическая. С ней можно спорить, но ее нужно хотя бы понять. А этого *minimum*'а у Невского нет» [Бухарин, 1959. С. 384].

В 1929 г. клеветному ленинизму никакого *minimum*'а понимания тем более не было нужно, а повязкой следовало прикрывать глаза не только при взгляде на действительность, но и при чтении.

В московском доме на Волхонке, 14, где разместились Институт экономики и Институт философии АН СССР, на десятилетия была установлена памятная доска, напоминавшая, что именно в этом здании проходила в 1929 г. конференция «аграрников-марксистов», на которой И.В. Сталин разгромил «теорию равновесия». А когда репрессии, как «необходимый элемент наступления в социалистическом строительстве» [Сталин, 1949. С. 309], были доведены до сфабрикованных процессов над исключенными из партии «реставраторами капитализма», избличители последних (т.е. «эклектика Бухарина», прежде всего) спешили упомянуть, что «враги народа» использовали для обоснования «правого уклона» «механистическую теорию равновесия» Богданова.

Институт переливания крови был организован при прямой поддержке Бухарина и Сталина, когда в борьбе с «троцкизмом» они выступали «дуумвиратом» [Коэн, 1986. С. 224]. В первом сборнике трудов Института, оперативно изданном после героической гибели директора-основателя, рядом с речью Бухарина была напечатана речь преемника Богданова на директорском посту Богомольца. А через 10 лет голос академика Богомольца был среди тех, кто в печати призывал к смертной каре исключенного из Академии наук СССР «правого троцкиста» Бухарина.

После 1956 г. памятную доску на Волхонке сняли – но не «повязку» при чтении. Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» не вошли в «полное» собрание сочинений Ленина. Но были-таки переизданы в 1985 г. с редакционной припиской без упоминания о «механистической теории равновесия», но с напоминанием, что в пику автору «Ленин утверждал, что политическая экономия как наука об экономических законах развития общества сохранится и при коммунизме».

Однако не на этом сделали акцент републикаторы, а на том, что «в книге нашли отражение ошибочные взгляды Бухарина о путях перехода к социализму, восхваление «пролетарского принуждения» как основного метода строительства социализма и коммунизма. Экономика переходного периода и социалистическая система хозяйства, утверждал он, не знают объективных закономерностей, они развиваются по усмотрению пролетарского государства. [...] Бухарин, выдвигая ошибочную теорию «внеэкономического принуждения», в то же время ратовал за освобождение от всяких руководящих начал в области хозяйственной политики.

В своих замечаниях Ленин решительно осудил эту откровенную проповедь волюнтаризма, он критиковал автора за отход от марксистского определения политической экономии, подчеркивая необходимость познания объективных экономических закономерностей и после свержения капитализма» [Ленин, 1985. С. 429–430].

Трудно сказать, отражен ли в цитируемых абзацах только застойный маразм клеветного ленинизма или скрыта издевка. Ведь на самом деле придиричивый кремлевский диалектик, столько ерничавший по поводу «схоластики понятий» и «эклетицизма» Богданова, из всех глав книги Бухарина лучше всего отзывался именно о главе «Внеэкономическое принуждение в переходный период». С полным одобрением – на полях этой главы *исключительно* пометки «оч [ень] хорошо!» и «верно!». И веское «именно!!!» напротив вывода «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, **методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи**» [Ленин 1985. С. 396]. И следом – «Вот эта глава превосходна!».

В 1929 г. этот вывод никого не смутил. В 1985 г. явно смущал – отрицательное отношение к «военному коммунизму», очевидно, просочилось уже и в руководство Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Прошло еще несколько лет, и с призывом к «новому прочтению Ленина» в духе апологии НЭП началась «перестройка», принесшая не только партийную реабилитацию Бухарина, но даже и признание за Богдановым не только приоритета в разработке системно-кибернетических идей, но и приоритета в критике «военного коммунизма» [Булдаков, Кабанов, 1990. С. 41].

Однако кратковременное посмертное торжество Бухарина над его соратником-палачом Сталиным вскоре завершилось общим историческим поражением деятелей Октября 1917 г. и распадом основанной ими страны. А масштаб противостояния «Ленин – Богданов» так и не был осмыслен; развенчание первого не прекратило оболгания и огрязнения второго, хотя теперь к сточным канавам клеветного ленинизма добавились таковые и антиленинизма. Например, в контексте «изобличения» коммунистического лозунга «нового человека» – дескать, организация Богдановым опытов по обменному переливанию крови была якобы продиктована желанием «принудительно» улучшить человеческую породу. Это гнусная ложь – в отличие от иных его современников-«евгеников» из числа профессиональных биологов-генетиков Богданов *никогда* не отступал в медицинских опытах от принципа добровольности и никакого другого не мыслил.

Последняя прижизненная книга «тектолога» Богданова, уже директора Института переливания крови, содержит одно интересное замечание. Автор *как врач* выступает против методов повышения производительности труда, рекомендуемых знаменитой американской «системой Тейлора», – достижения эффекта за счет «одностороннего развития

какой-нибудь специальной, иногда весьма мелкой функции по «рекордному» типу со всеми шансами на ранний и ускоренный упадок организма» [Богданов, 1927. Гл. 8]. В этом пункте тектолог словно возвращается к своим спорам с главным проповедником тейлоризма в Советской России А. Гастевым на страницах журнала «Пролетарская культура» и на первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. А ведь именно из полемической статьи против Гастева заимствовал Бухарин те самые «термины тов. А. Богданова», которые дали повод Ленину изрядно позлословить про «идеализм и эклектицизм».

Разберемся же, кто эклектик.

Богданов против «военного коммунизма» и тейлоризма, или эклектицизм Ленина

Как писал Богданов в автобиографии, он был устранин из ЦК РСДРП в «качестве левого большевика». Тогда он возглавлял тех в партии, кто не хотел смириться с поражением первой русской революции и считал ограниченными легальные методы борьбы; более того, первые читатели «Красной звезды» увидели в романе «ласточку на скорое возрождение революции», не замечая основной мысли автора о принципах организации коммунистического общества [С.Д., 1918. С. 31]. Но 1917 г. встретил уже изменившийся Богданов. Убеждённый не только в том, что «мировая война поставила ясно дилемму: преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации», но и в том, что «из царства необходимости в царство свободы ведёт не скачок, а трудный путь» [Богданов, 1918. С. 74].

«Максимализм» своей длительной «программы культуры» для методической подготовки перехода от «классовой стихийности» к «всесоциальной планомерности» Богданов противопоставлял военно-политическому максимализму революционного «скачка». Сборник «Вопросы социализма», законченный в ноябре 1917 г., содержал прямую критику концепции «государства-коммуны» Ульянова-Ленина и взглядов экономиста-журналиста М. Лурье (Ю. Ларина), принятого в партию большевиков на VI съезде РСДРП (б) в составе группы «межрайонцев», возглавляемой Л. Троцким. Вместе с этой группой в партию вернулся и А. Луначарский, после Октябрьского восстания большевиков получивший пост наркома просвещения в правительстве Ленина – Троцкого и предложивший Богданову «любой пост» в Наркомате. Отвечая отказом, Богданов направил другу письмо, в котором резюмировал критику «логики военного коммунизма» Ленина – Троцкого – Ларина, развёрнутую в книге «Вопросы социализма» и позже, уже в начале 1918 г., в статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции».

Богданов вскрыл за «логикой казармы» переродившегося большевизма ряд подмен: планомерной организации – вопросом ударной силы и захвата власти; трудовой теории стоимости – уравниловкой однообразной зарплаты; идеала социализма – «ублюдком капитализма и потребительного военного коммунизма». Рост и распространение с фронта на тыл «врезающейся в систему капитализма военно-коммунистической организации» породили максималистские построения об условиях «материальной зрелости» для социализма в рамках государственно-монополистического капитализма. Эти построения были изложены в статьях Ларина в русской печати и в брошюрах Ленина лета–осени 1917 г. «Государство и революция» и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Ленин и Ларин сначала утверждали на примере Германии, что государственное регулирование капитализма в военных условиях создало такие формы управления хозяйством страны, которые в случае взятия власти «вооружёнными рабочими» могут быть легко использованы для налаживания «планомерного» хозяйства. А затем, после захвата власти большевиками Ленин и Ларин через централизованный орган управления промышленно-

стью – ВСНХ, возглавляемый сначала Н. Осинским, а затем А. Рыковым, стали проводить наполнение «пролетарским классовым содержанием» заимствованных форм германского военно-государственного капитализма немцев. Причем Ленин едва ли не единственный раз положительно упомянул русского царя: «всеми силами учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 301].

Богданов объяснил успех большевиков в захвате власти, во-первых, лозунгом «мира», увлекшим уставшие от бессмысленной войны массы. Во-вторых, тем, что «в России максимализм развился больше, чем в Европе, п. ч. капитализм у нас слабее, и влияние военного коммунизма, как организационной формы, соотносительно сильнее». [Богданов, 1990. С. 352]. Но государственный капитализм с нормировкой производства и сбыта, всеобщей трудовой повинностью и т.д. есть не подготовка «плановой организации» на более высоком уровне производительных сил, а лишь временная система приспособлений к процессу разрушения производительных сил [Богданов, 1990. С. 352].

Максимализм Ленина и Ларина проявлялся не только в отождествлении этой временной системы с «полнейшей материальной подготовкой социализма», в «расчете на мировую революцию» и поспешности мер перехода к безденежному хозяйству, проводимых ВСНХ. Служивший до 1926 г. в ВСНХ и Наркомвнешторге лесопромышленник С. Либерман, считавший, как и многие очевидцы «военного коммунизма», именно господство «духа Ларина» ответственным за усугубление хозяйственной разрухи «хаотическими экспроприациями и национализациями» и «стихией всеобщего поравнения», вспоминал о словах Ленина в ответ на высказанное мнение о несуразности ларинских декретов: «Мы ведь творим революцию. Наша власть, быть может, недолго просуществует, но эти декреты войдут в историю, и будущие революционеры будут на них учиться. Будут, быть может, учиться именно на тех декретах Ларина, которые вам кажутся столь нелепыми. Мы имеем перед собой, в качестве образца, декреты Парижской Коммуны». [Либерман, 1945. С. 4].

Богданов, критикуя «военный коммунизм», указывал, что с послевоенной нормализацией капиталистического хозяйства государственная трудовая повинность отойдет в прошлое. Партия и правительство Ленина – Троцкого, декретировав всеобщую трудовую повинность в январе 1918 г., через два года пришли к программе всесторонней «мобилизации индустриального пролетариата» и «милитаризации хозяйства», в деталях развитой Л. Троцким весной 1920 г. и закреплённой резолюцией X съезда РКП(б) о переходе к «милиционной системе» экономики, основанной на трудовых армиях. К концу 1920 г. Н. Осинский разработал план «массового принудительного вмешательства государства в сельское хозяйство» – мобилизации «пластами»: севооборота, «людей, лошадей, инвентаря как для организованного выполнения предшествующих требований, так и для переброски туда, где не хватает рабочих рук и средств производства» [Осинский, 1920. С. 9].

Осознавая глубочайший кризис российского сельского хозяйства, Ленин, по воспоминаниям Осинского, весьма заинтересовался его соображениями, «энергично возражая, однако, против элементов принудительности в этих выводах», и сделав свой вывод «о необходимости вовсе оставить политику военного коммунизма» [Осинский, 1990. Стб. 97]. С переходом к НЭП прежнее доверие Ленина к Ларину сменилось сарказмами относительно «избытка фантазии» у последнего [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 125], а в кругах беспартийных «спецов» Ларина воспринимали как сумасшедшего прожектора [Ясный, 2012. С. 159].

Это не мешало, однако, партийным клеветам оскорблять Богданова, с полным основанием подчеркнувшего в записных книжках: «Ничем нельзя изменить того факта, что в 17-м мной было сказано – вы можете устроить не социализм, а только военный коммунизм, и в 21-м было признано – у нас был только военный коммунизм, а не социализм»

[РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 28]. Тот же Осинский с пеной у рта изрекал на дискуссии о предмете политэкономии, что «Богданов не марксист», а какой-то партийный писака в нападках на учебники Богданова заявлял, что «мы военный коммунизм до сих пор считали марксизмом, внедренным Лениным в практику» [Петров, 1924. С. 100].

Любивший обвинять оппонентов, и в первую очередь Богданова и Бухарина, в «эклетицизме», Ленин в свою военно-коммунистическую «логику» интегрировал типичнейший эклектицизм, полагая, что в русскую «диктатуру пролетариата» можно механически вставлять «хорошее из-за границы»: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ^* = социализм» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 550].

Это – эклектицизм Ленина на макроуровне. А на микроуровне главное значение Ленин придавал внедрению американской рационализации и интенсификации труда (тейлоризма). Он в 1918 г. призывал «создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее» и даже ДЕКРЕТОМ «привлечь американских инженеров» для проведения системы Тейлора: «Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введём социализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 190, 212].

Ленин поддержал А. Гастева – главного проповедника тейлоризма в России – и помог ему организовать Центральный институт труда (ЦИТ). Гастев успел побывать социал-демократом и анархо-коммунистом, депутатом одного из первых в истории Совета рабочих депутатов в Костроме (1905) и слесарем на передовом машиностроительном российском заводе «Новый Айваз» в Петербурге (1913). Вызвавшие широкий интерес в русском деловом мире и в публицистике идеи американского «научного менеджмента» были претворены Гастевым в тарифно-нормировочную типологизацию, смешанную с литературным авангардизмом – ошарашивавшей «поэзией рабочего удара»:

«Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину-землю.

Эй вы, тихие потребители жизни! Разве вы не видите, как неудобно посажена земля, как неловко ходит она по орбите? Мы сделаем её безбоязненно гордой, дадим уверенность, пропитаем новой волей» [Гастев, 1959. С. 157].

До того, как Гастев возглавил ЦИТ, он сотрудничал в журнале «Пролетарская культура», где опубликовал провоцирующую статью против «схематика А.А. Богданова», с классификацией тарифных рабоче-индустриальных типов и выводом: «Из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем это тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами включений, переключений, замыканий» [Гастев, 1919. С. 44].

В течение века представители не рабоче-индустриальных, а псевдонаучно-филистерских типов, не зная ни одного российского тейлориста, кроме Гастева, и спекулируя на факте его пролеткульта, не раз объявляли Гастева последователем Богданова, далее пускаясь в рассуждательство о «технократизме» и «тоталитаризме».

Но надо сказать, что, несмотря на поддержку Ленина, тейлористские крайности Гастева были раскритикованы и в журнале «Пролетарская культура» [Калинин, 1919. С. 3], и на 1-й всероссийской конференции по НОТ, где не кто иной, как А. Богданов, прямо противопоставил тейлоризм и подлинно научную организацию труда [Труды..., 1921. С. 55].

Следует также сказать, что жупел «тейлоризма» не должен вводить в заблуждение, ибо внедрение тейлоровского «научного менеджмента» интенсификации труда, хотя и сопровождалось серьезными коллизиями, способствовало в итоге переходу Запада к высокопроизводительному обществу массового потребления [Дракер, 1999. С. 89]. В Советской же России «переваривание» тейлоризма в форме «научной организации труда» (НОТ) было не только способом повышения культуры производства, но и «смычки»

государства со «спецами». Богданов рассматривал распространение *тейлоризма* как проявление тенденции позднего капитализма к поддержке *частных организационных наук*. Хотя доклад самого Богданова на упомянутой конференции по НОТ был резонансным, непосредственного участия в дальнейшем движении НОТ Богданов из-за начавшейся травмы не принимал.

А в прямой полемике с Гастевым в 1919 г. Богданов и разграничил понятия «планомерная организация», «регулирование» и «нормировка», которые Гастев отождествлял. И которые однажды использовал Бухарин «в том значении, в котором они употребляются тов. А. Богдановым» [Бухарин, 1920. С. 33].

Каково же значение этих терминов у Богданова?

«Регулирование» – лишь упорядочение того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. «Нормировка» – регулирование по шаблонам, например, предписание рабочим жёстко определенного дневного задания («урока»). А «планомерная организация» – «инициативно-творческая сторона процесса», комбинирование данных опыта в «цельную действенную группировку». Именно эта сторона является по преимуществу человеческой, всего меньше может передаваться механизму, всего больше зависит от культуры работника – «от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов». Напротив, сторона регулятивная, а особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями и путем технического упрощения, дробления на отдельные операции и т.д. доводится в массе случаев до такой элементарности, что передается неквалифицированному работнику и машине [Богданов, 1919. С. 47–48].

Ясно, что только «неприязнь ко всему связанному с Богдановым» [Козн, 1986. С. 102] могла вызвать у предвзятого Ленина бурчанье об «идеализме и эклектицизме». И это была предвзятость не первая и не последняя.

Когда быстро развеялись упования на службу специалистов большевикам за однообразную зарплату, Предсовнаркома заявил на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства (май 1918 г.), что *не знает* ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 36. С. 382].

Неправда – знал Ленин такую книгу: «Вопросы социализма» А. Богданова, но лишь ругал за нее автора [Лебедев-Полянский, 1958], подчеркивавшего, что достижение «хозяйственной планомерности» – задача не менее техническая, чем экономическая, требующая не только привлечения многих наук, но и разработки универсальной науки о планомерных комбинациях мировой практики и познания всеобщей организационной науки [Богданов, 1918. С. 30–31]. Которой как делу жизни и посвятил себя Богданов, притом полученные им результаты уже в 1917 г. далеко выходили за рамки простых деклараций. Но на пути этих результатов стали клеветный ленинизм, а затем сталинская экономика «разрушения равновесия».

Жизненная драма «марсианина, заброшенного на Землю» [Богданов, 2019. С. 651–652], завершилась в Институте переливания крови. Посмертная трагедия началась в прямой связи с падением Бухарина. Тот в надгробной речи охарактеризовал погибшего как «одного из крупнейших умов всех стран», перечисляя: «Экономист, социолог, биолог, математик, врач, философ, революционер, наконец, автор прекрасной «Красной звезды» [Бухарин, 1989. С. 346]. Но для оценки вклада Богданова в какую-либо из всех названных областей нужно понимание хотя бы *minimum*'а в другой области. Этого *minimum*'а не бывает у клеветников и филистеров.

(Окончание следует).

ЛИТЕРАТУРА

- Базаров В.А. (2002). А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник Международного института А. Богданова. № 4(12). С. 5–35.
- Базаров В.А. (1924). К методологии перспективного планирования. М.: Госплан.
- Базаров В.А. (1928). Прение // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Коммунистическая академия. С. 73–83.
- Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет. Изд. 2-е, доп. М.: ЛКИ.
- Богданов А.А. (1927). Борьба за жизнеспособность. М.: Ин-т переливания крови.
- Богданов А.А. (1918а). Вопросы социализма. М.: Книгоизд-во писателей в Москве.
- Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
- Богданов А.А. (1913). Всеобщая организационная наука (Тектология). СПб.: М.И. Семенов.
- Богданов А.А. (1904). Из психологии общества. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1995б). История «частной финансовой группы с.-д. большевиков» // Неизвестный Богданов. Кн. 2. М.: ИЦ «АИРО-XX».
- Богданов А.А. (1911). Культурные задачи нашего времени. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. № 9/10. С. 46–52.
- Богданов А.А. (1909). От редакции // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание». С. 3–6.
- Богданов А.А. (1910). Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1918б). Повязка // Новая жизнь. № 8, 9 июня.
- Богданов А.А. (1924). Письмо в редакцию. Об основном историзме политической экономии // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 9. С. 398–400.
- Богданов А.А. (1925). Прение по докладу // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 301–307.
- Богданов А.А. (1908). Приключения одной философской школы. СПб.: Тов-во «Знание».
- Богданов А.А. (1995а). Статьи, доклады, письма и воспоминания // Неизвестный Богданов. Кн. 1. М.: ИЦ «АИРО-XX».
- Богданов А.А. (2019). Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД.
- Богданов А.А. (2005). Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник МИАБ. № 2(22). С. 5–42.
- Богданов А., Степанов И. (1925). Курс политической экономии. Т. 1. 4-е изд. М.-Л.: Госиздат.
- Богданов А., Степанов И. (1924). Курс политической экономии. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 3-е изд. М.-Пг.: Госиздат.
- Булдаков В., Кабанов В. (1990). «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. № 3. С. 40–58.
- Бухарин Н.И. (1928). Заметки экономиста // Правда. № 228, 30 сентября. С. 2–3.
- Бухарин Н.И. (1959). Записки по поводу статьи Невского «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» // XII Ленинский сборник. М.: Госполитиздат. С. 384.
- Бухарин Н.И. (1989). Памяти А. Богданова // Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. Кн.2. М.: Экономика. С. 345–347.
- Бухарин Н.И. (1925). Прение по докладу // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 292–297.
- Бухарин Н.И. (1918). Рец. на: Богданов А. Вопросы социализма // Коммунист. МК РКП(б). № 3. С. 19.
- Бухарин Н.И. (1920). Экономика переходного периода. М.: Госиздат.
- Войтинский В. (1924). Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин: Гржебин.
- Гастев А. (1959). Кран // Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи. Л.: Сов. писатель. С. 155–157.
- Гастев А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9/10. С. 35–45.
- Гловели Г. Д. (2017). А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. № 1. С. 79–100.
- Гловели Г. Д. (2018). Не-богостроительство и не-вампиризм: демифологизация творческого наследия А.А. Богданова // Полилог. Т. 2. № 4 (6)
- Гловели Г. Д. (2019). Среднерусский марксизм и системное мышление: организационная наука А.А. Богданова // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД. С. 6–82.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. (1989). Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат.
- Григорьев Г.И. (2018) Обучение в Московском университете. 1921 год. russian-history.blogspot.com/2018/02/1921.html.
- Деятели революционного движения в России (1933). Т. 5. Социал-демократы. Вып. 1. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

- Дракер П. (1999). Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Прогресс. С. 67–100.
- Калинин Ф.И. (1919). Пролетарская культура и ее критики // Пролетарская культура. № 9/10. С. 1–4.
- Каменев Л. (1923). Между двумя революциями : Сб. ст. 2-е изд. М.: Новая Москва.
- Кареев Н.И. (1904). Экономический материализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 79. СПб: Брокгауз и Ефрон. С. 264–268.
- Коэн С. (1986). Бухарин и большевистская революция. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor.
- Кропоткин. П.А. (1908). Поля, фабрики и мастерские / С англ. пер. А.Н. Коншин. 3-е изд. М.: Посредник.
- Лебедев-Полянский П.И. (1958). Встречи с Лениным // Новый мир. № 11. leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?showall=&start=17
- Ленин В.И. (1929). Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» // XI Ленинский сборник. – М.: Госполитиздат. С. 345–403.
- Ленин В.И. (1985). Замечания на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» // XL Ленинский сборник. М.: Госполитиздат. С. 383–431.
- Ленин В.И. (1967–1975) Полное собрание сочинений. М.: Политиздат.
- Либерман С. (1945). Построение России Ленина. New York: New Democracy Books. www.pseudology.org/Liberman/lbr-5.html
- Лоуель П. (1907). Населен ли Марс? // Вестник знания. № 10–11. С. 134–137.
- Луначарский А.В. (1967). Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия.
- Маркс К. (1955). К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат.
- Меньшевистский процесс 1931 года. (1999). Сб. документов. М.: РОССПЭН.
- Осинский В. (1989). Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Книга. С. 569–573.
- Осинский Н. (1920). Государственное регулирование сельского хозяйства. М. Госиздат.
- Петров Н. (1924). С «исправленным» Марксом против коммунизма // Большевик. № 5–6. С. 96–102.
- Преображенский Е. А. (2006). Архивные документы и материалы: 1886-1920 гг. / Сост. М. М. Горинов. М.: Главархив.
- С.Д. (1918). Рец. на: Богданов А. Красная звезда. Богданов А. Инженер Мэнни // Пролетарская культура. № 3. С. 31–32.
- Сталин И. (1931). Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М.: Гиз.
- Сталин И. (1995) Письмо Молотову 2 сентября 1930 года // Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М.: ИЦ «Россия молодая».
- Сталин И. (1949). Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат.
- Станковская С.А. В поисках «Гармонии» // Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений. Л.: ЛГУ. С. 64–84.
- Степанов И. (1925). Что такое политическая экономия? // Вестник Коммунистической Академии. Вып. 11. С. 257–292.
- Струмилин С.Г. (1928). Со доклад // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.: Коммунистическая академия. С. 26–39.
- Такер Р. (1990). Сталин. Путь к власти. 1979–1929. М.: Прогресс.
- Труды первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства. Вып. I. М., 1921.
- Тургенев И.С. (1998). Отцы и дети. М.: Дрофа.
- Филия М. (1927). Из давних встреч // О Ленине. Сб. воспоминаний. М.: Госиздат.
- Широкопад Л.Д. (1988). Методологические дискуссии // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. М.: Мысль.
- Энгельс Ф. (1961). Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат.
- Эрлих А. (2010). Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Ясный Н. (2012). Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: ИД Дело.
- Яхот И. (1982). Гибель тектологии Богданова – предшественницы кибернетики и системной теории // СССР: внутренние противоречия. Вып. 3. NY: Chalidze Publications. С. 227–273.
- VIII Съезд РКП (б) (1959). Протоколы. М.: Госполитиздат.
- XVI съезд ВКП(б) (1930). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат.
- Singh S. (1997). Fermat's Enigma: The Epic Quest to Solve the World's Greatest Mathematical Problem.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ggloveli@hse.ru

LENINISM, “TERMS OF TOV. A. BOGDANOV” AND PHILOSOPHER IILENKOV AS AN APOLOGIST OF THE STALIN’S ECONOMY “DESTRUCTION OF EQUILIBRIUM” (PART I)

Abstract. The article clarifies the reasons for the negative attitude in the Soviet economic discourse to the category of “equilibrium” after 1929. Such negativism resulted from V. Ulyanov-Lenin’s comments on the margins of N. Bukharin’s book “The Economy in Transition”. Lenin labeled “idealism” and “eclecticism” on the concepts of “organizational point of view”, “planning organization”, “regulation” and “normalization”, borrowed by Bukharin from A. Bogdanov. The contents of concepts are exposed for the first time in the historical and economic literature. Lenin’s tendentiousness towards Bogdanov’s terminology is considered. The philosophical, political and economic background of Lenin’s bias is traced. The distinguishing features of “Central Russian Marxism” led by Bogdanov are accented. The eclecticism of the concept of socialism by Lenin himself and the influence of impracticable Y. Larin’s schemes on “War Communism” are explicated. A. Bogdanov’s criticism of “War Communism” and Taylorism is systematized. It is shown how I. Stalin used Lenin’s biased remarks on N. Bukharin’s book to justify the economy of “destroying equilibrium”, including voluntary planning and a jump in disproportionate industrialization.

Key words: *debates on the historical framework of political economy, debates on industrialization, the 1st 5-year plan, the economy of “destroying the equilibrium”, slander Leninism, Central Russian Marxism, Bogdanov’s tectology as general organizational science, “War Communism”, Taylorism, “Right Bias” in the CPSU (b).*

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Bazarov V.A. (2002). A.A. Bogdanov (Malinovsky) as a thinker // Bulletin of International A. Bogdanov Institute. No. 4 (12). Pp. 5–35. (in Russian).
- Bazarov V.A. (1928). Debate // On the five-year plan for the development of the national economy of the USSR. M.: Communist Academy. P. 73–83. (in Russian).
- Bazarov V.A. (1924). To the methodology of long-term planning. M.: Gosplan. (in Russian).
- Belykh A.A. (2007). History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years. Ed. 2nd, add. M.: LCI. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1908). Adventures of one philosophical school. SPb.: The “Knowledge” company. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1995a). Articles, reports, letters and memoirs // Unknown Bogdanov. Book 1. M.: IC “AIRO-XX”. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1918b). Bandage // New Life. Number 8, June 9th. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1925). Debate on the report // Bulletin of the Communist Academy. Vol.11. Pp. 301–307. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1904). Essays in social psychology. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1909). From the editors // Essays on the philosophy of collectivism. St. Petersburg: “Knowledge”. Pp. 3–6. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1924). Letter to the editors. On the main historicism of political economy // Bulletin of the Communist Academy. Vol. 9. (in Russian). Pp. 398–400
- Bogdanov A.A. (1919). On the trends of proletarian culture // Proletarian culture. No. 9/10. Pp. 46–52. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1918a). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian). (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bogdanov A.A. (2019). Tectology: General Organizational Science. 6th ed. M.: LENAND. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1911). The cultural challenges of our time. M.: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (2005). The doctrine of reflexes and riddles of primitive thinking // Bulletin of International A. Bogdanov Institute. No. 2 (22). Pp. 5–42. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1910) The fall of the great fetishism. Faith and science. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1995b). The history of the “private financial group of the Social-Democrats Bolsheviks” // Unknown Bogdanov. Book 2. M.: IC “AIRO-XX”. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1927). The struggle for vitality. M.: Institute of blood transfusion. (in Russian).

- Bogdanov A., Stepanov I.* (1925). The course of political economy. Volume 1. 4th ed. M.-L. : Gosizdat (in Russian).
- Bogdanov A., Stepanov I.* (1924). The course of political economy. Volume 2. Vol. 4. The general theory of capitalism. Collective system. 3rd ed. M.-Pg. : Gosizdat (in Russian).
- Buldakov V., Kabanov V.* (1990). "War Communism": ideology and social development // Questions of history. No. 3. Pp. 40–58. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1925). Debate on the report // Bulletin of the Communist Academy. Vol.11. Pp. 292–297. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1989). In memory of A. Bogdanov // Bogdanov A.A. Tectology: universal organizational science. Book 2. M. : Economics. (in Russian). P. 345–347.
- Bukharin N.I.* (1928). Notes of an economist // Pravda. No. 228, September 30 (in Russian). Pp. 2–3
- Bukharin N.I.* (1959). Notes on Nevsky's article «Dialectical Materialism and the Philosophy of Dead Reaction» // XII Lenin collection. P. 384. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Bukharin N.I.* (1918). Review on: Bogdanov A. Problems of socialism // Communist. MK RCP (b). No. 3. (in Russian). P. 19.
- Bukharin N.I.* (1920). The economy of transition. M. : Gosizdat. (in Russian).
- Cohen S.* (1986). Bukharin and the Bolshevik revolution. Michigan: Ardis Publishers, Ann Arbor. (in Russian).
- Drucker P.* (1999). Post-capitalist society // New post-industrial wave in the West. M: Progress. Pp. 67–100. (in Russian).
- Engels F.* (1961) Anti-Dühring // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 20. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Erllich A.* (2010) Soviet industrialization debates. 1924–1928. M.: Delo. (in Russian).
- Figures of the revolutionary movement in Russia (1933). Volume 5. Social Democrats. Vol. 1. M.: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Detainees, (in Russian).
- Filiya M.* (1927). From old meetings // About Lenin. Collection of memories. M.: Gosizdat (in Russian).
- Gastev A.* (1959). Crane // Proletarian poets of the first years of the Soviet era. L.: Sov. pisatel'. Pp. 155–157. (in Russian).
- Gastev A.* (1919). On the trends of proletarian culture // Proletarian culture. 1919. No. 9/10. Pp. 35–45. (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2017). A. A. Bogdanov: from political economy to tectology // Questions of political economy. Number 1. Pp. 79–100. (in Russian).
- Gloveli G. D.* (2018). Non-god-building and non-vampirism: demythologization of A.A. Bogdanov's creative heritage // Polylog. T. 2. No 4 (6). (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2019). Central Russian Marxism and Systems Thinking: Organizational Science A.A. Bogdanova // Bogdanov A.A. Tectology: General Organizational Science. 6th ed. M.: LENAND. Pp. 6–82. (in Russian).
- Gordon L.A., Klopov E.V.* (1989). What was it? Reflections on the premises and results of what happened to us in the 30s and 40s. M. : Politizdat. (in Russian).
- Grigorov G.I.* (2018) Education at Moscow University. 1921 year. russian-history.blogspot.com/2018/02/1921.html. (in Russian).
- Kalinin F.I.* (1919). Proletarian culture and its critics // Proletarian culture. No. 9/10. (in Russian). Pp. 1–4.
- Kamenev L.* (1923). Between two revolutions: 2nd ed. M.: New Moscow. (in Russian).
- Kareev N.I.* (1904). Economic materialism // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Semi-Volume 79. St. Petersburg: Brockhaus and Efron. Pp. 264–268. (in Russian).
- Kropotkin P.A.* (1908). Fields, factories and workshops. – 3rd ed. M.: Posrednik. (in Russian).
- Lebedev-Polyansky P.I.* (1958). Meetings with Lenin // Novyi mir. No. 11. (in Russian). leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?showall=&start=17.
- Lenin V.I.* (1929). Comments on the book of N. Bukharin "Economics of the transition period" // XI Lenin collection. M.: Gospolitizdat. Pp. 345–403. (in Russian).
- Lenin V.I.* (1985). Comments on the book of N. Bukharin "Economics of the transition period" // XL Lenin collection. M.: Politizdat. Pp. 383–431. (in Russian).
- Lenin V.I.* (1967–1975). Complete works. M.: Politizdat. (in Russian).
- Lieberman S.* (1945). Building Lenin's Russia. New York: New Democracy Books. www.pseudology.org/Lieberman/lbr-5.html (in Russian).
- Lowell P.* (1907). Is Mars populated? // Vestnik znaniya. No. 10–11. Pp. 134–137. (in Russian).
- Lunacharsky A.V.* (1967). Memories and impressions. M.: Sov. Russia. (in Russian).
- Marx K.* (1955). To the criticism of the Hegelian philosophy of law // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 1. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Marx K., Engels F.* (1955) German Ideology // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 3. M.: Gospolitizdat. (in Russian).
- Menshevik process of 1931. (1999). Collection of documents. M. : ROSSPEN.
- Osinsky V.* (1989). Autobiography // Figures of the USSR and the revolutionary movement in Russia. M.: Kniga. Pp. 569–573. (in Russian).
- Osinsky N.* (1920). State regulation of agriculture. M.: Gosizdat. (in Russian).
- Petrov N.* (1924). With the "corrected" Marx against communism // Bolshevik. No. 5–6. Pp. 96–102. (in Russian).

- Preobrazhensky E.* (2006). Archival documents and materials: 1886–1920 / Comp. M.M. Gorinov. M.: Moscow Glavarchive, 2006.
- Proceedings of the first All-Russian initiative conference on the scientific organization of labor and production. Vol. I. M., 1921. (in Russian).
- S.D. (1918). Review on: Bogdanov A. Red Star. Bogdanov A. Engineer Manny // Proletarian Culture. Number 3 Pp. 31–32. (in Russian).
- Singh S. (1997). Fermat's Enigma: The Epic Quest to Solve the World's Greatest Mathematical Problem.
- Shirokorad L.D.* (1988). Methodological discussions // World History of Economic Thought. Vol. 4. M.: Mysl. (in Russian).
- Stalin I.* (1931). Questions of Leninism. 9th ed. M.: Giz. (in Russian).
- Stalin I.* (1995). Letter to Molotov on September 2, 1930 // Letters to I.V. Stalin V.M. Molotov. 1925–1936. M.: IC "Rossiya molodaya". (in Russian).
- Stalin I.* (1949). Collected Works. M.: Gospolitizdat. Vol. 12. (in Russian).
- Stankovskaya S.A.* In search of "Harmony" // Communist utopian experiment in the history of social thought and social movements. L.: LSU. Pp. 64–84. (in Russian).
- Stepanov I.* (1925). What is political economy? // Bulletin of the Communist Academy. Vol. 11. Pp. 257–292. (in Russian).
- Strumilin S.G.* (1928). Supplementary report. // On the five-year plan for the development of the national economy of the USSR. M.: Communist Academy. Pp. 26–39. (in Russian).
- Tucker R.* (1990). Stalin. The path to power. 1979–1929. M.: Progress. (in Russian).
- Turgenev I.S.* (1998). Fathers and Sons. M.: Drofa. (in Russian).
- Voitinsky V.* (1924). Years of victories and defeats. Vol. 2. Berlin: Grzhebin. (in Russian).
- Yasny N.* (2012). Soviet economists of the Twenties. Names to be remembered. M.: Delo. (in Russian).
- Yahot I.* (1982). The death of Bogdanov's tectology, the predecessor of cybernetics and system theory // USSR: internal contradictions. Vol. 3. N. Y.: Chalidze Publications, (in Russian). Pp. 227–273.
- VIII Congress of the RCP (B.) (1959). Protocols M.: Gospolitizdat, (in Russian).
- XVI Congress of the CPSU (b). (1930). Verbatim report. M.: Gospolitizdat. (in Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. Малашенко

*д.и.н., профессор, руководитель научных исследований,
Исследовательский институт «Диалог цивилизаций» (Берлин)*

Ю.А. Нисневич

*д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

А.В. Рябов

*к.и.н., в.н.с., Национальный исследовательский институт мировой
экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
(Москва).*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ОБЩЕПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу предпосылок и оснований постиндустриального транзита как процесса становления постиндустриальной общепланетарной цивилизации. В исторической ретроспективе показано, что общепланетарная цивилизация начала формироваться уже в условиях перехода на индустриальную стадию развития. Постиндустриальный транзит обусловлен революционными изменениями технологий в энергетической, инфокоммуникационной и иных сферах, которые влекут за собой кардинальные изменения в социальной структуре общества и поле политики. Постиндустриальный транзит представляет собой многоуровневый процесс развития и консолидации цивилизации на новых технико-технологических, социально-экономических и культурно-ценностных основаниях. Под его воздействием локальные цивилизации будут постепенно трансформироваться и интегрироваться в общецивилизационный поток, но в ближайшей перспективе полного исчезновения локальных цивилизационных особенностей, скорее всего, ожидать не следует.

Ключевые слова: *цивилизация, постиндустриальный транзит, технологическая революция, глобализация, демократические порядки.*

JEL: P29, P49, Z18.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10205.

Введение. Ретроспектива цивилизационного развития

На аграрной стадии развития человечества цивилизации носили локальный характер. Опыт мировой истории показывает, что некоторые цивилизации существовали полностью изолированно от остального мира (цивилизации майя, ацтеков в Центральной и инков – в Южной Америке). И такое отсутствие взаимодействия по «горизонтали» в течение длительного периода лишало их возможности получения и использования новейших знаний и технологий, что в конечном итоге привело к консервации развития этих цивилизаций, к уязвимости и незащитности перед лицом вторжения завоевателей, обладавших более совершенным технико-технологическим потенциалом.

Столкновения между различными цивилизациями на аграрной стадии развития человечества зачастую приводили к гибели потерпевших военное поражение цивилизаций. Такие явления были широко распространены в Древнем мире, реже в Средние века (в этой связи можно вновь упомянуть цивилизации ацтеков и инков, погибшие под ударами испанских завоевателей). В этом контексте уместно также упомянуть идею, сформулированную британским историком Арнольдом Тойнби, являющуюся одной из ключевых в его творческом наследии: если цивилизация не способна ответить на внешние и внутренние вызовы, она погибает. По его словам, если «действие Вызова-и-Ответа объясняет необъяснимые другим способом и непредсказуемые генезис и развитие цивилизаций, то оно также объясняет их надлом и распад» [Тойнби, 2011. С. 20].

Общепланетарная цивилизация начинает складываться только в условиях перехода человечества на индустриальную стадию развития. Сама постановка проблемы предполагает, что к настоящему времени в мире уже сложилась некая общепланетарная цивилизация. Ее формирование неразрывно связано с процессами глобализации, возникновением глобального мира, который стал реальностью в результате утверждения капитализма как мировой системы хозяйства. В общих чертах общепланетарная цивилизация стала складываться к началу XX в., когда мир оказался поделенным между колониальными империями нового времени, возглавлявшимися ведущими капиталистическими странами и базировавшимися на их экономическом, технологическом и военном превосходстве над остальной частью мира. Промышленные революции в государствах Западной Европы и США обусловили этот разрыв, способствовали формированию единого мирового рынка и предопределили стремление индустриальных государств к доминированию над оставшимися аграрными обществами и странами планеты. Возникшие на Западе политические системы, основанные на принципах разделения властей и соблюдении естественных прав человека, равенства граждан перед законом, а также успехи естественных наук и образования, сделали эти общественные модели привлекательными, по крайней мере, для наиболее продвинутых элит колониальных стран.

В связи с тем, что капитализм первоначально сложился в странах Европы и Северной Америки («Запада»), и именно оттуда шла его экспансия в другие районы планеты, то общепланетарная цивилизация формировалась под определяющим влиянием ценностей, институтов и социальных практик, пришедших с Запада и неразрывно связанных с капитализмом. Как поэтично заметил тунисский историк и мыслитель Хашим Джаит «Западу выпало счастье адекватно выражать современность, и это потому, что он породнился с ней, лучше сказать породил ее, а его мысль и язык гармонично сочетаются в гармонии духа и истории» [Hichem, 1974. P. 91].

Именно из-за своего географического происхождения, а также вследствие отсутствия в тот период конкурентных незападных моделей капитализма, изначально это была западно-центричная цивилизация. Неслучайно, что правительства и лидеры некоторых стран незападного мира, стремившиеся преодолеть их социально-экономическую и культурную отсталость, в проводимых реформах были вынуждены в качестве инструмента и одновременно ориентира развития использовать институты, социальные и управленческие практики, экономические достижения и опыт секуляризации общественной жизни и массового сознания, наработанные западной цивилизацией. В начале XX в. это наглядно проявилось в реформах Мустафы Кемала Ататюрка в Турции, в преобразованиях, которые пыталась осуществлять партия Гоминьдан в Китае.

За пределами западного мира к началу складывания общепланетарной цивилизации возник лишь один центр капитализма, начавший экспансию во внешний мир. Это Япония. Но и она сумела войти в капиталистическое ядро общепланетарной цивилизации только благодаря реформам эпохи Мэйдзи, содержание которых определялось стремлением воспроизвести и использовать опыт ведущих стран Запада, разумеется, с учетом цивилиза-

ционной специфики самой Японии. Великий государственный и политический деятель Индии XX в. Джавахарлал Неру полагал, что в его стране также сложились предпосылки для возникновения индустриального капиталистического общества, но развитие в этом направлении было прервано британской колонизацией [Неру, 1981. С. 198].

Общепланетарная цивилизация изначально носила «проникающий» характер. Она не уничтожила, не поглотила локальные цивилизации незападного мира, хотя и оказала на них сильное влияние. В результате взаимодействия общепланетарной и локальных цивилизаций, которое в литературе связывают с процессами глокализации [Железняков, 2008. С. 299], страны и регионы незападного мира стали сочетать в себе глобалистский универсализм и местную цивилизационную специфику. Это соотношение в разных регионах мира было различным. В наименьшей степени глобалистское влияние затронуло страны черной Африки. Здесь по-настоящему не привились ни западные ценности, ни западные институты, не сложились и современные национальные государства. При этом локальные институты и ценности слабо адаптируются к культурным, экономическим и политическим вызовам XX–XXI вв. Напротив, как уже отмечалось выше, индийская цивилизация успешно восприняла западные институты, сохранив собственное цивилизационное ядро и частично приспособив свои ценности и институты к современным реалиям. То же самое можно сказать и о новых индустриальных странах Тихоокеанской Азии (Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Гонконге, Таиланде), совершивших стремительный рывок в развитии в последней трети XX в. Что же касается арабского и значительной части мусульманского мира, то здесь универсалистский проект в целом потерпел поражение, а попытки цивилизационного синтеза в формате «арабского социализма» [Hanna, Gardner, 1969] оказались недолговечными. Существует мнение, что такой результат объясняется плохой восприимчивостью исламской цивилизации к системе норм, ценностей и институтов, выработанных Западом. В исламском мире проявляют большой интерес к использованию достижений Запада в области экономики, науки и технологий, но хотели бы отгородиться от опыта западных стран в сфере организации общественно-политической жизни. Лишь некоторые из мусульманских стран сумели воспроизвести, и то со значительными ограничениями, демократические политические системы (Индонезия, Малайзия, Тунис, Турция).

В XX в. после победы большевистской революции в России 1917 г. была предпринята альтернативная попытка создать общепланетарную цивилизацию на основе коммунистической идеологии, отвергавшей рыночно-капиталистическую систему хозяйства и порождаемое ею социальное неравенство. Она предполагала унификацию институтов, ценностей, общественных практик во имя достижения социального равенства и построения всемирного общества «трудящихся классов». В реализацию коммунистического проекта в конечном итоге оказалось вовлечено до трети человечества. Таким образом, после Первой мировой войны общепланетарная цивилизация оказалась расколотой на две части, причем вторая, новая во второй половине XX столетия имела явную тенденцию к расширению. Но в конечном итоге попытка реализации коммунистического проекта не выдержала конкуренции в соревновании с глобалистским проектом с капиталистической основой, который продвигали страны Запада, и потерпела крах.

Технико-технологические основы постиндустриального цивилизационного транзита

Процесс постиндустриального перехода был обусловлен глубокими технологическими сдвигами и, по мнению большинства специалистов, начался в 50-60-е годы прошлого века в связи с постепенным развертыванием «компьютерной революции». «Она привела к появлению небольших и недорогих машин для обработки данных, в том числе

персональных компьютеров ... и позволила компаниям и людям делать ранее невозможное – от использования электронных бирж и простой и дешевой телефонной связи по всему миру до компьютерного управления станками, чрезвычайно быстро и точно режущими по металлу» [Марш, 2015. С. 368–369]. Этот период принято связывать с «третьей промышленной революцией» («вторая промышленная революция» ознаменовалась массовым использованием электричества).

На этом технологическом этапе постиндустриальный транзит не завершился. Он продолжается в ходе «четвертой промышленной революции», начавшейся примерно на рубеже XX и XXI столетий, которая будет сопровождаться несколькими технологическими прорывами по целому ряду направлений, включающих массовое применение робототехники, создание искусственного интеллекта, новые биотехнологии, использование новых видов энергии, совершенствование компьютерной техники в сторону ее дальнейшей персонализации [Шваб, 2017. С. 140–197].

Но даже утверждение новой постиндустриальной цивилизации полностью не ведет к автоматическому «подтягиванию» к ее уровню обществ, находящихся на более низких стадиях развития, не унифицирует в короткие сроки мировое социальное пространство. Так, в настоящее время «в ожидании второй промышленной революции находится население 17% мировой территории, так как около 1,3 млрд человек все еще не имеют доступа к электричеству. Примерно половина населения земного шара, или 4 млрд человек ожидают третью промышленную революцию, поскольку большинство из них живут в развивающихся странах, где нет доступа к сети Интернет» [Шваб, 2017. С. 17].

Феномен, который формирует качественно новую технологическую в широком смысле этого понятия основу постиндустриального развития, был предсказан еще в 1980 г. Тоффлером в книге «Третья волна» (The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow). Под феноменом «третья волна» он понимал рождение новой цивилизации, в процессе которого революционные изменения претерпевают техносфера, инфосфера, социосфера и властная сфера [Тоффлер, 2004. С. 26].

Тектонические изменения в техносфере, порожденные «третьей волной», связаны, в первую очередь, с революционными изменениями в энергетике и развитии технологий.

Постиндустриальное развитие энергетике сопровождается не только ее количественными, но и структурными изменениями, которые происходят потому, что видоизменяются и возникают новые потребности «не только в определенном количестве энергии, но в энергии, вырабатываемой в возможно более разнообразных формах, в разных (и меняющихся) местах, в разное время дня, ночи и года и для конкретных целей» [Тоффлер, 2004. С. 230].

Эпоха доминирования таких не возобновляемых источников энергии, как уголь, нефть и газ постепенно, но неумолимо заканчивается. Преобладающей тенденцией развития энергетике становится диверсификация источников энергии и синтез разнообразных, интенсивно совершенствующихся и вновь создаваемых технологий производства и транспортировки энергоресурсов и энергии, а также энергосбережения. Как отмечает Тоффлер: «большая часть энергетических запасов будет обеспечиваться за счет возобновляемых, а не истощаемых, источников. Энергетическая база Третьей волны не станет зависеть от сконцентрированных в нескольких местах источников топлива, будет пользоваться и целым спектром разбросанных во многих местах источников энергии. Уменьшится зависимость от высоко централизованных технологий, будут сочетаться как централизованное, так и децентрализованное производство энергии» [Тоффлер, 2004. С. 233].

При этом современные государства стремятся к максимальной независимости от конкретных поставщиков, прежде всего, ископаемых и невозобновляемых энергоресурсов. Это обуславливает формирование глобального рынка энергоресурсов, разнообразных видов энергии и технологий ее производства, их трансграничной транспортировки и энергосберегающего потребления.

Формирование новой техносферы на основе синтетического развития технологий постиндустриального общества наряду с созданием технологий новой энергетики и новых материалов, использования открытого космоса и глубин океана, а также биотехнологий, включая генные технологии, базируется на революции в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Роль и значение ИКТ в постиндустриальном развитии цивилизации, осуществлении по сути информационной революции и формировании порождаемого такой революцией нового типа общества, которое многие исследователи определяют как информационное [Martin, 1988; Masuda, 1990; Мусеев, 1995; Кастельс, 2000; Уэбстер, 2004], трудно переоценить.

Ключевым результатом революции в области ИКТ представляется качественное изменение инфосферы, ее децентрализация, демассификация [Тоффлер, 2004. С. 266] и трансформация в информокоммуникационную среду с сетевой инфраструктурой, основанной на применении новейших информационно-коммуникационных сетей и систем. Такая сетевая инфокоммуникационная среда предоставляет «социальной системе совершенно новый уровень коммуникации» [Тоффлер, 2004. С. 288] и становится «нервной системой» современного социума, в которой каждый человек потенциально наделяется новыми технологическими возможностями и призван выполнять функцию «нейрона», генерирующего и передающего необходимые для ее жизнедеятельности информационно-коммуникационные импульсы.

Дальнейшее развитие компьютерных технологий, особенно 4D, позволит максимально развернуть производство к запросам индивидуального потребителя. Экономика постиндустриального общества будет основываться на «немассовом» производстве.

Здесь необходимо отметить, что формирование новой технологической основы постиндустриального развития породило в конце XX в. доселе неизвестный, качественно новый для человеческой цивилизации феномен, который получил название «глобализация».

Первоначально термин «глобализация» возник как нейтральная характеристика процессов, связанных с глобальными последствиями технологической революции, как нейтральный экономический термин. Глобализация, как писал американский политолог Збигнев Бжезинский, «отражала новую реальность возрастающей глобальной взаимозависимости, движимой в основном новыми технологиями связи, когда национальные границы, оставаясь демаркационными линиями на карте, перестают быть реальным препятствием для свободной торговли и движения капитала» [Бжезинский, 2006. С. 186].

Сегодня же глобализация выражает «процесс расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающий все аспекты современной социальной жизни – от культурной до криминальной, от финансовой до духовной» [Бжезинский, 2006. С. 3].

Исследователи и эксперты по-разному оценивают продолжительность постиндустриального транзита. Так, по мнению американского историка экономики Натана Розенберга, «эффект, вызванный поколением компьютеров, полностью проявится в далеком будущем» [Марш, 2015. С. 370]. Другие прогнозы более конкретны и не связаны со столь отдаленными перспективами. С точки зрения российского экономиста Сергея Циреля, эффект от нынешнего этапа развития современных технологий в социальном плане просуществует недолго и будет исчерпан не более 1–1,5 поколений, после чего качественно новый рывок в осуществлении технологической революции, связанный с вмешательством в генетику человека и попытками улучшения человеческой природы [Цирель, 2017. С. 58, 60]. Но это будет движение к новой цивилизации, не имеющей ничего общего со всей предыдущей историей человечества.

Идеологические и политико-правовые предпосылки постиндустриального транзита

Консолидация общепланетарной цивилизации в процессе постиндустриального транзита была бы невозможной без соответствующих идеологических и политико-правовых предпосылок. В этом контексте знаковой оказалась парадигма «конца истории», сформулированная в 1989 г. американским политологом Френсисом Фукуямой (правда, в конце названия статьи был поставлен вопросительный знак, свидетельствующий о гипотетическом предположении, а не об однозначном утверждении) [Фукуяма, 1990]. Позднее Фукуяма развил основные положения этой статьи в специальной книге [Фукуяма, 2007]. Он полагал, что после исторического поражения коммунистического проекта «либеральная демократия может представлять собой “конечный пункт идеологической эволюции человечества” и “окончательную форму правления в человеческом обществе”, являясь тем самым “концом истории”. <...> Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии или военной диктатуры, но идеал либеральной демократии улучшить нельзя» [Фукуяма, 2007. С. 7].

Представляется, что «конец истории» следует рассматривать как некую идеальную перспективу постиндустриального развития, смысл которой в существенной, но не абсолютной универсализации политических и государственных порядков, воплощающих в регулировании жизни социума базовые либеральные ценности и принципы демократии. Иными словами, либеральная демократия рассматривается в качестве оптимальной политико-правовой формы существования постиндустриальной цивилизации, экономической основой которой является глобальный капитализм. При этом, исходя из того, что «либерализм и демократия, хотя и тесно связаны между собой, – это отдельные понятия» [Фукуяма, 2007. С. 85], в феномене «конец истории» можно выделить два компонента: ценностный и институциональный.

Ценностный компонент феномена «конец истории» состоит в том, что базовая социальная ценность либерализма – человек, его права и свободы – стала не только формально общепризнанной ценностью современного мира, но и в той или иной мере воплотилась в реальной жизни многих современных государств.

Институт прав и свобод человека как институт международного права, составляющий ценностно-правовую основу миропорядка, который формируется в процессе постиндустриального транзита, начал создаваться только после Второй мировой войны, когда мировое сообщество, принеся огромные человеческие жертвы молоху тоталитарных идеологий, пришло к пониманию необходимости поиска основ, и прежде всего правовых, для мирного сосуществования разных государств и народов.

Сегодня человек, его права и свободы признаются в качестве базовой социальной ценности, по крайней мере, формально-юридически, а именно в форме участия в соответствующих международных пактах подавляющим большинством (более 85%) суверенных государств – членом ООН. Таким образом, «приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового» [Ортега-и-Гассет, 2003. С. 26] после десятилетий испытаний тоталитаризмом и войной обрел свое место в мировой политической практике. Но при этом, по данным американской неправительственной организации Freedom House за 2018 г., только 86 (44,1%) суверенных государств, в которых проживает порядка 39% населения планеты, могут считаться свободными, т.е. такими в которых политические права и гражданские свободы реально соблюдаются должным образом [Freedom in the World, 2019].

Важно отметить, что признание в качестве ценностно-правовой основы формирующегося миропорядка человека, его прав и свобод послужило отправной точкой процесса, которой обозначают как процесс деидеологизации – устранения влияния идеологии на массовое политическое сознание и общественные процессы [Погорелький, Филиппов, Фесенко, 2010. С. 82], наступления «постидеологической эпохи» [Зиновьев, 2003. С. 178] или, как представляется более корректным, эпохи «банкротства классических политических идеологий» [Халапсис, 2010].

Этот процесс получил теоретическую интерпретацию в политической науке в форме тезиса о «конце идеологии». Как отмечает российский политолог Александр Соловьев, «в 50-60-х гг. прошлого века Раймон Арон, Эдвард Шиллз, а чуть позже Даниэл Бэлл и Сеймур Липсет поставили вопрос о «конце идеологии»... [который] в основном был связан с критикой тоталитаризма и особенно сталинизма как той формой организации власти, при которой идеология превращалась из фактора правления в принципиальное основание всей системы политического господства ...» [Соловьев, 2007. С. 348]. Очевидно, что тезис о «конце идеологии» послужил одним из оснований для предположения Фукуямы о «завершении идеологической эволюции человечества».

Институциональный компонент феномена «конец истории» состоит в том, что доминирующей формой организации политических и государственных порядков стала основанная на свободе выбора современная полиархическая демократия. Подход к современной представительной демократии как к демократии полиархической в смысле «власти многих» был предложен американским политологом Робертом Далем [Даль, 2000. С. 90], а социальным обоснованием такого подхода может служить представление испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом структуры общества как совокупности управляемых масс и управляющих элит, которые меняются у власти в результате демократических выборов [Ортега-и-Гассет, 2003. С. 15].

Необходимо отметить, что, во-первых, демократия постоянно эволюционирует по мере цивилизационного развития и, во-вторых, не существует двух абсолютно одинаковых практик демократии, которая в каждой стране реализуется со своей национально-исторической спецификой и особенностями. При этом демократию, которая по выражению американского политолога Адама Пшеворского есть «система упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности» [Пшеворский, 2000. С. 31], характеризуют универсальные в смысле общности для всех национальных моделей политические и государственные порядки, которые и определяют ее сущностное отличие от других форм организации таких порядков¹.

Завоевание демократией доминирующего положения в мире началось с падения правых авторитарных режимов в Южной Европе и, прежде всего, в Португалии и Испании, затем в 80-е гг. серия переходов к демократии произошла в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, а в феврале 1990 г. начался демонтаж режима апартеида в Южной Африке [Фукуяма, 2007. С. 44–46]. Это привело к тому, что количество либеральных демократий в мире увеличилось с 30 в 1975 году до 61 в 1990 г. [Фукуяма, 2007. С. 94].

Дальнейшее наступление демократии было обусловлено падением в 90-е гг. левых посттоталитарных режимов и, прежде всего, коммунистических – в СССР и странах Восточной Европы. И если в 1974 г. по крайней мере, 68% всех стран с полным основанием можно было назвать авторитарными, то к концу 1995 г. почти 75% всех стран приняли за норму процедуру альтернативных выборов и предоставили своим гражданам некоторые формальные гарантии политических и гражданских прав [Хелд и др., 2004. С. 55].

Тот факт, что демократия как форма организации политических и государственных порядков с конца XX в. начала занимать доминирующее положение в мире, подтверждает

¹ О политических и государственных порядках современной демократии см.: [Нисневич, 2017. С. 82–87].

и исследование «Свобода в мире» (Freedom in the World), проводимое с 1989 г. организацией Freedom House. Результатом этого исследования является разделение государств на два кластера: недемократические и электоральные демократии. Электоральная демократия определяется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании и доступностью для всех партий средств массовой информации [Freedom in the World, 2012]. Таким образом, электоральная демократия представляет собой государство, в котором реализуется хотя бы минимально необходимый для представительной демократии политический порядок – свободные, честные и состязательные выборы.

Результаты этого исследования показывают, что количество электоральных демократий с 1989 г. увеличилось более чем в 1,75 раза, хотя процесс распространения демократий в мире носит, как и предполагал Фукуяма, колебательный характер. По состоянию на 2018 г. 112 (58%) государств-членов ООН являлись электоральными демократиями.

Следует отметить, что тенденция изменения в последней четверти XX в. мирового политического ландшафта в результате крушения диктаторских и авторитарных режимов была слишком оптимистично воспринята как глобальная тенденция демократизации, замены авторитарных режимов демократическими. Однако политическая практика не подтвердила прямолинейность этой тенденции, которая благодаря американскому политологу Сэмюэлю Хантингтону получила широкую известность как «третья волна» демократизации [Хантингтон, 2003] и даже породила новое направление академических исследований под названием «теория демократического транзита». В реальности на месте рухнувших авторитарных режимов стали возникать не только демократические, но и иные режимы, хотя и отличные от жестких авторитарных, но и не демократические. Такие режимы представляют собой новую проблемную область мирового политического процесса, создают новые вызовы и проблемы формирующемуся миропорядку.

Принципиальное значение имеет тот факт, что анализ конституций современных государств показывает, что в 184 (95%) государствах – членах ООН в качестве основ их конституционного строя в той или иной форме установлены демократические политические и государственные порядки и, в обязательном порядке, в качестве основополагающего механизма формирования и легитимации публичной власти институт всеобщих выборов [Нисневич, 2018]. При этом в тех государствах, которые не являются электоральными демократиями, всеобщие выборы и иные сопутствующие им демократические политические порядки очевидно если и имеют место, то носят тот или иной имитационный характер. Такое имитационное использование демократии происходит, как отмечает Фукуяма, «из-за набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти – демократия» и в результате этого «даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы» [Фукуяма, 2007. С. 56–57]. Таким образом, в процессе постиндустриального транзита наряду с распространением реальной демократии и обозначился качественно иной, новый процесс имитации демократии авторитарными режимами.

Успехи экономического и социального развития, которые в последние десятилетия достигли страны авторитарного капитализма – Китай и Сингапур, побуждают многих аналитиков усомниться в том, что либеральная демократия является не только наилучшей, но и безальтернативной политической формой постиндустриального транзита. Вопрос этот в значительной мере остается дискуссионным, особенно с учетом того, что опыт КНР и Сингапура может оказаться привлекательным для многих развивающихся стран. (Впрочем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что ряд стран Восточной Азии, где, как в Китае и Сингапуре, конфуцианство как религиозно-политическая доктрина играет заметную роль в жизни общества, совершили успешный переход к либеральной демократии – Япония, Южная Корея, Тайвань).

Сохранятся ли цивилизационные различия?

В ходе развертывания постиндустриального транзита в результате коммуникационной революции, глобализации экономики и финансов, повсеместного распространения массовой культуры и унифицированных потребительских стандартов существенно усиливается универалистское давление на локальные цивилизации. В этой связи высказывается мнение, по которому «отличие новой промышленной революции от предыдущих четырех периодов будет заключаться в том, что ее эффект будет распространяться равномерно по всему миру, не будучи сконцентрирован в ограниченной группе развитых или богатых стран... Различия между «развитыми» и развивающимися странами начнут разрушаться» [Марш, 2015. С. 364–365].

Процесс выравнивания неизбежно будет сопровождаться утратой локальными цивилизациями своей специфики и, в конечном счете, их разрушением. Строго говоря, в современном мире уже сейчас можно наблюдать за развитием таких процессов. Под влиянием глобализации поначалу меняется периферия локальных цивилизаций, но затем, гораздо медленнее, начинает изменяться их ядро. На воздействие глобализации вынуждены реагировать даже такие страны, которые, соглашаясь на осуществление технико-технологической модернизации, ранее стремились сохранить свой особый цивилизационный уклад без каких-либо изменений. Наглядным примером этого служит Саудовская Аравия, в течение длительного времени выступавшая в роли одного из оплотов мусульманской цивилизации, жестко отвергавшего любые попытки модифицировать традиционные исламские нормы и институты. Ныне в Саудовской Аравии осторожно начинают внедряться элементы представительной власти, получают некоторые права женщины, происходит ограниченная либерализация норм поведения.

Поэтому следует признать, что точка зрения, согласно которой в ближайшие десятилетия локальные цивилизации полностью исчезнут под воздействием всеобщей унификации и в этом смысле наступит «конец истории», имеет под собой определенные основания.

Однако существует проблема, которая побуждает рассматривать перспективу сохранения локальных цивилизаций не столь однозначно. Дело в том, что в конце XX – начале XXI в. развитый капитализм перестал быть монополией стран Запада. Страны Восточной и Тихоокеанской Азии, и прежде всего Китай, сохраняющие, как уже говорилось, свою значительную цивилизационную специфику, стали вторым центром развитого капитализма в мире. Однако признание этого факта порождает различные интерпретации. Так, рассуждения в русле признания неизбежности складывания единой универсальной цивилизации приводят их сторонников к выводу, что страны Восточной и Тихоокеанской Азии, несмотря на всю свою цивилизационную специфику, не являются носителем альтернативной модели капитализма. Их нынешний авторитарный капитализм (или капитализм со значительными элементами авторитаризма) всего лишь переходное состояние на пути к модели, основанной на демократии и открытой рыночной экономике. Более того, даже нынешняя «восточноазиатская» модель стала возможной лишь при прямом участии Запада (инвестиции, технологии, военно-политическая поддержка). Поэтому в перспективе эта модель неизбежно вестернизируется.

Впрочем, согласно другой точке зрения, возникновение еще одной модели развитого капитализма указывает на тенденцию к усилению цивилизационного плюрализма в современном мире. В частности, в политических и экспертных кругах США и других стран Запада растет убеждение, что политическая система современного Китая, основанная на монополии на власть Коммунистической партии Китая (КПК), отличается значительной устойчивостью, и углубление рыночных реформ вовсе не ведет к ее разрушению, как считалось раньше. Более того, овладение КПК современными компьютерными технологиями

управления способствует лишь укреплению этой системы («цифровой ленинизм») [Борох, Ломанов, 2018. С. 68].

Возможно, к нынешним двум моделям развитого капитализма – демократической и авторитарной со временем добавятся и другие.

Поэтому все же следует признать весомость аргументов, выдвигаемых теми аналитиками, кто полагает, что, судя по всему, четвертая промышленная революция не приведет к окончательному исчезновению локальных цивилизационных особенностей. Безусловно, будет происходить дальнейшая универсализация ценностей и институтов. Однако при этом общества, имеющие разные стартовые возможности на начальном этапе четвертой промышленной революции, будут стремиться максимально задействовать потенциал своих локальных цивилизаций, чтобы по-своему адаптироваться к новым вызовам. Пока не совсем понятно, как будут приспосабливаться к этим условиям арабские и мусульманские страны, до сих пор либо противившиеся общецивилизационному прогрессу, либо относившиеся к нему выборочно, пытаясь по максимуму сохранить традиционные институты и ценности, но позаимствовать у развитой части мира технические и технологические достижения.

Таким образом, перспективы развития общепланетарной цивилизации по ряду аспектов на ближайшие годы остаются достаточно дискуссионными.

Заключение

Постиндустриальный транзит представляет собой многоуровневый процесс развития и консолидации общепланетарной цивилизации на новых технико-технологических, социально-экономических и культурно-ценностных основаниях. Под его воздействием локальные цивилизации, в той или иной степени сохраняющие свою самобытность в современных условиях, предположительно будут постепенно разрушаться и интегрироваться в общецивилизационный поток. Однако остается пока не до конца понятным, является ли такой процесс универсальным для всех стран, или же останутся некоторые исключения, обусловленные цивилизационной спецификой отдельных государств.

Постиндустриальная цивилизация, по-видимому, вряд ли успеет обрести законченные формы, так как уже к середине нынешнего века в результате революции в биологии, скорее всего, начнут меняться основы человека как биологического вида. И это станет началом новой цивилизации, принципы устройства которой в настоящее время пока даже не просматриваются. При этом ныне остается не ясным, произойдет ли к тому моменту окончательное «растворение» локальных цивилизаций в общепланетарной или они так останутся небольшими рудиментами прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Бжезинский Зб.* (2006). Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения.
- Борох О., Ломанов А.* (2018). Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // *Мировая экономика и международные отношения.* №3. С. 59–70.
- Даль Р.* (2000). О демократии. М.: Аспект Пресс.
- Железняков А.С.* (2008). Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // *Россия в глобальных процессах: поиск перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М.К. Горшков.* М.: Институт социологии РАН. С. 297–314.
- Зиновьев А.А.* (2003). Запад. М.: Эксмо.
- Кастельс М.* (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ.
- Марш П.* (2015). Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. М.: Институт Гайдара.
- Моисеев Н.Н.* (1995). Информационное общество как этап новейшей истории // *Межотраслевая информационная служба.* №4. С. 3–8.
- Неру Дж.* (1981). Взгляд на всемирную историю: письма дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 2. М.: Прогресс.
- Нисневич Ю.А.* (2017). Политика и коррупция. Коррупция как фактор мирового политического процесса. М.: Юрайт.
- Нисневич Ю.А.* (2018). Институт выборов как механизм легитимации публичной власти // *Мировая экономика и международные отношения.* №2. С. 62–72.
- Ортега-и-Гассет Х.* (2003). Восстание масс. М.: АСТ.
- Погорелый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю.* (2010). Новейший политологический словарь. Ростов на Дону: Феникс.
- Пшеворский А.* (2000). Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН.
- Соловьев А.И.* (2007). Политическая идеология / *Политология: Лексикон.* М.: РОССПЭН. С. 346–365.
- Тойнби А.Дж.* (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ.
- Тоффлер Э.* (2004). Третья волна. М.: АСТ.
- Уэбстер Ф.* (2004). Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс.
- Фукуяма Ф.* (1990). Конец истории? // *Вопросы философии.* № 3. С. 134–155.
- Фукуяма Ф.* (2007). Конец истории и последний человек. М.: АСТ.
- Халасис А.В.* (2010). Постидеологический мир? // *Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах.* №6 (74). С. 60–62.
- Хантингтон С.* (2003). Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д.* (2004). Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практика.
- Цирель С.В.* (2017). Экономика ближайшего будущего // *Terra Economicus.* Т.15. №1. С. 44–67.
- Шваб К.* (2017). Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э».
- Freedom in the World 2012. Methodology.* Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology (дата обращения: 25.03.2020).
- Freedom in the World (2019).* Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat (дата обращения: 25.03.2020).
- Hanna Sami A., Gardner George Y.* (1969). Arab Socialism. [al-Ishtirakiyah Al-Arabiyyah]: A Documentary Survey. Leiden: Brill.
- Hichem Djait* (1974). La personnalite et le devenir arabo-islamiques. Paris: Edition du Seuil.
- Martin William J.* (1988). The Information Society. London: Aslib.
- Masuda Y.* (1990). Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style. Oxford: OX, UK: Cambridge Mass., USA: Basil Blackwell.

Малашенко Алексей Всеволодович

AMalashenko@doc-research.org

Alexey Malashenko

Doctor of Historical Sciences, professor, Head of Scientific Research, Research Institute «Dialogue of Civilizations», Berlin

AMalashenko@doc-research.org

Нисневич Юлий Анатольевич

jnisnevich@hse.ru

Yuliy Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics, Moscow

jnisnevich@hse.ru

Рябов Андрей Виленович

andreyr@imemo.ru

Andrey Ryabov

Ph.D (History), Leading Researcher at the National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow

FORMATION OF POST-INDUSTRIAL ALL-PLANETARY CIVILIZATION

Abstract. The article analyzes the prerequisites and grounds of post-industrial transition as a process of formation of a planetary post-industrial civilization. In historical perspective it is showed that planetary civilization began to form already in the conditions of transition to the industrial stage of development. Post-industrial transition is caused by revolutionary changes in technologies in energy, info-communication and other sectors which entail drastic changes in social structure of society and the field of politics. Post-industrial transition is a multi-level process of development and consolidation of civilization on new technical, technological, socio-economic and cultural value bases. Under its influence, local civilizations will gradually transform and integrate into the general civilization flow but in short-term perspective, the complete disappearance of local civilization features should be not expected.

Key words: *civilization, post-industrial transit, technological revolution, globalization, democratic orders.*

JEL: P29, P49, Z18.

REFERENCES

- Borokh O., Lomanov A. (2018). Novaia epokha Kitaia: ot obogashcheniia k usileniiu [The new era of China: from enrichment to reinforcement] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. №3. Pp. 59–70. (in Russ.)*
- Brzezinski Zb. (2006). Vybor. Mirovloe gospodstvo ili global'noe liderstvo [The choice. Global domination or global leadership]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (in Russ.)*
- Castells M. (2000). Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: GU VShE. (in Russ.)*
- Dahl R. (2000). O demokratii [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.)*
- Freedom in the World 2012. Methodology. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world-2016/methodology (Access date: 25.03.2020).*
- Freedom in the World 2019. Freedom House. freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2019/democracy-in-retreat (Access date: 25.03.2020).*
- Fukuyama F. (1990). Konets istorii [The end of history]? // Voprosy filosofii. № 3. Pp. 134–155. (in Russ.)*
- Fukuyama F. (2004). Konets istorii i poslednii chelovek [The end of history and the last man]. Moscow: AST. (in Russ.)*
- Hanna Sami A., Gardner George Y. (1969). Arab Socialism. [al-Ishtirakiyah Al-Arabiyyah]: A Documentary Survey. Leiden: Brill.*
- Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. (2004). Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura [Global Transformations. Politics, Economics and Culture]. Moscow: Praksis. (in Russ.)*
- Hichem Djait (1974). La personnalite et le devenir arabo-islamiques. Paris: Edition du Seuil.*
- Huntington S. (2003). Tre'tia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka [The third wave. Democratization in the late twentieth century]. – Moscow ROSSPEN. (in Russ.)*

- Khalapsis A.V.* (2010). Postideologicheskii mir [Post-ideological World]? // Grani. Naukovo-teoretichnii i gromads'ko-politichnii al'manakh. №6 (74). P. 60–62. (in Russ.)
- Marsh P.* (2015). Novaia promyshlennaia revoliutsiia. Potrebiteli, globalizatsiia i konets massovogo proizvodstva [The New Industrial Revolution. Consumers, Globalization and the End of Mass Production]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.)
- Martin William J.* (1988). The Information Society. London: Aslib.
- Masuda Y.* (1990). Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style. Oxford: OX, UK: Cambridge Mass., USA: Basil Blackwell.
- Moiseev N.N.* (1995). Informatsionnoe obshchestvo kak etap noveishei istorii [The Information Society as a Stage in Contemporary History] // Mezhotraslevaia informatsionnaia sluzhba. VIMI. №4. Pp. 3–8. (in Russ.)
- Neru Dzh.* (1981). Vzgliaid na vsemirnuuiu istoriiu: pis'ma docheri iz tiur'my, soderzhashchie svobodnoe izlozhenie istorii dlia iunoshstva [A Look at World History: Daughter's Letters from Prison Containing a Free Account of the Story for Young People]. T. 2. Moscow: Progress. (in Russ.)
- Nisnevich Iu.A.* (2017). Politika i korruptsiia. Korruptsiia kak faktor mirovogo politicheskogo protsesssa [Politics and Corruption. Corruption as a Factor in the Global Political Process]. Moscow: Iurait. (in Russ.)
- Nisnevich Iu.A.* (2018). Institut vyborov kak mekhanizm legitimatsii publichnoi vlasti [The Institute of Elections as a Mechanism for the Legitimation of Public Authority] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. №2. Pp. 62–72. (in Russ.)
- Ortega-i-Gasset J.* (2003). Vosstanie mass [Revolt of the Masses]. M.: AST. (in Russ.)
- Pogorelyi E.D., Filippov K.V., Fesenko V.Iu.* (2010). Noveishii politologicheskii slovar'. Rostov na Donu: Feniks. (in Russ.)
- Przeworski A.* (2000). Demokratsiia i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoj Amerike [Democracy and Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)
- Schwab K.* (2017). Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Izd-vo «E». (in Russ.)
- Solov'ev A.I.* (2007). Politicheskaiia ideologiia [Political Ideology] / Politologiia: Leksikon. Moscow: ROSSPEN. Pp.346-365. (in Russ.)
- Toffler A.* (2004). Tre't'ya volna [The Third Wave]. Moscow: AST. (in Russ.)
- Toyneeb Arnold J.* (2011). Tsivilizatsiia pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization on Trial. The World and the West]. Moscow: ACT: Astrel'; Vladimir: VKT. (in Russ.)
- Tsirel' S.V.* (2017). Ekonomika blizhaishhego budushchego [The Economy of the Near Future] // Terra Economicus. T. 15. №1. Pp. 44–67. (in Russ.)
- Webster F.* (2004). Teorii informatsionnogo obshchestva [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.)
- Zhelezniakov A.S.* (2008). Tsivilizatsionnye prostranstva: problemy globalizatsii [Civilization Spaces: Problems of Globalization] // Rossiia v global'nykh protsessakh: poisk perspektivy / Otv. red. chlen-korrespondent RAN M.K.Gorshkov. Moscow: Institut sotsiologii RAN. Pp. 297–314. (in Russ.)
- Zinov'ev A.A.* (2003). Zapad [West]. Moscow: Eksmo. (in Russ.)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Н. Яницкий

д.филос.н., профессор, Институт социологии Федерального центра теоретических и прикладных социологических исследований РАН (Москва)

ОБЩЕСТВО И ИНДИВИД В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Опираясь на анализ научной литературы по глобализации и общественным движениям, а также на собственные исследования в течение 50-ти лет, автор приходит к выводу о необходимости комплексного анализа глобальных структурно-функциональных трансформаций, порождаемых переходом мира и России к глобальной Четвертой научно-технической революции (далее НТР-4) и формированием в РФ «информационного общества». В статье последовательно рассматриваются: изменения в методологии и теории исследования этого общества; проблема «ускорения времени» и сжатия социального пространства; количественные и качественные изменения в этом обществе; вопросы формирования информационной среды обитания; отношения «информационного общества» и техно-науки; реакция массовых социальных движений на императивы, порождаемые техно-наукой; процессы формирования нового социального порядка в «информационном обществе»; реакция индивидов и их групп на указанные выше социальные трансформации в процессе перехода к «информационному обществу». Чем общество мощнее технологически, чем сильнее в его идеологии и политике перекося в сторону новых инженерных, биохимических, экологических и иных технологий и чем выше накопленный им потенциал финансового и технологического капитала, тем выше риск самоуничтожения человечества. Исходной теоретико-методологической позицией исследования «информационного общества», проведенного автором, является формирование интегрированной социобиотехнической системы (далее СБТ-системы), адекватное понимание структурно-функциональной структуры и динамики которой возможно только средствами междисциплинарного знания, а точнее, методами многостороннего исследования, основанного на «триаде»: научное исследование – непрерывное обучение – участие общественности в этом процессе; и всесторонний анализ отношений «индивид–среда обитания» в этом обществе. Наличие постоянной обратной связи между субъектом действия (человеком, сообществом, сетевой системой) и средой его обитания, которая непрерывно, но нелинейно изменяется, также является обязательным. Противостоять гибельному пути к самоуничтожению общества можно только объединенными действиями всех людей планеты в защиту мира и безопасности.

Ключевые слова: глобализация; индивид; информационное общество; междисциплинарный подход; наука; «сжатие пространства»; среда обитания; триада «наука–обучение–общественная активность»; ускорение времени; Россия.

JEL: B59, Q51, Z13.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10206.

1. Введение: постановка проблемы

Цель статьи – рассмотреть основные тренды изменения социального порядка в информационном обществе и их влияние на общественное сознание в целом и на сознание и поведение индивида в частности. Основная гипотеза данной работы состоит в том, что сегодня уже сформировалась новая, весьма специфическая информационная среда обитания человека и общества, которая все более детерминирует коллективное и индивидуальное поведение членов глобального сообщества в каких бы отношениях его составные части ни находились, дружеских, нейтральных или антагонистических.

Другая, не менее важная гипотеза состоит в том, что процесс развития глобального информационного общества до сих пор был односторонним. Он основывался на достижениях техно-науки и социальной инженерии, однако не учитывал изменений природной среды обитания человечества как под его собственным воздействием, так и в результате изменения той информационной среды, которая является результатом формирования качественно новой глобальной среды обитания, которую я называю социо-био-техносферой (далее глобальная СБТ-система) [Yanitsky, 2016].

Движение глобального сообщества к его качественно новому состоянию происходит неравномерно, оно идет нелинейно, а иногда скачками. Однако, по мнению автора (и в этом заключается третья гипотеза данной статьи), мир-система сегодня находится в некотором неустойчивом состоянии, т.е. в очередном «переходном периоде», всегда сопровождающем смену общественно-исторических формаций. Его суть и проблема заключаются в том, что *развитие новых технологий опережает формирование нового социального порядка*.

Поэтому сегодня можно лишь утверждать, что идет формирование некоторого «гибрида прошлого и будущего», который, как и все прошлые социально-технологические трансформации, находится в весьма неустойчивом состоянии, чреватом рисками глобальных природных, социальных и технологических катастроф.

Статья написана на основе изучения как работ ведущих мировых теоретиков и практиков в сфере социально-информационных технологий, так и контента средств массовой коммуникации. Сюда я включаю анализ контента социальных и иных сетей, а также обобщение личного опыта, результатов многолетнего сотрудничества в различных международных организациях в качестве участника международных исследовательских проектов, программ и экспертной работы. Отдельные вопросы данного «переходного периода» (в форме тезисов) автор обсуждал на ряде национальных конференций в России, так и на международных семинарах и симпозиумах за рубежом.

2. Общие подходы и методология анализа

Структуры и процессы современной мир-системы связаны между собой не только всеохватывающими и везде проникающими информационно-коммуникационными сетями, но и многими другими глобальными процессами, которые далеко не все люди понимают и потому не воспринимают их как силы, интегрирующие весь земной шар, включая его космическую оболочку. К таким «интеграторам», прежде всего, относится круговорот вещества и энергии в биосфере. Это означает, что если, например, изменяется температура поверхностных вод Мирового Океана, то это изменение может отозваться в любой точке земного шара, причем отозваться далеко не всегда предсказуемым, а подчас и катастрофическим образом.

Например, что произойдет, если поток солнечной энергии, достигающий поверхности земли, будет систематически сокращаться? Или – как изменится наша земная жизнь,

если биосфера, которая многосторонне изучалась в течение всего минувшего столетия, окончательно превратится в глобальную СБТ-систему? Другой аспект той же проблемы: как быстро эта СБТ-система «стабилизируется» в своих трансформациях, или же это будет вечный и непрерывный процесс? То есть можно ли ее рассматривать как живую систему, эволюционирующую по своим собственным законам? Я здесь специально не рассматриваю трансформации, происходящие ныне или в будущем внутри этой СБТ-системы. Мы видим, что мир, в котором мы живем, становится не только все более взаимосвязанным и подвижным. Однако *в рамках какой парадигмы* этот процесс надо рассматривать? С моей точки зрения, *мы нуждаемся в создании парадигмы нелинейной и вероятностной динамики*.

Мне иногда возражают, говоря, что модели нелинейной динамики уже существуют. Верно, но глобальная СБТ-система не может быть описана в терминах *одномерной динамики*, поскольку она есть конгломерат или гибрид динамик разнокачественных структур и процессов. Если это так, то в каких терминах тогда описывать их взаимодействие? Перехода одного в другое? Взаимную трансформацию? Или же, как риск аннигиляции, т.е. взаимоуничтожения друг друга?

У названных вариантов взаимной (внутренней и внешней) трансформации есть скрытое, но важное свойство. Мы привыкли мыслить в терминах прямого действия (запланировали, решили, построили или сделали), но гораздо реже думаем о ближайших и отдаленных последствиях наших действий или природных процессов, и еще более редко интересуемся их «обратной связью» (feedback), особенно если она также имеет нелинейный и вероятностный характер.

Эта односторонность связи человека и общества четко видна на характере действия современных государственных информационных систем (порталы «Государственные услуги», «Активный гражданин», все виды городского и международного сервиса и т.д.). Их пользователь может туда обращаться, писать жалобы, направлять запросы, предложения и т.п., но он почти никогда не имеет возможности **вступать в прямой диалог** с этими обезличенными информационными структурами. В лучшем случае настойчивый гражданин получит отписку, что ваша жалоба направлена по такому-то (тоже обезличенному) адресу какой-то организации.

На том же принципе основана и рыночная система. Это только на поверхности кажется, что рынок – это равноправная конкуренция. В действительности всегда побеждает та сторона, которая богаче, а, значит, может позволить себе оплачивать научные разработки, нанимать дорогих адвокатов, имеет нужную рекламную базу и т.п. И никакой благоприятный дискурс вам не поможет, если у вас в кармане пусто.

Поэтому сторонники концепции «устойчивого развития» должны, наконец, понять, что никакой такой устойчивости без диалога с пользователем быть не может, кем бы он ни был – потребителем, просителем или заявителем. То есть любая сложная экосистема жизнеспособна, если она основывается на диалоге и взаимопонимании между Институциональными системами и рядовыми потребителями. В противном случае такой «диалог» переходит в фазу социального или политического конфликта, митингов и демонстраций протеста или военного противостояния.

3. Формирование информационной среды обитания

Информационная среда (далее ИС) – это *всеобъемлющая сигнальная система*, постоянно создаваемая и изменяемая природой, обществом и его техническими устройствами. ИС есть производная от современного (информационного) способа производства и социального воспроизводства общества, поэтому ее основные характеристики суть те же, т.е. неопределенность, нелинейность и в целом вероятностный характер.

Ее знаковая система – та же, что и в обществах прошлых эпох, т.е. слова, образы, социальные и профессиональные коды, ощущения и другие уже известные нам характеристики. Однако чем дальше, тем больше создатели и пользователи этой системы используют *цифровые коды*, которые требуют расшифровки и интерпретации. Этот «переход», ускоряя производство и распространение информации, одновременно провоцирует социальное неравенство между теми, кто владеет и не владеет этими кодами. Подобное информационное неравенство есть отличительная черта нашей переходной к цифровой цивилизации эпохи.

Я акцентирую внимание читателя на этом переходном периоде, потому что именно он чреват социальными конфликтами, хотя бы именно потому, что институциональные системы индустриальной эпохи уже не соответствуют действительности, а новые еще находятся в процессе разработки или тестирования. Поэтому, в частности, данный *переходный к НТР-4, период отмечен появлением множества временных социальных институций*: соглашений, которые тут же нарушаются, дорожных карт, которые не выполняются, и т.п. В целом этот переходный к «цифровому обществу» период характеризуется резким повышением степени неопределенности и конфликтности состояния глобальной СБТ-системы.

Какие черты информационной среды обитания отчетливо видны уже сегодня? **Первое**, эта среда непостоянна: одни «пласты» информации отмирают или превращаются в архивы, в то время как другие формируются, изменяя общественное сознание и расклад сил на мировой арене. **Второе**, индивиды, их группы и глобальное сообщество в целом перманентно находятся в ситуации *избыточной информации*, затрудняя рациональный выбор. **Третье**, для преодоления этого информационного стресса капиталистическая система создала институт, продуцирующий нужную информацию, называемый потребительской идеологией.

Четвертое, появление потребительской идеологии на конкурентном рынке товаров и услуг не спасает положения, потому что начинают конкурировать разные модели этой идеологии. **Пятое**, сегодня в результате резкого ухудшения глобальной климатической ситуации быстро формируется мировоззрение «разумного ограничения массового потребления». Отсюда и резкий рост общественного интереса к экологическим проблемам современности и причинам, их вызывающим. **Шестое**, названные выше ценностные и идеологические трансформации начинают оказывать обратное воздействие на систему среднего и высшего образования, тем самым усиливая интерес молодого поколения к проблемам глобальной экологии. **Седьмое**, сегодня экологические требования становятся интегральным элементом уличной борьбы за мир и гражданские права. **Восьмое**, в этой ситуации социальной и политической неопределенности современный капитализм использует уже испытанное оружие: техно-науку. **Девятое**, суть действий капитанов Большого Бизнеса – это вытеснение человека с поля этой борьбы и его замена на послушных роботов. **Десятое**, в результате названных выше социально-технических трансформаций происходит некая «рокировка»: информационная среда и ее законы становятся главными, а материальная среда – ее дополнением (функцией). Это – опасная рокировка. **Одиннадцатое**, современные технократы и апологеты техно-науки забывают, что эта материальная среда живет по собственным законам, и их нарушение «цифровым человеком» чревато для человечества и среды его обитания невозможными потерями. **Двенадцатое**, развитие техно-науки и информационных технологий возможно только в условиях «гуманистического поворота [Кравченко, 2018], т.е. разумного сочетания социотехнических технологий и гуманистических ценностей в отношениях человека с природой и с самим собой.

4. «Ускорение» времени и сжатие социального пространства

Появление информационных технологий, позволяющее практически мгновенно передавать информацию из одной точки поверхности земли в другую, создало эффект «инверсии пространства», когда привычные представления о расстояниях и времени в пути были разрушены, и на их место пришло множество практически одновременных событий, «расстояние» между которыми теперь измерялось минутами и даже секундами. Иными словами, возникла совершенно иная картина мира в виде «комков» порождающих друг друга явлений и событий. **Мир, таким образом, предстал перед нами как практически непрерывная взаимосвязанная цепь явлений и событий.** Причем в отличие от известного эффекта домино, когда (теоретически) речь шла о ряде однородных событий, эта инверсия пространства нашей жизни является не чем иным, как *непрерывным рядом качественных структурно-функциональных трансформаций, порождающих друг друга.*

Если посмотреть на это изменение исторически, то видно, что такие сближения сначала были разделены между собой месяцами и даже годами (как, например, покорение Америки европейскими завоевателями), потом эти сближения последовательно ускорялись. Сегодня уже нет никакого различия между миром и войной, между безопасными и опасными для жизни местами, между «здесь» и «там» и другими оппозициями, привычными для нашего сознания. И эта трансформация может быть иллюстрирована калейдоскопом непрерывно наезжающих друг на друга рекламных клипов самого разного содержания и целевой аудиторией.

Такое насильственное сближение стран и местных сообществ было выгодно транснациональному капиталу, поскольку он получал доступ к новым источникам ресурсов и рынкам сбыта. И вообще, силовое сближение этому капиталу было выгодно еще и потому, что он стремился везде насаждать потребительскую идеологию и соответствующий образ жизни. Но такое насильственное сближение было разрушительно для малых стран и народов, так как он разрушал их веками сформировавшиеся ценности и установки, а также их формы жизни и быта, тесно связанные с местной природой.

Сжатие социального пространства имело еще один отрицательный эффект. Он заключался в том, что возросшая мобильность всего и вся (людей, информации, товаров и услуг) часто стирала с лица земли культурную специфику конкретного места, в лучшем случае переводя ее в форму некоторого археологического артефакта или исторического или этнографического памятника.

Естественно, что этот процесс «сжатия» социального пространства в значительной мере стимулировался глобальными амбициями ведущих стран западного мира и непрерывно нарастающей гонкой вооружений.

5. Количественные и качественные измерения в «цифровом обществе»

Чем дальше идет «цифровизация» происходящих перемен, тем больше стремление измерять и оценивать их количественными методами. Это – исторический тренд, во много заимствованный нами у американских социологов, и он действительно работает, но до определенного предела. Поэтому отечественная и мировая социология одновременно использует качественные методы социологического и иного анализа.

Чем дальше рыночные отношения проникают в социальную ткань общества, тем чаще мы видим, как любые достижения капитала и подчиненных ему наук выражаются

в цифрах, подобно счету в очередном футбольном матче, чего сегодня уже явно недостаточно для интерпретации происходящих событий.

Однако вопрос о том, как выразить в цифровой форме качественные структурно-функциональные трансформации остается не выясненным до сих пор. Прикладные математики утверждают, что для этого существуют сложные цифровые модели. Но как социолог, имеющий дело с реальными людьми и их групповыми интересами, я полагаю, что необходимо создавать методы и модели, использование которых под силу обыкновенному гуманитария. **Вопрос о взаимодействии естественных, общественных и технических наук** будет кратко рассмотрен ниже, но именно он становится приоритетным в глобальной повестке дня.

Основное преимущество качественного анализа – это связь типа действующего агента и его мыслей и поведения со средой его обитания в комплексе ее природных, техногенных и социальных составляющих. Количественный анализ такой детализации дать не может, в нем все разнообразие показателей агрегировано по типам поселений (малый, средний, большой и крупный город). Тогда как сегодня первостепенное значение имеет не размер города, а профессиональный уровень и вид занятий его населения. Вообще, в условиях всеобщей территориальной мобильности эти категории утратили свое типологическое значение. Территориальная близость или, напротив, удаленность данного поселения от потенциального источника опасности также теряет свое значение в информационную эпоху.

Все это означает, что наука нуждается в сложных количественно-качественных моделях современной динамики на всех ее уровнях. Причем эти модели должны также отражать нелинейную и вероятностную динамику глобального мира. Поэтому дихотомические модели, построенные по принципу «больше – меньше», «ближе – дальше», «лучше – хуже» и т.п., теряют свое эвристическое значение. А вот значение комплексного (интегративного, гибридного) подхода, напротив, возрастает, к чему я и перехожу.

6. Интегрированный мир vs. моно-дисциплинарное знание?

Именно этот разрыв, созданный еще руками великих просветителей XVIII в., может сегодня стоить нам очень дорого. Тогда моно-дисциплинарное знание было действительно мощным стимулом развития многих естественных наук, однако сегодня такое знание, за много веков укрепившись институционально, превратилось в тормоз познавательного процесса современного интегрированного мира. Даже великий Ф. Энгельс писал свою «Диалектику природы» отдельно от социально-экономической концепции К. Маркса. Хотя заявляя, что человек живет природой и что в будущем наука будет единой, Ф. Энгельс был в одном шаге от признания факта существования «интегрированного мира». Ученые неоднократно утверждали, что диалог науки и общества необходим как науке, так и самому обществу [Яницкий, 2004; Этос науки, 2008].

Но не буду тревожить великих мыслителей прошлого, а обращусь к нашей повседневной жизни. Разве элементарный акт приема пищи и ее переваривания это не многосторонний процесс, требующий междисциплинарного исследования? Если этот аргумент не убедителен, то посмотрите книгу С.А. Кравченко «Социокультурная динамика еды» и вы увидите, сколь сложным является этот процесс [Кравченко, 2014]. А если еще учесть множество метаболических трансформаций, сопровождающих сам процесс поглощения пищи и ее переваривания, то вы поймете, что без такого биохимического понятия, как метаболизм, вам не обойтись. ЮНЕСКО уже более двух лет назад объединило два своих совета по естественным и социальным наукам в единый совет по проблемам науки, а у нас – никакого движения в эту сторону!

Обратимся к новейшей истории некоторых наук. Если исключить естественные науки, где процесс междисциплинарного взаимодействия идет уже достаточно давно, то,

по моему мнению, лидерами в таком сближении наук являются медицина и практика спасателей (профессионалов и волонтеров), вынужденных оказывать самую разную помощь пострадавшему населению. Иными словами, *проблема жизни и страданий рядового человека является главным интегратором наук между собой* и между ними и практикой.

И это вполне логично, потому что современная социология – это не просто наука о ценностях и поведении масс людей. Современная социология должна вбирать в себя данные других наук, как полученные лабораторным способом, так и более пристального и детального изучения поведения людей именно как биосоциальных существ. Техно-наука может попытаться имитировать это поведение, но заменить *Homo Sapiens* она не может! Сторонники техно-науки утверждают, что современные роботы способны к самообучению. Возможно, но важно к *какому именно* самообучению они сегодня способны? Но есть и более серьезное препятствие к самообучению роботов: они не обладают ни способностью к метаболизму, ни к постоянному переключению режима действий человека или общества в целом. Наконец, в какой степени первая и вторая сигнальные системы робота способны воспринимать и перерабатывать информацию об окружающем их мире в рациональное поведение, и более того, способен ли робот адекватно рефлексировать по поводу сложных и динамичных событий или процессов в окружающем его мире?

7. Информационное общество и техно-наука

До сих пор четкого определения понятия «техно-наука» не существует. Техно-науку можно трактовать как историю техники и связанное с ней естествознание. В России есть специальный Институт истории естествознания и техники РАН. Однако многие выдающиеся исследования по истории техно-науки были выполнены и опубликованы вне этого института. В частности, это ранние дневники В.И. Вернадского. Другие исследования выполнялись даже не в институтах РАН РФ. Это – не критика, а лишь подтверждение того факта, что, согласно закону рассеяния публикаций Ципфа, лишь их малая часть была выполнена в специализированных научных институтах и издательствах, а остальные – рассеяны по огромному количеству других источников и издательств, в том числе публицистических и литературно-художественных.

Другое понимание техно-науки условно может быть «приписано» Нобелевскому лауреату академику П.Л. Капице, который утверждал, что иногда экспериментатор важнее теоретика, потому что экспериментатор способен соединить несоединимое. Т.е. в современной терминологии экспериментатор выступает в роли междисциплинарного интегратора. Замечу, что, например, проект современного самолета не является целиком междисциплинарным, а представляет собой инженерно-технический гибрид, в котором его различные структурные и функциональные составляющие хорошо подогнаны друг к другу. Но в самолете есть и метаболические процессы, например, превращение топлива в тяговую силу данного лайнера.

Однако современное и наиболее распространенное понимание техно-науки заключается в утверждении приоритета технических наук и соответствующих специалистов и конструкционных материалов над социальными и гуманитарными науками. Это понимание техно-науки получило в последние годы широкое распространение благодаря поддержке мощного международного лобби технократов и Международного экономического союза, возглавляемого К. Швабом. Большую роль сыграл и лично К. Шваб [Шваб, 2017]. Напомню, что технократизм как в период Третьей, так и Четвертой промышленной революции есть один из идеологических столпов современного капитализма. В рамках последнего предполагается, что, как и ранее, благодаря новым технологиям капиталу удастся одновременно получить доступ к дефицитным ресурсам, завоевать новые рынки и подавить растущее

сопротивление массы трудящихся по всему миру. И кое-что современным технократам от Большого бизнеса уже удалось, например, сократить мировой рынок труда.

Новое наступление технократов прибавит головной боли ученым-обществоведам. Но более всего – озлобит сторонников сближения естественных, технических, социальных и гуманитарных наук. То, что сегодня техно-наука действует в глобальном масштабе, не меняет ее прикладного характера. Поэтому я рассматриваю концепцию техно-науки как одну из множества современных версий развития научного знания, которая непрерывно развивается под воздействием новых открытий. Если же техно-наука это – идеология, а я склоняюсь именно к этому мнению, то тогда это идеология сторонников идеи мирового господства, таких как США и их союзников по НАТО.

8. Общественные движения как реакция на техно-науку

Роль социальных инициатив и общественных движений в информационном обществе непрерывно возрастает, и причин этого роста несколько. **Во-первых**, глобальное сообщество становится все более образованным, и это положение касается, прежде всего, подростков и молодежи. Чему немало способствовало развитие Интернета и социальных сетей.

Во-вторых, в современном мире происходит качественный сдвиг: ребенок и подросток из объекта манипулирования взрослыми посредством воспитания, обучения, наставлений и создания для них правил поведения превратился в актора (агента) социальной деятельности, который черпает знания и правила поведения из Интернета, социальных сетей и социальной среды, именуемой в просторечии «улицей». Это, в частности, подтвердило международное исследование проблем детства [Büchler-Neiderberger, 2010]. **В-третьих**, общественные движения и прежде всего в России, стали реальной основой развития общественно-научных исследований, начиная с 1960-х гг. Этот новый общественный феномен стал возможным благодаря тесному сотрудничеству трех социальных сил: ученых, преподавателей и студенческой молодежи. К этому «тройственному» союзу стала постепенно присоединяться молодежь самых разных профессиональных ориентаций и старшие школьники.

В-четвертых, российская наука, преподавательский корпус и общественное мнение в целом стали постепенно отказываться от патерналистского взгляда на школьников и молодежь в целом и стали широко вовлекать этот молодой контингент (так называемых миллениалов) в разные сферы научных исследований и, прежде всего, в сферу новых технологий, и социально-экологических исследований, и разработок. Деятельности этой триады не смог помешать даже резкий переход России на рельсы рыночной экономики. Секрет этой устойчивости прост: какие бы социальные и экологические трансформации ни происходили, социально-экологические проблемы человечества остаются.

В-пятых, одновременно участникам этой триады стало очевидно, что решить все экологические и социальные проблемы России и человечества в целом только использованием новых технологий невозможно. Техно-наука, какой бы развитой она ни была, все равно остается лишь инструментом для решения локальных и глобальных социально-экологических проблем. И все попытки решить их без изменения или, хотя бы, смягчения правил современной рыночной экономики никак нельзя. Именно поэтому участники российского и других национальных экологических НКО и движений совершили в течение последнего десятилетия решительный поворот к исследованию глобальных проблем. И Грета Тунберг и ее призывы с трибуны ООН здесь не исключение.

В-шестых, все социальные агенты и феномены существуют в определенном социокультурном пространстве. Как писал П. Сорокин в 1930-х гг., «социокультурная экология, или география, в правильном ее понимании, есть не что иное, как изучение размещения, распределения, последовательности, вытеснения и миграции проводников и людей, как они отражаются на экране геометрического пространства» [Сорокин, 2012. С. 51].

Замечу, что ни во времена Р. Парка и Р. Барджесса, ни сегодня «социокультурная экология» не может быть интерпретирована как ее «география», а в биосфере и социо-сфере нет никакого «геометрического пространства». Это – принципиальная ошибка великого социолога. *Социокультурная экология есть многомерное междисциплинарное понятие*, которое может быть фиксировано в «геометрическом пространстве», т.е. территориально, только в замкнутых традиционных обществах, которые тоже время от времени мигрировали, сжимались или расширялись, переходя в иную среду обитания и т.д. К сожалению, этот великий социолог не ввел в свою теорию социокультурного пространства понятия экосистемы как симбиоза некоторого социального сообщества и среды его обитания, хотя работы, эмпирически доказавшие существование таких «симбиозов», тогда уже были.

В-седьмых, естественно, что *ни один из членов триады не мог быть сторонником техно-науки по определению*, потому что все они привыкли к реальному взаимодействию с эко-социальными системами во всех их проявлениях. Напротив, когда эти агенты увидели, сколь одномерна современная техно-наука, они стали избегать ее или бороться с нею, потому что для них были очевидны те упрощения, к которым прибегали апологеты этого направления, чтобы отстоять свою правоту.

В-восьмых, техно-наука необходима, прежде всего, в тех сферах научно-технического производства, где создаются инструменты и оружие защиты от попыток порабощения, подчинения или тотального уничтожения человеческих эко-систем «сильными мира сего». Но даже эти «сильные» стараются изобразить свое гуманное отношение к мирному населению, которое в действительности всегда страдает первым. Ларчик такой «гуманности» открывается просто: богатые спрячутся в давно заготовленных бункерах, а остальные вымрут к вящему удовольствию технократов, поскольку вымерших людей можно будет легко заменить на роботов.

9. Социальный порядок и индивид в информационном обществе

Хотя именно индивиды как ученые или политики создают социальный порядок и непрерывно развивают или переформатируют его, он, являясь каркасом существующей структурно-функциональной организации социального мира, всегда подчиняет своим правилам и нормам, созданным индивидами, их группами и сообществами. Но это – в теории.

В жизни сознание и поведение современного индивида формируется не только институтом социального порядка. Постоянное его изменение в ходе конкурентной борьбы на мировом рынке, Интернет, социальные и профессиональные сети, назойливая реклама, перманентные вбросы срочных новостей (breaking news), а также необходимость постоянно успевать за ускоряющимся ходом событий – все это создает избыточный и с каждым часом изменяющийся поток информации. В этом его хаосе индивид в лучшем случае на какой-то момент запоминает одно-два сообщения, но на них надвигаются следующие, еще более срочные или пугающие и т.д.

Вот свежий пример: эпидемия коронавируса. Сначала – на информацию о ней в нашем обществе практически не было никакой реакции, однако в течение следующей недели эта информация стала не только «номером один», возник буквально каскад экономических, политических и социальных последствий глобального масштаба. Международный рынок оказался в кризисе, валютные курсы стали неустойчивыми, здесь и там стали спешно формировать карантинные зоны, гигантские круизные лайнеры превратились в изолированные от мира пространства и т.д.

В итоге оказалось, что вся система международных и межличностных отношений и связей оказалась под угрозой, а индивиды как бедные, так и состоятельные, оказались ее заложниками! То есть хваленая свобода «Интернет-галактики» [Castells, 2004] вкупе с глобальным рынком товаров и услуг оказались неспособными противостоять этой вирусной

угрозе, если даже она является продуктом деятельности политтехнологов или современных аййтишников. Мне иногда кажется, что Всевышний, видя вялую реакцию общества на угрозу изменения климата, решил показать людям, насколько хрупок и ненадежен созданный ими мир!

Что же касается образа жизни индивида как такового, то рискну утверждать, что непрерывный поток обрушивающейся на него информации ведет к полной потере способности индивида к размышлению, к рефлексии. И как результат – потеря современным индивидом своей идентичности. В этом контексте уже не кажется странным желание многих молодых людей жить одним днем.

Выводы

Чем современное капиталистическое общество технически мощнее, чем больше в его идеологии и политике перекося в сторону новых инженерных, биохимических, экологических и иных технологий и чем выше накопленный им потенциал финансового и технологического капитала, тем выше риск самоуничтожения человечества. Основанное на таких принципах общество всегда стремится подавить гуманистическую ориентацию, кому бы она ни принадлежала, отдельному человеку, группе ученых или всему человечеству. И современный капитализм во многом уже добился этой цели. Много ли имен выдающихся современных гуманистов может назвать современный читатель? Великие гуманисты прошлого уходят – в науке и политике остаются только технократы и стяжатели.

Поэтому совсем неслучайно достижения современных молодых и не очень ученых оцениваются не по общественной значимости выдвигаемых ими идей или концепций, а по количеству их публикаций, вошедших в наукометрические системы типа Scopus and Web of Science. Утвердилась совершенно новая, сугубо утилитарная шкала новаций и успеха. Нас, ученых, в особенности молодых, стремятся всеми силами убедить, что рыночному обществу нет альтернативы. Невольно вспоминаются слова А.П. Чехова: «А человека забыли!». Однако необходимо помнить не только о человеке.

Исходным пунктом современного исследования информационного общества является наличие всеобъемлющей СБТ-системы, структурно-функциональное изучение которой возможно только средствами междисциплинарного знания, точнее, методами междисциплинарного знания-действия. То есть – при наличии непрерывной обратной связи между субъектом действия (человеком, сообществом, глобальной сетевой системой) и средой его обитания, которая тоже непрерывно изменяется. Напомню, что «технологическое время» функционирования сложных систем непрерывно ускоряется, т.е. время между некоторым действием и реакцией на него сокращается.

Сегодня техно-наука действует в глобальном масштабе, однако это не меняет ее прикладного характера. Поэтому я рассматриваю концепцию техно-науки как одну из множества современных версий развития научного знания, которая непрерывно развивается под воздействием новых открытий. Если же техно-наука это – идеология, то тогда это идеология сторонников идеи мирового господства, как, например, США.

Все науки, естественные, общественные и технические независимо от степени их интегрированности несут равную ответственность перед человечеством за сохранение мира на земле и за самую возможность своего безопасного существования на ней.

Никакая новейшая методология или теория не способна противостоять губительному пути к самоуничтожению. *Противостоять ему можно только объединенными действиями всех людей в защиту мира и безопасности.*

ЛИТЕРАТУРА

- Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации (2018) / Кравченко С.А., отв. ред. М.: МГИМО–Университет.
- Кравченко С.А. (2014). Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической био-политики. М.: МГИМО–УНИВЕРСИТЕТ.
- Сорокин П. (2012). Новые материалы к научной биографии: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротов. М.: ИНИОН РАН.
- Шваб К. (2017). Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э».
- Этос науки. (2008) / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Академия.
- Яницкий О.Н. (2004). Диалог науки и общества // *Общественные науки и современность*. №6. С. 86–96.
- Büchler-Neiderberger D. (2010). Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // *Current Sociology*, No. 58 (2). Pp. 155–163.
- Castells M. (2004). *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 292 pp.
- Yanitsky O. (2016). Sotsiobiotechnicheskie systemy: novyi vzglyad na vzaimodeistvie cheloveka i prirody [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika], Vol. 4. No 3. Pp. 5–22. Available at: manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf

Яницкий Олег Николаевич

oleg.yanitsky@yandex.ru

Oleg Yanitsky

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

oleg.yanitsky@yandex.ru

A SOCIETY AND INDIVIDUAL IN THE INFORMATION ENVIRONMENT

Abstract. Drawing on the analysis of a scientific literature and on my own fifty year researches of socio-ecological information global processes, I came to the necessity of complex analysis of global structural-functional transformations generated by a global and Russia's transition to the Fourth scientific-and-technological revolution (hereafter the STR-4) and a shaping under these conditions an information society in Russia. In the article the following consequences are analyzed: the changes in the methodology and theory of such shift; an issue of 'speeding up' of a social time and a 'compression' of social space; the quantitative and qualitative changes in the above society; an issue of shaping of an information living environment; an issue of the information society and so-called techno-science relationships; a response of mass social movements to the techno-science imperatives; the processes of shaping of a social order in information society; and the reaction of the individuals and their groups on the ongoing transformations. The author came to conclusion that: the more a society stronger technologically the more a shift in its ideology and politics toward new engineering, biochemical and ecological technologies, and the greater accumulated potential of financial and political capital the higher the risk of a self-annihilation of humanity. A shaping of a global sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system) is the basic meta-theoretical position of the author. The adequate interpretation of structural-functional organization and dynamics of such complex global SBT-system is possible by the means of an interdisciplinary analysis, or more precisely, by the methods of many-sided study based on the 'triad': scientific knowledge–uninterrupted retraining–public participation in that processes. The 'individual–living environment' relationships have to be studied in the same way. At the same time a feedback between a living milieu and an actor which are both under the process of permanent changes should be investigated as well. In sum, to resist to the shift toward total self-annihilation of global society is possible by means of united efforts of humanity only in defense of peace and safety of people.

Keywords: *compression of space, globalization, information society, individual, interdisciplinary analysis, living environment, science, speeding up of a time, triad "science–teaching–public participation", Russia.*

JEL: B59, Q51, Z13.

REFERENCES

- The Humanist Turn: The Imperative of Human Civilization (2018) / Kravchenko S.A., executive editor. M.: MGIMO-University. (In Russian).
- Kravchenko S.A. (2014). Sociocultural dynamics of food: risks, vulnerabilities, demand for a humanistic bio-policy. M.: MGIMO-UNIVERSITY. (In Russian).
- Sorokin P. (2012). New materials for a scientific biography: Collect. of Scientific Papers / Executive editors Efremenko D.V., Krotov P.P. M.: INION RAS. (In Russian).
- Schwab K. (2017). The Fourth Industrial Revolution. M.: Publishing house "E". (In Russian).
- The Ethos of Science. (2008). Executive editors: L.P. Kiyashchenko, E.Z. Mirskaya. M.: Academy. (In Russian).
- Yanitsky O.N. (2004). Dialogue of science and society // Social sciences and modernity. No. 6. S. 86–96. (In Russian).
- Büchler-Neiderberger D. (2010). Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // Current Sociology, No. 58 (2). Pp. 155–163.
- Castells M. (2004). The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press.
- Yanitsky O. (2016). Sotsiobiotechnicheskie systemy: novyi vzglyad na vzaimodeistvie cheloveka i prirody [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. Vol. 4. No 3. Pp. 5–22. Available at: manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf.

М.А. Фельдман

д.и.н., профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

СУДЬБА РОССИЙСКОГО МАРКСИСТА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Аннотация. В статье представлен анализ событий жизни видного политического деятеля Советского государства Г.М. Кржижановского в переломный период российской истории: от ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б) до XVI съезда партии в июне–июле 1930 г. Сделан вывод о том, что Госплан под руководством Кржижановского смог обосновать возможность финансирования Индустриального проекта на основе возможностей нэповской экономики реализовать советский индустриальный проект. Отмечено, что, несмотря на поражение, «правым» удалось изложить свою программу модернизации страны, указать на негативные последствия реализации леворадикального курса И. Сталина. Выявлены причины поражения сторонников рационального пути строительства нового общества.

Ключевые слова: Г.М. Кржижановский, пленум, партия, съезд, правые, индустриализация, СССР.

JEL: B24, B31, P21, P30.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10207.

Предлагаемая читателям статья не ставит перед собой задачу дать панорамный портрет жизни видного политического деятеля социал-демократического движения России, руководителя Госплана СССР; человека, с именем которого, более других, уместно выражение «создатель Первого пятилетнего плана» Г.М. Кржижановского (1872–1959 гг.).

В истории России более известна другая страница жизни Кржижановского: создание плана ГОЭРЛО, первой перспективной программы социально-экономического развития страны, в основу которой был положен разработанный Кржижановским еще в 1915–1916 гг. план строительства мощных районных электростанций на базе местных топливных и гидроэнергетических ресурсов, а также необходимость их объединения в крупные электроэнергетические системы. Программа ГОЭРЛО и Первый пятилетний план сформировали основу того Индустриального проекта, который позволил модернизировать экономический потенциал Советского государства.

Исследованию подвергнуты двадцать месяцев жизни Кржижановского (17 ноября 1928 – 9 июля 1930 гг.) – времени, которое поставило «черную метку» подавляющему большинству «старых большевиков»: и тем, кто осознанно выступил против свертывания нэпа, и тем, кто хоть в чем-то критиковал «отдельные перегибы» сталинского курса; или даже просто приводил примеры реальной обстановки в городе и в деревне конца 1920-х гг.

Судьба одного из ближайших соратников Ленина позволяет не только проследить траекторию жизни одного из основателей российской социал-демократии (члена ЦК РСДРП, избранного в 1903 г. на II съезде партии), но и подойти к пониманию взаимного воздействия: марксистов на Индустриальный проект в СССР и Индустриального проекта на взгляды и позицию большевиков из окружения Ленина.

Уникальность фигуры Кржижановского – сочетание управленца высокого уровня, члена ЦК ВКП (б) с 1924–1939 гг., и ученого, автора ряда работ по электроэнергетике; главного редактора ведущего экономического журнала 1920-х гг. «Плановое хозяйство», что позволяло руководителю Госплана аккумулировать достижения научной мысли в сфере планирования и транслировать их в высшем управленческом корпусе СССР.

Закономерна в этом плане близость выступлений председателя СНК СССР А.И. Рыкова и Кржижановского на партийных форумах рассматриваемого периода – речь идет об убежденных сторонниках сохранения и развития многоукладного народного хозяйства.

Доклады Кржижановского на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б); V съезде работников госпланов СССР в марте 1929 г.; XVI всесоюзной партийной конференции ВКП (б) в апреле 1929 г.; на уоябрьском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б); XVI съезде ВКП (б) представляют собой уникальный комплекс исторических документов, поскольку излагают обоснование возможности реализации Первого пятилетнего плана на основе потенциала нэповской экономики. Вынужденная эволюция содержания докладов не меняла вектора курса Кржижановского: модернизации страны на основе научных принципов и учета интересов всех слоев населения.

Пленум ЦК ВКП (б) в ноябре 1928 г. стал серьезным испытанием для Г.М. Кржижановского. ореол одного из первых марксистов России и личного друга В.И. Ульянова еще в петербургский период (1893–1895 гг.) уже не гарантировал политическую безопасность. В памяти И.В. Сталина и его окружения Г.М. Кржижановский оставался убежденным сторонником нэпа и экономических принципов регулирования экономики; руководителем того Госплана 1920-х гг., в котором работали ученые, открыто выступавшие против волюнтаристских методов форсирования темпов роста народного хозяйства и зафиксировавшие свою позицию во всех вариантах Первого пятилетнего плана.

Ни истерия «военной угрозы», ни сталинский «ультралевый поворот» политического курса с декабря 1927 г. [Хлевнюк, 2016. С. 150–158], не изменили основной направленности действий работников Госплана во главе с Г.М. Кржижановским: специалисты ориентировались на эффективное участие в мировом разделении труда; с уважением относились к оценке достижений зарубежных государств в области реализации идеи предвидения, планомерности [Каким быть плану, 1989. С. 11]. Трудно сказать насколько госплановцы понимали, что «военная истерия» носит искусственный характер и реальной опасности войны не существовало, но курс экономистов на развитие многоукладной экономики в СССР, на сохранение взаимовыгодных отношений с западными странами отчетливо выразился в целом ряде вариантов первого пятилетнего плана.

Так в подготовленных в 1927 г. «Перспективах развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану)», в разделе «Обобществление» звучало следующее: «дальнейшие крупные, исторически-решающие сдвиги в области обобществления будут возможны лишь после того как в народном хозяйстве образуются новые материально-производственные предпосылки обобществления». Более того, это положение, носящее стратегическое значение, недвусмысленно уточнялось: «в ближайшие годы, до тех пор, пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой ... нет смысла форсировать обобществление» [Перспективы..., 1927. С. 45]. Как видно, у госплановцев не вызвала сомнений соответствие экономической модели нэпа для решения задач индустриализации.

Тревогу же должно было вызывать не наличие частного сектора в экономике, а *неэффективность государственного сектора*, в системе управления которого присутствовали «уродливые явления». Отсюда в ближайшее пятилетие необходимо было провести «определенную перезагрузку частного капитала, вытесняя его из тех позиций, в которых

он вредит социалистическому хозяйству, и переводя его в те области, где он может быть полезным социалистическому сектору» [*Перспективы...*, 1927. С. 45–46].

На пленуме ЦК в ноябре 1928 г. были представлены три доклада «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29г.»: двух сторонников обоснованных темпов роста экономики (А.И. Рыкова, Г.М. Кржижановского) и приверженца форсированной индустриализации, председателя ВСНХ В.В. Куйбышева.

Выступая с содокладом [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 53–76], руководитель Госплана выразил свое понимание Пятилетнего плана: в индустриализации Кржижановский выделил главное направление – механизацию производственных процессов. «Рационализация промышленности» – ведущий тезис директивных документов второй половины 20-х гг. – по мнению Кржижановского, означала, во-первых, «перенос центра тяжести в хозяйственной работе с простой физической силы... на машины. ... Рационализация сама по себе сокращает поле приложения этого (физического) труда». В представлении Кржижановского – одного из первых марксистов России, социализм означал освобождение человека от тяжелого физического труда, т.е. раскрепощение [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 55].

Во-вторых, «реконструкция будет отличаться по характеру своей работы, прежде всего, подъемом качественных показателей, а между тем количественные нужды в продукции, противостоящие нам, часто заставляют нас пренебрегать этим качеством» [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 55]. Как видно, приоритетом Пятилетнего плана должны были выступать не количественные, а качественные показатели.

Кржижановский указал на *примерные показатели* экономического роста в соответствии с индикаторами Пятилетнего плана: «когда мы говорим о темпах индустриализации, мы полагаем, что в эту пятилетку мы продвинемся примерно на удвоение нашего хозяйства от отправного варианта или на некоторое превышение этого удвоения – в два с половиной раза. Мы думаем, что мы в промышленность должны будем вложить от 8 до 12 млрд на капитальное строительство промышленности. Если верна наметка перспективного плана, то выходит, что около 20% подъема продукции должно намечаться из года в год и от 1600 млн до 1800 млн мы должны намечать каждый год по линии капитального строительства». И далее ученый дополнил управленца: «мы себе не создаем фетиша из этих цифр, и вообще нам, большевикам, не пристало создавать фетиша из каких бы то ни было ставок» [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 59].

Взгляд главы Госплана на аграрную проблему целиком совпадал с позицией Рыкова: механизация сельского хозяйства, широкий диапазон мер по повышению урожайности должны были касаться как колхозов и совхозов, так и индивидуальных крестьянских хозяйств. Предостерегая от поспешности обобществления крестьянских хозяйств, Кржижановский связывал последовательность этапов модернизации села с появлением необходимой технической базы и электрификацией деревни [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 61–63].

Проблема заключалась в том, что развитие нэповской экономики выдвигало все более сложные вопросы. Растущие запросы советской промышленности требовали стремительно возрастающих капиталовложений. «Нам нужен внешний кредит на 1,5 млрд руб. ... Можем рассчитывать только на 700 млн руб.», – говорил на ноябрьском Пленуме (1928 г.) ЦК ВКП (б) Кржижановский [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 54–55]. Такая мысль явно шла в разрез с утверждениями Сталина об экономической блокаде СССР и нарастании военной опасности.

Принципиально иным был сталинский подход к осуществлению индустриализации. «Нельзя без конца, т.е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах, на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства» [*Как ломали нэп*.

Т. 3, 2000. С. 206]. Кто и как, на основании каких принципов, определяет параметры «слишком долгого периода», Сталин не пояснил. При отсутствии объективных факторов, оставались субъективные: «решение ЦК».

В своей речи Сталин неоднократно цитировал резолюции июльского Пленума ЦК 1928 г., но каждый раз по-своему расставлял акценты. Так укрепление «старых» колхозов и совхозов, строительство «новых» совхозов из только *одного из многих путей* развития деревни у генерального секретаря ЦК превратилось в оптимальный и наиболее «социалистический» путь развития [*Как ломали нэп*. Т. 3, 2000. С. 210].

Само восприятие советского индустриального проекта у участников Пленума было разным, но имеющиеся к ноябрю 1928 г. основы научности вариантов пятилетнего плана конструировали ту информационную среду, в которой противоречия между догмой и социальной практикой могли еще решаться в формате открытой дискуссии, где «сила давления» сверху могла быть уравновешена «силой аргументов». Победив на апрельском и июльском Пленумах ЦК 1928 г., сторонники продолжения нэповской политики *не проиграли* «третье» сражение в ноябре [Фельдман, 2019. С. 159–177].

Время между ноябрьским (1928 г.) и апрельским (1929 г.) Пленумами ЦК ВКП (б) стало периодом ожесточенных дискуссий приверженцев и противников нэпа. Чем дальше, тем ощутимее становилось превосходство последних, использовавших в полной мере как подтасовку фактов, демагогию и прямой обман, так и антикапиталистические аргументы ортодоксального большевизма [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 3. С. 6–17].

Тем не менее на V съезде плановых работников СССР в марте 1929 г., рассмотревшим, как казалось, «окончательный» вариант Пятилетнего плана, Кржижановский и его соратники сохранили свои концептуальные подходы.

Во-первых, госплановцы оставались приверженцами индикативного планирования. Во «Вступительном слове» на пятом съезде Г.М. Кржижановского это звучало недвусмысленно: «Пятилетний план не выливается в окончательную форму, его установки не должны иметь характера твердых цифр» [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 17]. Согласно предложенного Госпланом проекта пятилетнего плана, строительство большинства крупных промышленных предприятий, из числа тех, кто реально войдет в строй в СССР за годы первой пятилетки, сочеталось с планами повышения энерговооруженности рабочего места (в среднем на 90 %). Сооружение 22 крупного машиностроительных заводов по отправному варианту и 30 – по оптимальному, рассматривалось как важнейшая задача пятилетки [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 46–56, 102, 180–193].

Особенностью проекта пятилетнего плана было то, что он является единым документом, построенным как в отраслевом, так и районном разрезе на основе 28 пятилетних планов республик и крупных областей [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 182]. Предлагаемый проект пятилетнего плана намечал умеренные темпы роста доли колхозов в товарной продукции села: с 0,8% до 14,9% и совхозов – с 3,6 до 8%; при этом индивидуальные хозяйства сохраняли приоритетные позиции, даже сократив свою долю за пятилетие с 96,6 до 77,1% [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 274]. Обоснованно звучали строки о необходимости «разделять кулака и крестьянина, поднимающегося вверх за счет усвоения агрокультур и кооперации» [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 296]. Большое значение придавалось землеустройству, содействию в росте производителям в увеличении поголовья рабочего скота и снабжению производителей простейшими орудиями и инвентарем.

Проект пятилетнего плана предусматривал рост товарной продукции сельского хозяйства за пятилетие с 2990 млн руб. до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн руб. по оптимальному [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 273]. Таким образом, при сохранении нэповской модели сельского хозяйства за счет развития кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п., крестьянство могло нарастить *товарную продукцию* сельского хозяйства на 2,4–3,5 млрд рублей.

Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства позволяло получить в виде налогов и займов 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд руб. у «кулаков»; 1,8 млрд – у середнячества. Около 300 млн из этой собранной суммы должно было быть перераспределено для укрепления бедняцких дворов [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 159–161]. За счет займов у населения (добровольных по форме и во многом обязательных в реальности) планировалось привлечь 2,2 млрд руб. Еще миллиард должна была дать эмиссия банковских билетов [*Проблемы реконструкции...*, 1929. С. 456–457]. *Аккумуляция всех этих средств в руках государства выдвигала на первый план задачу рационального и умелого их использования.*

Запланированное наращивание экспорта нефти и леса – главных статей советского внешнеторгового оборота конца 1920-х – начала 1930-х гг. [*Внешняя...* С. 18, 67, 104] могло компенсировать колебания показателей вывоза за рубеж зерна – эта мысль достаточно четко прозвучала в выступлении наркома внутренней и внешней торговли А.И. Микояна на Пленуме ЦК ВКП (б) в июле 1928 г. [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 2. С. 210].

Как видно, предложенные Госпланом источники финансирования позволяли решить задачу, озвученную на Ноябрьском 1928 г. Пленуме: «найти от 8 до 12 млрд на капитальное строительство промышленности». **Команда Кржижановского давала однозначно утвердительный ответ на вопрос о возможностях нэповской экономики реализовать советский индустриальный проект.**

Однако доводы Кржижановского и его коллег оказались не востребованными на апрельском (1929) Пленуме ЦК, целиком посвященном внутрипартийной борьбе, и завершившемся победой сторонников Сталина. На Пленуме, проходящем с 16 по 23 апреля 1929 г., еще прорывались уважительные признания к тем «старым большевикам», которые сумели осознать и осмыслить реалии нэпа. Так, один из ближайших соратников Сталина – К.Е. Ворошилов – охарактеризовав «Пятилетний план, разработанный Госпланом под руководством уважаемого и любимого Глеба Максимилиановича Кржижановского» – великолепным [*Как ломали нэп*, 2000. Т. 4. С. 389], активно поддерживал все действия, направленные на кардинальную деформацию Пятилетнего плана. Но это были только рудименты прошлой «романтической эпохи» в политическом спектакле, организованном Сталиным и его сподвижниками.

Практика трех докладов о Пятилетнем плане развития народного хозяйства (СНХ, Госплана, ВСНХ) продолжилась и на XVI всесоюзной конференции ВКП(б) в апреле 1929 г. Предварительное сближение плановых установок Госплана и ВСНХ на деле означало в большей степени уступки госплановцев директивам ВСНХ под руководством В.В. Куйбышева и стоящего за его спиной Сталина [*Звездин*, 1979. С. 231, 233]. За каждой уступкой шло сокращение пределов многоукладной экономики.

В то же время ни доклад Кржижановского, ни доклад Куйбышева, открывавшие утреннее заседание 24 апреля, не содержали каких-то критических замечаний в адрес выступления главы советского правительства. Можно предполагать, что в ходе длительных споров и согласований трех руководителей, («хозяйственников», по терминологии того времени) формировались и общие подходы. Только в самом конце докладов Кржижановского и Куйбышева прозвучало ритуальное осуждение «правого уклона» [*Шестнадцатая конференция*, 1962. С. 55, 78].

При обсуждении путей развития сельского хозяйства Рыков явственно утверждал возможность сосуществования колхозно-совхозного и индивидуального секторов в деревне. В то же время в докладе руководителя Госплана Г.М. Кржижановского, «в духе времени» предлагаемые варианты сопровождались антикулацкой риторикой» [*Шестнадцатая конференция*, 1962. С. 37], а у председателя ВСНХ В.В. Куйбышева – еще и угрозами («не мирным путем будет социализирована деревня, не мирным путем будут расти колхозы и совхозы» [*Шестнадцатая конференция*, 1962. С. 70],

Все доклады Г.М.Кржижановского на предшествующих партийных форумах были дипломатически выдержаны: глава Госплана стремился поставить разработку проектов Первого пятилетнего плана над внутрипартийными дискуссиями и вне личной или групповой борьбы за власть. Это удавалось Г.М. Кржижановскому довольно долго: до весны 1929 г. – времени победы сталинской фракции. На XVI всесоюзной конференции ВКП(б) Кржижановскому отступление на «плановом фронте» пришлось дополнить отступлением идеологическим.

В ноябре 1929 г. на Пленуме ЦК предшествующая практика трех докладов о вариантах экономического развития (СНК, Госплана, ВСНХ) была нарушена. Поступивший 19 октября 1929 г. в Политбюро текст доклада Рыкова был забракован Сталиным: генерального секретаря не устраивало отсутствие в тексте положений о «бурных успехах социалистического строительства» [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 12].

Первый день работы Пленума ЦК – 10 ноября 1929 г. – открывался докладом Кржижановского «Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/1930 хоз. г.». Еще в марте 1929 г. Г.М. Кржижановский, выступая на Пятом съезде работников госпланов СССР, мог указать на давление «сверху» на составителей Первого пятилетнего плана [Проблемы реконструкции..., 1929. С. 9, 74].

10 ноября 1929 г., упомянув о грандиозных задачах Первого пятилетнего плана, принятого V съездом Советов в мае 1929 г. (чьи количественные показатели, вопреки усилиям Кржижановского, неоднократно необоснованно увеличивались в период с апреля 1928 г. по апрель 1929 г.), руководитель Госплана только констатировал факт очередного резкого увеличения плановых показателей на основе «целого ряда постановлений директивного (партийного) органа» летом – осенью 1929 г.».

Примеры удвоения плановых заданий по выпуску тракторов уже *после утверждения Первого пятилетнего плана*; сооружения двух заводов комбайнов, способных «превзойти выпуск подобных машин в США» [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 23], увеличения ежегодных темпов промышленного развития с 20 до 30% Кржижановский оставил без комментариев о возможности выполнения: поле для маневра у председателя Госплана было весьма узким; тона должны были уступить место намекам; четкость мысли – недосказанным фразам.

Так, указав на стремительный скачок капиталовложений в промышленное строительство: с 8–12 млрд руб. вложений в народное хозяйство СССР в 1929/1930 г. по утвержденному в мае 1929 г. пятилетнему плану, они (формально – по настоянию ВСНХ, фактически – по инициативе Сталина) должны были возрасти до 15–16 млрд руб.), Кржижановский только во второй части доклада отметил, что подобное увеличение осуществлено за «**счет чрезмерного роста эмиссии, которая резко превзошла наши плановые предположения**» [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 20,27.]

Можно предположить, что тот факт, что в резолюции Пленума объем капиталовложений в народное хозяйство СССР на 1929/1930 гг. был все-таки несколько снижен – до 13,2 млрд руб. [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 547], произошло под воздействием председателя Госплана.

Но удержаться на вершине хозяйственного аппарата в большевистском государстве можно было, только выражая демонстративную поддержку партийных лидеров, и Кржижановский ввел весьма сомнительное утверждение о том, что эмиссия не опасна, поскольку нацелена на решение проблемы хлебозаготовок и закупок технического сырья [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 27.]

Слова о необходимости ожесточенной «борьбы с троцкистами и полутроцкистами с одной стороны, и (одновременно) борьбы с квазиреалистами-правооппортунистами» [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 24] звучали впервые в лексиконе руководителя Госплана, на протяжении весны 1928 – весны 1929 гг. упорно отстаивавшего реализм плановых заданий

совместно с теми, кто был на апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б) заклеен в качестве «правых».

Очевидно, что Кржижановский пытался сберечь, хотя бы частично, творение экономической науки России – Пятилетний план. Однако демократический вектор русского марксизма к концу 1920-х гг. заметно сузился – до границ профессионального выполнения своих обязанностей. Но профессионализм – только инструмент и оружие в руках людей, подчиняющихся или не подчиняющихся обстоятельствам.

В конкретной же ситуации 10 ноября 1929 г., выступая перед просталинским большинством членов ЦК, Кржижановский поддержал введение **классового подхода** к ежедневным нормам обеспечения печеного хлеба: лицам промышленного, тяжелого и сезонного труда полагалось 1000 г ежедневной порции; остальным рабочим – 800 г, а прочему населению – 400 г [Как ломали нэп, 2000. Т.5. С. 31–32]. О том, что предложенная мера означает возвращение к порядкам и стандартам «военного коммунизма», обрекающим огромную часть населения на голод и лишения, соратник Ленина предпочел не упоминать.

Тем не менее для части участников Пленума безусловная верность вождю была важнее профессиональной пригодности. Пренебрежительные оценки, с элементами глумления, прозвучали и в адрес Кржижановского и еще одного «старого большевика», председателя ЦИК Г.И. Петровского, за недостаточную резкость оценок деятельности правых [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 171, 185].

Думающие участники Пленума это осознали. Заключительное слово по обсуждению первого вопроса, Кржижановский начал с примечательной фразы: «время для моего выступления самое неблагоприятное» [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 270]. Не раскрывая смысл произнесенных слов, председатель Госплана, максимально мягко, указал на опасность выполнения требований ряда региональных лидеров существенно увеличить расходы на финансирование нового строительства [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 270–274].

Эту мысль, правда, только в отношении откровенно волюнтаристских предложений руководителей Уральской области, поддержал в Заключительном слове и Куйбышев, заметивший, что нехватка материальных и людских ресурсов потребует сокращения числа строящихся объектов [Как ломали нэп, 2000. Т. 5. С. 264–269].

Сторонники сохранения нэпа, потерпевшие поражение еще в апреле 1929 г., в ноябре 1929 г. были заклеены и унижены, но экономическая проза в «Заключительных словах» Куйбышева и Кржижановского возвращала партийных функционеров к объективной реальности. Формат работы Пленума ЦК определяли не только заготовки фракции Сталина, но и возможности экономики, социальной структуры общества; нежелание либо неготовность ряда «цекистов» называть черное белым.

Вместе с тем укрепление власти генерального секретаря ЦК все в большей степени определяло порядок проведения партийных форумов. На XVI съезде ВКП (б) в июле 1930 г. Кржижановскому было дозволено выступить только в прениях по докладу председателя ВСНХ Куйбышева [Шестнадцатый съезд, 1930. С. 979–989].

В отличие от практики 1928–1929 гг. позиция ВСНХ превращалась в единственную, и неосторожная фраза Кржижановского, высказанная в форме образного выражения в марте 1929 г. на V съезде плановых работников «прения должны быть гильотинированы» [Проблемы реконструкции..., 1929. С. 9] – обрела свое реальное существование. Оппонент ВСНХ – председатель Госплана – был лишен права оппонирования и ограничен общими замечаниями.

В принципе Кржижановский поддержал курс форсированной индустриализации, не пожалев высоких слов для одобрения социалистической реконструкции и «великого исторического перелома» [Шестнадцатый съезд, 1930. С. 980].

Но делегаты съезда не могли не обратить внимание на основные тезисы выступления председателя Госплана. Во-первых, Кржижановский поддержал критическую часть

выступления Орджоникидзе, давшего «исчерпывавшую картину отрицательных моментов нашей хозяйственной работы» [*Шестнадцатый съезд*, 1930. С. 980]. Во-вторых, по мнению главы Госплана, у возможностей экономического роста существовал объективный предел, границы которого определяет *научный анализ* [*Шестнадцатый съезд*, 1930. С. 983].

В-третьих, весьма жестко прозвучали слова Кржижановского о недопустимости понижения качества выпускаемой продукции в угоду количественным показателям. «Добиваться увеличения количественных показателей путем фальсификации качества – это означает принижать силу тех рычагов, которыми мы располагаем, это значит снижать (усилия) гиганта до ухищрения карлика»(!) [*Шестнадцатый съезд*, 1930. С. 984]. По мысли Кржижановского, барьером на пути снижения качества производимых товаров должна стать всеобщая стандартизация продукции, возведенная в ранг обязательной к исполнению соответствующим нормативным документом [*Шестнадцатый съезд*, 1930. С. 984].

Фактически Кржижановский вступил против основополагающих постулатов сталинской индустриализации – веры в неограниченные возможности директивной экономики; ставки на количественные показатели; вторичность качественных показателей; произвольного отношения к роли науки и научного анализа.

Показательно, что произнеся только один раз имя Сталина, Кржижановский четырежды упомянул имя Ленина. Слова ветерана партии: «профиль этой пятилетки – ленинский» [*Шестнадцатый съезд*, 1930. С. 987] в определенном смысле стали вызовом официальной пропаганде, активно формирующей образ «вождя советского народа» и организатора «сталинской индустриализации».

Трудно сказать, понимал ли 60-летний марксист, что его деятельность на посту председателя Госплана подходит к концу. Судьба старых большевиков (Г.В. Чичерина, А.В. Луначарского, Н.Н. Брюханова, Н.А. Семашко и др.), покинувших посты наркомов в период конца 1929–1930 гг., подсказывала утвердительный ответ.

Отступив от своих принципов в ноябре 1929 г., 9 июля 1930 г. в своем последнем выступлении в качестве руководителя Госплана Кржижановский на трибуне XVI съезда ВКП(б) «распрявил спину» и продолжил линию отстаивания научных подходов к развитию плановой экономики. Демократический вектор российского марксизма вступил в противостояние с его догматической составляющей. История последующих 90 лет показала: у этого сражения нет победителей, есть только пострадавшие. Рожденной в самом начале XX в. социал-демократии России удалось запустить проект модернизации своей страны, вот только топливом стали собственные «жизни пламенных революционеров».

В ноябре 1930 г. Кржижановский будет освобожден от должности председателя Госплана и перемещен на второстепенную должность. Выжить в годы массовых репрессий, унесших большинство из соратников Ленина, удалось, скорее всего, только потому, что тех, кто стоял еще у истоков социал-демократического движения, Сталин старался не трогать: «социалистическому государству» требовался соответствующий декор. И в самом деле: из пяти членов Руководящего центра «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» к 1926 г. в живых оставался только один человек – Кржижановский.

Однако выжить в 1930-е гг. управленцам «с именем» можно было только подписывая вполне определенные документы. В 1930 г. [*Вредительство как оно есть*, 1930], и в 1931 г. [*Вредительство в энергетике*, 1931] в свет вышли две брошюры, в которых на основании «убедительных материалов следственных дел» Кржижановский осуждал «вредительскую деятельность контрреволюционных организаций» (прежде всего – «Промышленной партии») в среде инженеров и техников. Можно только предполагать, каким образом в руках Кржижановского оказались подробные выписки из материалов следствия; кто вручил комментарии к ним, и кто заставил Кржижановского приписать соратнику по Госплану – Л.К. Рамзину – планы «контрреволюционного переворота», и близость взглядов к фашистским [*Вредительство в энергетике*, 1931. С. 8].

Сталин хорошо знал, что в основу рассмотрения дела «Промышленной партии» были положены следственные материалы, сфабрикованные органами ОГПУ. Фактов, о которых так громогласно говорил генсек, не существовало в природе. В 2000 г. Генпрокуратура РФ дала государственно-правовую оценку «убедительным материалам следственных дел», сняв, спустя более 70 лет, груз обвинений с подсудимых [Красильников, 2009. С. 60].

Однако и это не уберегло Кржижановского от нападков со стороны генсека. Еще в советское время исследователи отмечали, что отношения между Сталиным и Кржижановским стали осложняться очень давно: очевидец зарождения РСДРП и активный участник революций в России был потенциально опасен претенденту на статус «вождя». При таких условиях подозрения и ревность генсека к Кржижановскому были неизбежны. 10 ноября 1930 г. был подписан приказ об освобождении Кржижановского от обязанностей председателя Госплана Союза ССР [Карцев, 1985. С. 339].

С конца 1930-х гг. усилились придирки к Кржижановскому, выступившему против курса на преимущественное строительство небольших и средних электростанций в СССР в годы третьей пятилетки. Обнаружились письма Кржижановского, в которых он нелестно отзывался о Сталине. Этого было достаточно для осуществления ряда репрессивных мер. Кржижановского буквально терроризировали, вызывали на допросы, предъявляя одно за другим нелепые обвинения [Карцев, 1985. С. 355–357, 359].

В длительный, весьма нелегкий период (1930–1959 гг.) Кржижановский возглавлял Энергетический институт, занимал должность вице-президента АН СССР. «Старым большевиком», пережившим рубеж 1937 г., не возбранялось заниматься прогнозами и научными проектами; писать идеологически выдержанные статьи и мемуары.

Но главное детище Кржижановского – Первый пятилетний план, задержавшись из-за внутрипартийной борьбы как минимум на год, в «пеленках» многочисленных вариантов, жил своей собственной жизнью, требуя осмысления реальности начала 1930-х гг., призывая управленческий корпус к прозрению. Индустриальный проект для своего осуществления «приказывал выжить», не гарантируя никому счастливого конца.

Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности 30 января – 4 февраля 1931 г. [Первая..., 1931] стала первым шагом на этом пути. Анализ выступлений участников конференции позволяет сделать следующие выводы: конференция не привела к росту авторитета Сталина: его имя вообще отсутствовало в прениях, и это был скрытый сигнал руководству страны. Выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции конференции были направлены на корректировку экономического курса, но не на его слепую поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

- Внешняя торговля СССР за 1918–1940. (1960). Стат. обзор. М: Внешторгиздат.
- Звездин З.К. (1979). От плана ГОЭРЛО к плану первой пятилетки. М.: Наука.
- Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП (б). 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б). 4–12 июля 1928. М.: Международный фонд «Демократия».
- Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП (б). 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б). 16–24 ноября 1928. М.: Международный фонд «Демократия».
- Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП (б). 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 4. Пленум ЦК ВКП(б). 16–23 апреля 1929. М.: Международный фонд «Демократия».
- Как ломали НЭП (2000). Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП (б). 1928–1929 гг.: В 5 т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б). 10–17 ноября 1929. М.: Международный фонд «Демократия».
- Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. (1989). Статьи и современный комментарий / Сост. Корицкий Э.Б. Л.: Лениздат.
- Карцев В.П. (1985). Кржижановский. 2-е изд. (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия.
- Красильников С.А. (2009). Шахтинский процесс 1928 г.: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 1. № 8. История. С. 59–66.

- Кржижановский Г.М. (1930). Вредительство как оно есть. М.-Л.: Госиздат.
- Кржижановский Г.М. (1931). Вредительство в энергетике. М.-Л.: Гос.соц.-эконом. издат.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. (1931). М.-Л: Соцэкономиздат.
- Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. (Материалы центральной комиссии по пятилетнему плану). (1927). Под ред. С.Г. Струмилина. М.: Госплан СССР.
- Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний план на V съезде советов госпланов). (1929). М.: Плановое хозяйство.
- Фельдман М.А. (2019). Третье сражение – вопрос о путях социально-экономического развития СССР на Ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. №2. С. 159–177.
- Хлевнюк О.В. (2016). Сталин. Жизнь одного вождя. М: АСТ.
- Шестнадцатая конференция ВКП (б). 23–29 апреля 1929: Стенографический отчет. М. Политиздат. 1962.
- Шестнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930. (1935). В 2 т. Т. 2. М: Партиздат.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg).

feldman-mih@yandex.ru

THE FATE OF THE RUSSIAN MARXIST AT THE TURNING POINT OF EPOCHS

Abstract. The article analyzes the events in the life of a prominent political figure of the Soviet state, G.M. Krizhanovsky, during a crucial period of Russian history: from The November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) to the Sixteenth party Congress in June – July 1930. It is concluded that Gosplan under the leadership of Krizhanovsky was able to justify the possibility of financing an Industrial project based on the possibilities of the NEP economy to implement the Soviet industrial project. It is noted that, despite the defeat, the “right” managed to present its program of modernization of the country, to point out the negative consequences of the implementation of the left-radical course of Stalin. The reasons for the defeat of supporters of the rational way of building a new society are revealed.

Key words: *G. M. Krzhizhanovsky, the Plenum, the party, the Congress, the right, the industrialization; USSR.*

JEL: B24, B31, P21, P30.

REFERENCES

- Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1918–1940. (1960). Statisticheskij obzor [Foreign trade of the USSR for 1918–1940. Statistical overview]. M: Vneshtorgizdat.
- Zvezdin Z. K. (1979). Ot plana GOERLO k planu pervoj pyatiletki [From the GOERLO plan to the first five-year plan]. Moscow: Nauka.
- Kak lomali NEP (2000). Stenogrammy plenumov TSK i TSKK VKP(b). 1928–1929 gg.: V 5 t., t. 2. Plenum TSK VKP(b). 4–12 iyulya’ 1928. [How the NEP was broken. Stenogrammy plenumov CzK i CzKK VKP(b). 1928–1929 gg. In 5 vols, vol. 3. The Plenum of the Central Committee of the CPSU(b).). July 4–12 1928]. Moscow: Mezhdunarodniy Fond “Democratija”. PSU (b). July 4–12, 1928. Moscow: international Foundation for Democracy.
- Kak lomali NEP (2000). Stenogrammy plenumov TSK i TSKK VKP(b). 1928–1929 gg.: V 5 t., t. 3. Plenum TSK VKP(b). 16–24 noyabr’ 1928. [How the NEP was broken. Stenogrammy plenumov CzK i CzKK VKP(b). 1928–1929 gg. In 5 vols, vol. 3. The Plenum of the Central Committee of the CPSU(b). November 16–24.1928]. Moscow: Mezhdunarodniy Fond «Democratija».
- Kak lomali NEP (2000). Stenogrammy plenumov TSK i TSKK VKP(b). 1928–1929 gg.: V 5 t., t. 5. Plenum TSK VKP(b). 16–24 noyabr’ 1928. [How the NEP was broken. Stenogrammy plenumov CzK i CzKK VKP(b). 1928–1929 gg. In 5 vols, vol. 3. The Plenum of the Central Committee of the CPSU(b). November 16–24. 1928]. Moscow: Mezhdunarodniy Fond – «Democratija».
- Kak lomali NEP (2000) Stenogrammy plenumov TSK i TSKK VKP(b). 1928–1929 gg.: V 5 t., t. 5. Plenum TSK VKP(b). 10–17 noyabr’ 1929. [How the NEP was broken. Stenogrammy plenumov CzK i CzKK VKP(b).

- 1928–1929 gg. In 5 vols, vol. 5. The Plenum of the Central Committee of the CPSU(b). 10–17 November 1929]. Moscow: Mezhdunarodniy Fond «Demokratiya».
- Kakim byt' planu: diskussii 20-h godov. Stat'i i sovremennyy kommenta (1989) [What the plan should be: discussions of the 20s. Articles and modern commentary] / comp. Koritsky E.B. L.: Lenizdat.
- Krasilnikov S.A.* (2009). Shahtinskij process 1928 g.: predvaritel'noe sledstvie v arhivnyh dokumentah [Shakhtinsky process of 1928: preliminary investigation in archival documents] // Vestnik NSU. Series: History. Philology. No. 8. Vol. 1. History. Pp. 59–66.
- Kartsev V.P.* (1985). Krzhizhanovskij. [Krzhizhanovsky.]. 2nd ed. (ZHSL), M.: Young guard.
- Krzhizhanovsky G.M.* (1930). Vreditel'stvo kak ono est'. [Sabotage as it is.]. M.-L.: State Publishing House.
- Krzhizhanovsky G. M.* (1931). Vreditel'stvo v energetike. [Sabotage in the energy sector]. M.-L.
- Pervaya Vsesoyuznaya konferenciya rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti. Stenograficheskij otchet s 30 yanvarya po 5 fevralya 1931 (1931). [The first all-Union conference of workers in socialist industry. Verbatim report from January 30 to February 5, 1931]. M-L: Socionomist.
- Perspektivy razvertyvaniya narodnogo hozyajstva SSSR na 1926/27–1930/31 gg. (Materialy central'noj komissii po pyatiletnemu planu [Prospects for the deployment of the national economy of the USSR for 1926/27–1930/31 (Materials of the Central Commission on the five-year plan)]. (1927) edited by S. G. Strumilin. Moscow: Gosplan of the USSR.
- Problemy rekonstrukcii narodnogo hozyajstva na pyatiletie (pyatiletnij plan na pyatom s'ezde sovetov gosplanov (1929). [Problems of reconstruction of the national economy for the fifth year (five-year plan at the fifth Congress of state planning councils)]. M.: Planned economy.
- M.A. Feldman* (2019). Tret'e srazhenie – vopros o putyah social'no-ekonomicheskogo razvitiya SSSR na Noyabr'skom (1928) Plenumе CK VKP (b) [The third battle is the question of the ways of social and economic development of the USSR at The November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b)] // Russia and the modern world. No. 2. Pp. 159–177.
- Khlevnyuk O.V.* (2016) Stalin. ZHizn' odnogo vozhdya. [Stalin. The life of a leader]. M: AST.
- Shestnadcataya konferenciya VKP (b). 23–29 aprelya 1929. Stenograficheskij otchet (1962). [Sixteenth conference of the CPSU (b). April 23–29, 1929. Verbatim record.]. M.: Politizdat.
- Shestnadcatyj s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b) (1935). [Sixteenth Congress of the all-Union Communist party (b) June 26–July 13, 1930]. In two volumes. Vol. 2. M: Partizdat.

А.С. Соколов

*д.и.н., Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В.Ф. Уткина (Рязань)*

СВОРАЧИВАНИЕ НЭПА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Аннотация. В статье представлен анализ событий новой экономической политики. Анализируются причины кризисных явлений в развитии нэпа. Отмечено, что его свертывание проходило под влиянием внутренних и внешнеполитических обстоятельств. Выявлено, что к концу 1920-х гг. наблюдалось изживание системы нэпа. Сделан вывод о том, что осуществление быстрой индустриализации в рамках нэпа было невозможно.

Ключевые слова: *новая, экономическая политика, товарный кризис, концессии, модернизация, международные отношения, финансы.*

JEL: B24, N14, N24, N44.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10208.

Накануне юбилея новой экономической политики этот советский период российской истории вновь привлекает внимание историков, экономистов, политологов. При этом высказываются различные мнения относительно уроков и итогов нэпа. Одни считают, что не стоит идеализировать нэп, который не стал золотым веком ни для города, ни для деревни [Осокина, 2008. С. 57], другие указывают на наличие в нэповской экономике необходимого потенциала для ускоренной модернизации СССР [Фельдман, 2019. С. 136]. Конечно, по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг. в обществе наблюдается снижение внимания к нэповской проблематике. Тем не менее в современной историографии наблюдается интерес к предпосылкам свертывания нэпа. Одни авторы видят их в антирыночной политике большевистского руководства, другие – в причинах идеолого-политического характера. Последние считают, что нэп «себя не изжил», партийно-государственной верхушкой был совершен «слом» нэпа насильственным путем. По нашему мнению, свертывание нэпа было связано с экономическими факторами, вокруг которых «крутились события».

Осуществление принципов нэпа сопровождалось рядом кризисных явлений. Они имели место и в 1923 г. («кризис сбыта») в 1925–1926 гг. (товарный голод) на рубеже 1927–1928 гг. (кризис хлебозаготовок). Кризисы были вызваны не только просчетами субъективного свойства в связи с внутрипартийной борьбой, но и причинами объективного характера. Способы, которыми большевики справлялись с этими кризисами (директивная ценовая политика, применение чрезвычайных мер по отношению к частному сектору) заводили нэп в тупик. Принимаемые меры по преодолению очередного кризиса способствовали дальнейшему сужению рыночного пространства. Можно согласиться с мнением, что нэп следует рассматривать как попытку приспособления государственного сектора экономики к рынку в целях преодоления последнего [Орлов, 2015. С. 59]. Именно это противоречие создавало питательную среду в социально-экономической сфере.

Во второй половине 1920-х гг. в ходе восстановления экономики в условиях сочетания плановой экономики и элементов рынка остро встал вопрос о дальнейших темпах

и методах модернизации страны. Все очевиднее становился факт: нэп оказывается весьма неэффективной моделью для решения модернизационных задач [Сенявский, 2006. С. 19]. К началу 1928 г. политика «экономической смычки» между городом и деревней сопровождалась острейшим кризисом хлебозаготовок. К 1928 г. в СССР национальный доход оказался на 12–15% ниже уровня 1913 г., душевое же производство, с учетом роста населения на 5%, уменьшилось на 17–20% [Ханин, 1989. С. 69]. Осваивая новое производство и вводя новые технологии к 1927 г. крупная государственная промышленность в целом достигла довоенного уровня. В то же время государственная промышленность к концу 1928 г. не достигла уровня 1913 г. по производству чугуна, стали, цветных металлов, проката, строительных материалов, а земледелие – размеров посевных площадей под зерновые и валовому сбору зерновых [Шишкин, 1997. С. 290]. Товарная часть зернового производства значительно уменьшилась и составила в 1928 г. только 48,4% от уровня 1913 г. Но при этом численность городского населения увеличилась на 2,9 млн человек, и потому годовая норма среднедушевого потребления хлебных продуктов в городах сократилась с 200 кг в 1913 г. до 86,5 кг в 1928 г. [Бокарев, 2006. С. 128]. Диспропорции между секторами экономики сохранялись. СССР по-прежнему оставался на начальном этапе индустриализации: крупной промышленностью производилось не более 25% национального дохода страны [Орлов, 2015. С. 84].

Были приняты недостаточно продуманные решения, положившие начало процессу нарушения хозяйственного равновесия. Этот процесс был связан с отходом от осторожной денежно-кредитной политики, осуществлявшейся в период проведения денежной реформы 1922–1924 гг. Вопреки обычному сезонному сжатию кредита и денежного обращения во II кв. 1927 г. Госбанк предоставил новых кредитов на 310,7 млн руб. против 30,1 млн руб. в соответствующем квартале, а денежная масса в обращении увеличилась на 135,8 млн руб. против 10 млн руб. в 1926 г. [Голанд, 1998. С. 57]. Этот рост был вызван, с одной стороны, широким развертыванием капитальных работ в промышленности, с другой, снижением промышленных цен для сжатия «ножниц» между промышленными и сельскохозяйственными товарами за счет оборотных средств промышленности и торговли. Все это приводило к дальнейшему росту цен, усилило нехватку товаров и обострило хлебозаготовительные трудности. В дальнейшем эмиссия денег была увеличена. В течение мая 1927 г. состояние денежного рынка продолжало оставаться напряженным. По данным Конъюнктурного института, в области финансов наблюдалось расширение эмиссии. В то время как в мае 1926 г. имело место сокращение денежного обращения на 49,9 млн руб., в мае 1927 г. денежное обращение увеличилось на 47 млн руб. [Экономический бюллетень Конъюнктурного института, 1927. С. 3]. По данным руководителя Валютного отдела Наркомата финансов СССР Л.Н. Юровского, эмиссия превзошла все показатели потребности народного хозяйства в деньгах. Она составила в 1927/1928 гг. 342 млн руб. При этом товарная масса за хозяйственный год увеличилась на 11,8%, тогда как количество денег возросло на 20,8% [Российский государственный архив экономики, ф.7733, оп.6, д. 34. л. 128, 142–158]. Неограниченная эмиссия вела к росту заработной платы. Зарплата на промышленных предприятиях вместо 7,2 по плану выросла на 10,5% [Осокина, 2008. С. 72]. Увеличение денежной массы в обращении при слабом росте производства товаров вело к быстрому развитию инфляции.

Страна оказалась в тяжелом валютном положении. Весной 1928 г. был введен запрет на перемещение советской валюты через границы СССР. Запрещался ввоз и пересылка из-за рубежа червонных банкнот, казначейских билетов, советских металлических денег, а также расчетных и платежных документов, не имеющих отношения к внешнеторговым операциям [Сборник законов. 1928. № 18. Ст. 152]. Советский рубль и советская денежная система оказались перенаправленными исключительно на обслуживание внутреннего экономического оборота при полной изоляции от операций мирового хозяйства [Борисов, 1997 С. 173].

Свертывание нэпа в экономике страны было связано и с проблемой внутренних займов, которые наряду с поступлениями от налогов формировали доход бюджета. Советское правительство и его финансово-экономические ведомства принимали меры для обеспечения поступательного роста внутреннего государственного кредитования народного хозяйства за счет населения страны. Уже в 1927 г. стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых ресурсов обычными методами. В 1927–1929 гг. правительство выпустило: три займа индустриализации, 10%-ный выигрышный заем, заем укрепления крестьянского хозяйства. Их отличительной особенностью было то, что они размещались среди трудящихся посредством коллективной подписки с рассрочкой платежа. Это ограничивало свободу действия подписчиков, что выражалось в психологическом давлении на граждан в период подписных кампаний. Например, в период хлебозаготовок 1928 г. у крестьян принудительно изымалось зерно в счет подписки на заем восстановления крестьянского хозяйства [Соколов А.С., 2012. С. 376]. Документы свидетельствуют, что люди в массовом порядке стали сбрасывать облигации займов. Внутренние государственные займы имели среднесрочный и долгосрочный характер. Большинство из них выпускалось сроком на 10 лет [История Министерства финансов России, 2002. С. 298]. Недостаточная величина финансовых ресурсов в 1928 г. была слишком тяжела для советской экономики. В целях их сохранения нужны были и принудительные займы, и дополнительный выпуск денежных знаков. В целях пополнения бюджета с 1927 г. была расширена продажа водки населению, доход от реализации которой составил 500 млн руб. [Орлов, 2002. С. 387].

Не дала сколько-нибудь значительных результатов и концессионная практика второй половины 1920-х гг. На 1 ноября 1927 г. было 163 концессии, но по отношению к предложениям доля заключенных договоров составляла лишь 7% [Орлов, 2002. С. 387]. Причинами свертывания концессионной политики было тяжелое состояние советской экономики, низкая производительность, отсутствие должных сырьевых ресурсов. Все это негативно влияло на рентабельность производства, себестоимость продукции и ее конкурентоспособность. В отдельных отраслях промышленности концессии сыграли известную положительную роль, но в целом доходы от них были незначительны. В 1926/27 г. они составили – 7 млн руб., в 1927/28 г. – 6,6 млн руб. [Шишкин, 1997. С. 299]. Состояние внешней торговли характеризовалось заметным понижением экспорта и ростом импорта. Понижение экспорта произошло главным образом за счет полного прекращения вывоза хлеба. Сократился также экспорт продуктов пищевой промышленности, марганцевой руды, кожсырья. За 1927/28 г. экспорт составил 691,7 млн руб. против 1926/27 г. – 665,4 млн руб. [Обухов, 2009. С. 140]. По данным таможенной статистики, затраты на импорт в 1927/28 г. превысили доходы от экспорта на 171 млн руб. [Осокина, 2009. С. 72]. Дефицит платежного баланса СССР покрывался продажей золота и платины. В целях усиления экспорта СТО принял постановление в июле 1928 г. «О капитальных вложениях в экспортные отрасли хозяйства». В 1928–1930 гг. экспорт превысил импорт и дал положительное сальдо в 12,9 млн руб. Экспорт был увеличен за счет леса, нефтепродуктов, железной руды, каменного угля, хлопчатобумажных тканей и прочих товаров.

Кризис хлебозаготовок 1927/28 г. резко ухудшил положение на внутреннем рынке. Широкое использование чрезвычайных мер означало слом нэпа в наиболее важной системе экономических отношений – отношений между городом и деревней. С октября 1927 г. в связи с плохим ходом хлебозаготовок продовольственная ситуация в промышленных регионах значительно ухудшилась. Перебои с хлебом в магазинах привели к росту цен на рынке. Начался резкий рост цен и 1927/28 г. стал первым годом их резкого скачка [Осокина, 2002. С. 404]. В конце 1928 г. в стране были введены карточки на хлеб, масло, сахар, крупу и промышленные товары. В связи с введением карточной системы снабжения городского населения деятельность потребительской кооперации начинает приобретать распределительный характер. Постановления 1929 г. превращали потребительскую коо-

перацию в инструмент плановой организации рынка и требовали от нее полной ответственности за свою работу [Суворова, 2013. С. 230]. Экономические меры в борьбе за хлеб привели к вытеснению частного торговца из хозяйственной сферы как экономическими, так и административными методами. Так в розничной торговле, по данным Госплана, в 1926/27 г. на долю частника приходилось 32% розничного оборота, а в 1927/28 г. – 18% [Орлов, 2007. С. 108].

В конце 1920-х гг. наблюдался процесс сокращения товарных бирж, их стали рассматривать как сборище спекулянтов и политической оппозиции. К марту 1927 г. в стране функционировало всего 14 бирж. [Орлов, 2015. С. 77]. Постепенно советские товарные биржи из органа содействия сбыту превращались в орган контроля над производством.

Стимулом для ускорения индустриализации являлась необходимость создания военно-промышленного комплекса страны. Надо было принимать во внимание идущий в мире бурный прогресс в производстве вооружений (авиации, танков, военного судостроения, артиллерии, военной химии). Осознание неготовности страны к войне в момент резкого обострения международной обстановки в конце 1920-х гг. безусловно повлияло на изменение планов военных приготовлений в Советском Союзе [Соколов, А.К., 2012. С. 68]. «Военная тревога» 1927 г. (разрыв дипломатических отношений с Англией, налет на советское полпредство в Пекине, убийство в Варшаве советского полпреда П. Войкова) вызвала явное беспокойство среди населения, возник ажиотажный спрос на продовольственные товары в связи со слухами о предстоящей войне. В результате к осени 1927 г. был исчерпан резервный фонд промышленных товаров. Негативная социальная энергия находила свой выход у широких слоев населения в готовности «войны» с нэпманом и кулаком [Лившин, 2002. С. 184]. Некоторое ослабление международной и внутренней напряженности произошло в связи с заключением пакта Бриана-Келлога в 1928 г., к которому присоединился и СССР. В 1929 г. Советский Союз заключил с Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией соглашения о досрочном введении пакта в действие. Договоры не устранили подозрительности большевистского руководства относительно намерений других стран в отношении СССР. Советское руководство исходило из того, что военная угроза существует, а СССР к ее отражению не готов. Рассматривая вопрос о степени готовности страны к войне, сектор обороны Госплана в начале 1927 г. пришел к выводу, что ни Красная Армия, ни страна в целом к войне не готовы [Соколов А.К., 2004. С. 113].

Таким образом, к 1928 г. выявилось изживание системы нэпа по многим позициям. Методов хозяйственного порядка, способных вывести страну из наступающего кризиса в рамках нэпа, не существовало. К 1928–1929 гг. все основные направления развития нэпа в промышленности, финансах и торговле были свернуты, помощь иностранного капитала была сведена к минимальным торговым кредитам, источники средств в значительной степени были переориентированы на внутренние займы. Стал хроническим кризис в отношении с крестьянством, разгоралась внутрипартийная борьба. Объективно складывалась ситуация экономического застоя. Советская экономика имела диспропорции между тяжелой и легкой промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством. Количество безработных в 1929 г. приблизилось к 2 млн человек, что рождало многочисленные социальные проблемы [Орлов, 2019. С. 7]. Нужно было менять ситуацию – и по внешнеполитическим обстоятельствам, и по внутренним. Важную роль в крушении нэпа сыграл политический фактор. Движение по рыночному пути в корне противоречило социалистической перспективе партийно-государственного руководства [Гимпельсон, 2004. С. 285]. На темп и изменения нэпа влияли такие субъективные факторы, как растущий бюрократизм системы управления, волюнтаризм в принятии решений. Идеи компромисса с мелкотоварным производителем, допущение свободной торговли, частного предпринимательства вызывали отторжение у многих лидеров правящей партии. Нэп складывался не так, как планировали большевики. Можно сказать, что не столько большевики фор-

мировали нэп, сколько нэп формировал сознание большевиков [Бокарев, 2004. С. 187]. Введение чрезвычайных мер и принятие новых контрольных цифр народного хозяйства на 1928/1929 гг. – по сути, отказ политического руководства страны от экономических методов преодоления негативных последствий кризиса [Беспятова, 2016. С. 136].

Большевистское руководство страны воспринимало нэп как временную уступку частному капиталу. В 1917–1929 гг., во время военного коммунизма и нэпа, в стране велись острые дискуссии об институциональных реформах и модернизации промышленности. Тем не менее уже тогда почти у всех их участников не было сомнений в превосходстве новых, социалистических институтов над капиталистическими, что основывалось на модернистских представлениях о новом общественном строе как следующей, более высокой ступени развития человечества [Ореховский, 2017. С. 91].

Нэп в своем развитии прошел чередующиеся стадии. Вслед за этапом вхождения в нэп наступил этап всестороннего развития этой политики и ее исчерпания. Несомненным успехом нэпа было восстановление разрушенной экономики. Но значительные темпы роста экономики были достигнуты в преобладающей степени за счет введения в строй довоенных мощностей. Однако нэп не мог обеспечить внутренней социально-политической стабильности: в стране наблюдалась резкая дифференциация населения, росла безработица. Удовлетворение объективных потребностей мелкого частного собственника вызывало рост мелкобуржуазной стихии в условиях слабости государственной промышленности. Реализация базовых принципов нэпа позволила накопить средства для промышленного преобразования страны, но они не могли обеспечить быстрое создание мощной современной индустрии. Не был решен вопрос преодоления многоукладности народного хозяйства. По мере нарастания кризисных явлений в нэповской системе к концу 1920-х гг. (острый товарный голод, хлебозаготовительный кризис 1927/1928 гг., создавший реальную угрозу планам промышленного строительства, введение карточной системы) неизбежно возникал вопрос: куда и как двигаться дальше, в каком направлении, какими темпами, на какой основе. Задачи строительства большого числа промышленных объектов, увеличения производства многих видов продукции, выпуска новой техники требовали рывка в развитии. А он рассматривался советским руководством как способ быстрого преодоления экономического и военного отставания от Запада в условиях ожидаемой войны. Именно в таких не простых условиях был избран путь форсированной модернизации, которая обеспечила материально-техническую базу обороноспособности и экономический суверенитет государства. Допущение рыночных механизмов в период нэпа, обеспечив восстановление хозяйства примерно на дореволюционном уровне, было сменено курсом на предельную централизацию и огосударствление, что, с одной стороны, было связано с идеологией, а с другой – с внешней ситуацией сильнейшего мирового экономического кризиса [Сенявский, 2012. С. 66]. В период реализации заданий первой пятилетки (1928–1932 гг.) произошел переход от политики сохранения элементов рынка к утверждению плановых методов регулирования хозяйственной деятельности, сопровождавшейся часто искусственным выправлением линии развития, категоричностью суждений и администрированием в руководстве. В условиях свертывания нэпа стала формироваться советская мобилизационная модель [Сенявский, 2019. С. 90–91]. Функционально и структурно она была связана с механизмами военно-экономической мобилизации, но вовсе не тождественна им. Принятый в конце 1920-х гг. курс был следствием не только авторитарных наклонностей части руководства ВКП(б), но и требованием времени – мобилизации всех ресурсов для проведения быстрой индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Беспятова Е.Б. (2016). Нэп в трех измерениях: теория, политика, практика // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 4. 1917–1991. М.: Политическая энциклопедия.
- Бокарев Ю.П. (2006). Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН.
- Бокарев Ю.П. (2004). Россия Нэповская // Отечественная история. № 4. С. 180–189.
- Борисов С.М. (1997). РУБЛЬ: золотой, червонный, советский, российский... Проблема конвертируемости. М.: ИНФРА-М.
- Гимпельсон Е.Г. (2004). НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание.
- Голанд Ю. (1998). Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- История Министерства финансов России. (2002). В 4 т. Т. 2. М.: ИНФРА-М.
- Лившин А.Я. Орлов И.Б. (2002). Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН.
- Обухов Н.П. (2009). Эволюция внешнеторговой и таможенно-тарифной политики государства в развитии процесса индустриализации России в XIX – первой половине XX в. М.: Бухгалтерский учет.
- Ореховский П.А. (2017). Дискурс российской модернизации: неизбежность очередного провала // Общественные науки и современность. № 6. С. 89–96.
- Орлов И.Б. (2002). Противоречия индустриализации // Россия нэповская. М.: Новый хронограф.
- Орлов И.Б., Пахомов С.А. (2007). «Ряженые капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание.
- Орлов И.Б. (2019). Сталинская модернизация // Историк. №10. С. 7–16.
- Орлов И.Б. (2015). Государственная промышленная политика в 1920-е гг.: антикризисная или кризисная модель? // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. Т. 2. №1. С. 57–84.
- Осокина Е.А. (2002). В тисках социалистической торговли // Россия нэповская. М.: Новый хронограф.
- Осокина Е.А. (2008). За «фасадом сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Осокина Е.А. (2009). Золото для индустриализации: «Торгсин». М.: РОССПЭН.
- Сенявский А.С. (2006). Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения. // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН.
- Сенявский А.С. (2012). Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сб. материалов II Всероссийской научной конференции / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия.
- Сенявский А.С. (2019). Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Екатеринбург: ООО Университетская типография «Альфа Принт». С. 90–93.
- Соколов А.К. (2004). НЭП и военная промышленность Советской России // Экономическая история: ежегодник 2004. М.: РОССПЭН.
- Соколов А.К. (2012). От военпрома к ВПК: советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф.
- Соколов А.С. (2012). Советские государственные займы в период новой экономической политики (1922–1928) // Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012. М.: РОССПЭН.
- Суворова Л.Н. (2013). Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI.
- Фельдман М.А. (2019). Конец «романтической эпохи» (дискуссии на Апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) о выборе пути, формах и методах «социалистической» модернизации // Общественные науки и современность. № 3. С. 135–148.
- Ханин Г. (1989). Почему и когда погиб нэп: Размышления экономиста // ЭКО. № 10. С. 67–83.
- Шишкин В.А. (1997). Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин».

Соколов Александр Станиславович

falcon140770@yandex.ru

Aleksandr Sokolov

Dr. Sci. in History, Head of the department of History, philosophy and law, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin (Ryazan)

falcon140770@yandex.ru

NEP WRAPPING: ECONOMIC FACTORS

Abstract. The article presents an analysis of the events of the new economic policy. The causes of crisis phenomena in the development of NEP are analyzed. It is noted that the collapse of the NEP took place under the influence of domestic and foreign political circumstances. It was revealed that by the end of the 1920s, the NEP system was being eliminated. It is concluded that the implementation of rapid industrialization within the framework of the NEP was impossible.

Key words: *new economic policy, commodity crisis, concessions, modernization, international relations, finance.*

JEL: B24, N14, N24, N44.

REFERENCES

- Bespyatova E.B.* (2016). *Nep v trekh izmereniyah: teoriya, politika, praktika* [NEP in three dimensions: theory, policy, and practice] // *Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca HKH v. V 4 t. T. 4. 1917–1991. M.: Politicheskaya enciklopediya.*
- Bokarev Yu.P.* (2006). *Nep kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya Sistema* [NEP as a self-organizing and self-destructing system] // *Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: ROSSPEN.*
- Bokarev Yu.P.* (2004). *Rossiya Nepovskaya* [Russia NEP] // *Russian history. No. 4. Pp. 180–189.*
- Borisov S.M.* (1997). *RUBL: zolotoj, chervonnyj, sovetiskij, rossijskij... Problema konvertiruемости* [RUBLE: gold, red, Soviet, Russian... ..the Problem of convertibility]. M.: INFRA-M.
- Gimpelson E.G.* (2004). *NEP. Novaya ekonomicheskaya politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki. (20-e gody XX veka)* [NEP. The new economic policy of Lenin and Stalin. Problems and lessons. (20s of the XX century)]. M.: Sobranie.
- Goland Yu.* (1998). *Krizisy, razrushivshie NEP. Valyutnoe regulirovanie v period NEPa.* [Crises that destroyed the NEP. Currency regulation during the NEP period]. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala».
- Istoriya Ministerstva finansov Rossii.* (2002). V 4 t. T. 2. [History of the Ministry of Finance of Russia. In 4 vol. Vol. II]. M.: INFRA-M.
- Livshin A.Ya., Orlov I.B.* (2002). *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'mah.* [Power and society: Dialogue in letters]. M.: ROSSPEN.
- Obuhov N.P.* (2009). *Evoluciya vneshnetorgovoj i tamozhenno-tarifnoj politiki gosudarstva v razviti processa industrializacii Rossii v XIX-pervoj polovine HKH v.* [Evolution of foreign trade and customs and tariff policy of the state in the development of the process of industrialization of Russia in the XIX-first half of the XX century]. M.: Buhgalterskij uchet.
- Orekhovskij P.A.* (2017). *Diskurs rossijskoj modernizacii: neizbezhnost' ocherednogo provala* [Discourse of Russian modernization: the inevitability of another failure] // *Social Sciences and modernity/ No. 6. Pp. 89–96.*
- Orlov I.B.* (2002). *Protivorechiya industrializacii* [Contradictions of industrialization] // *Rossiya nepovskaya. M.: Novyj hronograf.*
- Orlov I.B., Pahomov S.A.* (2007). «Ryazhenye kapitalisty» na nepovskom prazdnike zhizni. [«Masked capitalists» at the NEP festival of life]. M.: Sobranie.
- Orlov I.B.* (2019). *Stalinskaya modernizaciya* [Stalin's modernization] // *Historian № 10. Pp. 7–16.*
- Orlov I.B.* (2015). *Gosudarstvennaya promyshlennaya politika v 1920-e gg.: antikrizisnaya ili krizisnaya model?* [State industrial policy in the 1920s: anti-crisis or crisis model?] // *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee 2015. T. 2. № 1. Ss. 57–84.*
- Osokina E.A.* (2002). *V tiskah socialisticheskoy trgovli* [In the grip of socialist trade] // *Rossiya nepovskaya. M.: Novyj hronograf.*
- Osokina E.A.* (2008). *Za «fasadom stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii. 1927–1941.* [Behind the «facade of Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. M.: ROSSPEN.
- Osokina E.A.* (2009). *Zoloto dlya industrializacii: «Torgsin»* [Gold for industrialization: «Torgsin»]. M.: ROSSPEN.

- Senyavskij A.S.* (2006). Novaya ekonomicheskaya politika: sovremennye podhody i perspektivy izucheniya [New economic policy: modern approaches and perspectives of study] //Nep: ekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: ROSSPEN.
- Senyavskij A.S.* (2012). Ekonomicheskoe razvitie Rossii v HKH veke: istoriko-teoreticheskie problem [] // Mobilizacionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii HKH veka: Sb. materialov II Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. CHelyabinsk: Enciklopediya.
- Senyavskij A.S.* (2019). Sovetskaya mobilizacionnaya model' razvitiya kak instrument industrial'noj modernizacii i ekonomicheskogo rosta: institucional'nyj aspect [Soviet mobilization model of development as an instrument of industrial modernization and economic growth: institutional aspect] // Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg: OOO Universitetskaya tipografiya «Al'fa Print». S. 90–93.
- Sokolov A.K.* (2004). NEP i voennaya promyshlennost' Sovetskoj Rossii [NEP and the military industry of Soviet Russia] // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik 2004. M.: ROSSPEN.
- Sokolov A.K.* (2012). Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost' 1917 – iyun' 1941 gg. [From the military industry to the military industrial complex: Soviet military industry 1917 – June 1941]. M.: Novyj hronograf.
- Sokolov A.S.* (2012). Sovetskie gosudarstvennye zajmy v period novej ekonomicheskoy politiki (1922–1928) [Soviet state loans during the new economic policy period (1922–1928)] // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2011/2012. M.: ROSSPEN.
- Suvorova L.N.* (2013). Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdu gosudarstvom i rynkom [NEP's multi-layered economy: between the state and the market]. M.: AIRO-XXI.
- Fel'dman M.A.* (2019). Konec «romanticheskoy epohi» (diskussii na Aprel'skom (1929 g.) Plenumе CK VKP(b) o vybore puti, formah i metodah «socialisticheskoy» modernizacii [The end of the «romantic era» (discussions at the April (1929) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) on the choice of path, forms and methods of “socialist” modernization] //Social Sciences and modernity. No. 3. Pp. 135–148.
- Hanin G.* (1989). Pochemu i kogda pogib nep: Razmyshleniya ekonomista [Why and when the NEP died: Reflections of an economist] // ECO. No. 10. Pp. 67–83.
- Shishkin V.A.* (1997). Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolucionnaya Rossiya (1917–1928 gg.) [Power. Politics. Economy. Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. SPb.: «Dmitrij Bulanin».

А.П. Заостровцев

*к.э.н., н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург),
Центр исследований модернизации, Европейский университет,
Санкт-Петербург*

«ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ»: 19-Я ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 14–15 февраля 2020 г. 19-я ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» по проблеме «Экономика и социология». Докладчики в рамках общей проблемы «Экономика и социология» сделали упор на исторической социологии и проблемах модернизации. В докладе Д.Травина был развит традиционный взгляд на модернизацию и представлены три модернизационные ловушки в России (крепостничество, сталинская модернизация, авторитаризм). По мнению И.В. Стародубровской, само понятие «модернизация» строго не определено, и каждый исследователь трактует его по-разному. В концепции «множественности модернизации» оно как бы растворяется: любое изменение можно считать модернизацией. Э.Л. Панях видит в государстве силу, противостоящую сегодня модернизационным процессам. А.П. Заостровцев выдвинул идею относительно двух цивилизаций и, соответственно, двух типов модернизации: есть модернизация как адаптация силовой цивилизации (условного Востока) к новым условиям и есть модернизация, как смена силовой цивилизации на правовую (условный Запад) и тогда это – вестернизация. Большой интерес вызвала также дискуссия Ю.В. Кузнецова и Р.И. Капелюшникова о безусловном базовом доходе.

Ключевые слова: модернизация, модернизационная ловушка, цивилизация, развитие, вестернизация, безусловный базовый доход.

JEL: O10, A13, P20, P16, I31.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10209.

Конференция открылась докладом д.и.н., профессора Б.Н. Миронова (Санкт-Петербургский государственный университет) «Имперская и советская модернизация». Он выделил два этапа имперской модернизации: первый – с XVIII в. до 60-х гг. XIX в., второй – с 60-х гг. XIX в. и до 1913 г. Докладчик отметил достижения России в разных областях. Вторые в мире темпы экономического роста, эволюция абсолютизма в правовое государство, повышение благосостояния населения. Советская же модернизация сводилась к материальному прогрессу на основе традиционных институтов. Страна напоминала русскую крестьянскую общину. Ее социальный строй в общих чертах был воспроизведен во всеобщем масштабе. Результаты советской модернизации оказались неоднозначными. Самое слабое место ее – политические отношения. Несмотря на недостатки имперской и советской модернизаций, обе не оказались провальными проектами. Их можно назвать консервативными, поскольку они в большей или меньшей степени опирались на традиционные институты. Они имели значительные достижения, хотя не оправдали всех возлагавшихся на них надежд. Лаг между Россией и развитыми странами сокращался. Авторитарная власть совместима с прогрессом, по крайней мере, на определенных этапах. Модель вла-

сти – это ответ на запросы масс. Целесообразно не ломать институты, а приспособлять их к изменившимся обстоятельствам. Новые институты надо прививать постепенно.

Второй докладчик, – к.э.н. Д.Я. Травин, – научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, выступил с докладом «Ловушки российской модернизации: история и современность». Начал он с определения модернизации и выделил пять ее признаков. Во-первых, это обеспечивающие экономический рост рыночные механизмы; во-вторых, высокая гражданская культура и ее политическая форма – демократия; в-третьих, мобильное во всех смыслах общество; в-четвертых, высокая способность человека к адаптации к переменам; в-пятых, следование рациональным решениям вместо традиций. В число ловушек модернизации в России были включены: крепостное право, сталинская модернизация, современный авторитаризм. Сталинская модернизация строилась на милитаризации экономики, в результате попытка построения рыночной экономики в 90-е гг. XX в. оказалась очень болезненной, и население предпочло искать выход в авторитарной модели. Однако уроки этих ловушек в том, что когда старые модели оказываются неэффективными, от них отказываются. Такая же судьба может ждать и авторитаризм.

В докладе д.э.н., профессора П.М. Лукичева (Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ») «Три неудачные попытки модернизации: невыученные уроки» рассматриваются три попытки экономических преобразований в имперской России и анализируются причины неудач каждой из них. Докладчик объединяет ключевые попытки экономических преобразований в дореволюционной России и выявляет общие причины, приведшие к их незавершенности. Среди них выделяются осуществление реформ «сверху», в приказной форме, отсутствие учета мнения оппонентов и демократизма, прямое государственное регулирование. Сопоставление с историческим опытом других стран показывает, что каждый экономический прорыв, мог быть успешным. «Жесткость» осуществления «столыпинской» реформы компенсировалась в какой-то мере количественным и качественным расширением деятельности российских кооперативов. Когда же и эта ниша была перекрыта, то у населения России не осталось иного выбора, кроме революций 1917 г. Экономические преобразования, не ориентированные на большинство населения, не могут быть устойчивыми и успешными в долгосрочном периоде.

Д.э.н. Р.И. Капелюшников (Институт международных отношений и мировой экономики РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) говорил о гипнозе Вебера. Доклад был посвящен анализу дискурсивных методов, использованных М. Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма». Веберовская экзегеза религиозных текстов является ошибочной как минимум частично и как максимум полностью; утверждение Вебера о намного большей экономической успешности протестантов покоится на арифметической ошибке; его концепция «духа капитализма» содержит неустранимые внутренние противоречия; портрет Б. Франклина, нарисованный в «Протестантской этике», не имеет почти ничего общего с оригиналом; веберовское объяснение сверхбыстрого накопления капитала на родине капитализма в Англии отсылает к реально не существовавшему феномену; результаты современных эмпирических исследований в целом неблагоприятны для веберовского Тезиса. Однако идея Вебера о рождении «духа капитализма» из протестантской этики обладает такой гипнотической властью над умами людей, что фантомы «протестантской этики» и «духа капитализма» еще долго будут тревожить сознание исследователей и разгуливать по страницам массмедиа.

П.А. Ореховский (д.э.н, Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва) выбрал темой доклада Стэнфордский тюремный эксперимент, причины его игнорирования экономистами и возможности его интеграции в экономические исследования. Экономисты обычно игнорируют результаты эксперимента в связи с тем, что рыночные сделки совершаются между акторами на основе

консенсуса. Рациональные индивиды не могут договориться о создании такого института, как тюрьма, для этого требуется насилие, обусловленное внеэкономическими причинами. Исключением являются экономисты, придерживающиеся конструктивистских взглядов на формирование рынков. В этом случае допускается неоднородность рынков, которая, в свою очередь, ведет и к неоднородности акторов. В работе приводится пример неоднородности акторов: «фирмы» и «банды». Традиционная экономическая теория не предполагает возможности существования «банд», хотя в социологии это – общепризнанный феномен группового поведения. Делается вывод о том, что учет специфически социологических феноменов в экономической теории позволил бы добиться большей реалистичности конструируемых моделей.

В выступлении к.с.н. Н.В. Колесник (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Политическая экономия избирательных компаний в российских регионах» рассматривались методологические и методические основания политэкономии избирательных компаний в российских регионах. Прежде всего обращалось внимание на теоретические основания изучения политэкономии избирательных компаний, в которых постулируется взаимосвязь между экономическими институтами и избирательным процессом. Анализировались исследовательские подходы, в которых предлагался взгляд на электоральные процессы в посткоммунистических странах. Особое внимание уделяется анализу политтехнологической общности в триаде избирательной кампании: ключевых игроков, их интересов и форм взаимодействия. Рассматривался методический потенциал в изучении политтехнологического сообщества как некой профессиональной общности.

Доклад «Много ли человеку образования нужно? (кросс-культурный анализ человеческого капитала российских специалистов)» представленный д.с.н. Ю.В. Латовым и Н.В. Латовой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва), был посвящен рассмотрению связанных с обучением количественных характеристик человеческого капитала рабочих и специалистов-профессионалов России в сравнении с аналогичными характеристиками соответствующих категорий работников 11-ти зарубежных стран. Обобщающие оценки показали, что наблюдается значительное отставание характеристик человеческого капитала российских работников (базового образования, накопленного опыта и дополнительного профессионального образования) от аналогичных характеристик работников в зарубежных странах. По этим характеристикам Россия оказывается в целом сопоставимой только с «новыми индустриальными» странами (типа Венесуэлы). Сильнее всего отставание проявляется в области обновления профессиональных знаний. Это связано с тем, что Россия еще не вполне включилась в третью образовательную революцию, являющуюся элементом генезиса постиндустриального общества, – переход к «образованию в течение всей жизни».

К.с.н. А.В. Каравай (Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Институт социологии ФНИСЦ) рассматривала общее состояние человеческого капитала российских специалистов. Было установлено, что наиболее ценным человеческим капиталом обладают специалисты высшей квалификации. Он превосходит человеческий капитал руководителей, не говоря уже о человеческом капитале специалистов средней квалификации и всех работающих. Средний интегральный индекс качества человеческого капитала у специалистов высшей квалификации составил 7,51 балла (шкала от 0 до 13), руководителей – 6,23; специалистов средней квалификации – 5,40, а по всем работающим равнялся 4,59.

П.В. Усанов (к.э.н., Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург) представил доклад «Эпоха “государства благосостояния” в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана». После Второй мировой войны по ряду причин США оказались в стороне от социализма. Это выразилось в жесткой макроэкономической политике: государственные расходы и госу-

дарственный долг уверенно снижались, внешняя торговля либерализировалась, что вело к росту благосостояния населения. В то время как Великобритания под руководством правительства лейбористов упорно шла к социализму, строила систему социального обеспечения «от колыбели до могилы». Решительный поворот США к государству благосостояния произошел в 60-е гг. XX в., и особая «заслуга» в этом принадлежит президенту Л. Джонсону (1963–1969 гг.). Большой профицит федерального бюджета стал рассматриваться как «фискальный тормоз» экономического роста. В результате наращивание госрасходов привело к бюджетному дефициту и росту госдолга, возросшее предложение денег привело к высокой для США инфляции. Экономический рост замедлился. Рейганомика стала ответом на макроэкономический популизм.

На конференции состоялась дискуссия между к.э.н. Ю.В. Кузнецовым (Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, Москва) и Р.И. Капелюшниковым по проблеме универсального базового дохода (УБД). Основные тезисы выступления Кузнецова состояли в следующем: (1) УБД – не революционное нововведение и не реализация утопии, а всего лишь одна из возможных схем социальных выплат; (2) все разумные и/или обоснованные аргументы в его пользу направлены на рационализацию существующих институтов социального государства; (3) практическая реализация УБД в той или иной стране зависит от большого количества специфических факторов (социальных, политических, экономических и др.), следовательно – постановка абстрактного вопроса о целесообразности или возможности «введения УБД» бессмысленна; (4) политические и социальные препятствия на пути использования УБД для рационализации социального государства весьма значительны, и в полной версии он вряд ли будет когда-либо и где-либо реализован; (5) будущая возможность (частичной) реализации УБД связана с глобальным финансовым кризисом системы социального государства; (6) при исследовании УБД как феномена массового сознания ценность формализованных социологических методов невелика.

Капелюшников свое выступление в дискуссии начал с того, что он называл бы эту концепцию универсальным безусловным базовым доходом (УББД). Если поставить вопрос, идеалы и интересы какой группы отражает этот проект, то ответом будет: идеалы и интересы артистической богемы. УББД – это противоположность традиционным представлениям, как должна функционировать система помощи. Не согласен докладчик также и с тем, что это – некая техническая наладка государства благосостояния. Это – радикальный пересмотр социального контракта. Первая линия защиты УББД – это, как выразился дискуссант, «антропологическая нейтральность» (для его получения человеку не надо менять поведение). Вторая линия – это чудовищная неэффективность системы социального государства. Третья линия касается грядущего вытеснения работников роботами. По мнению докладчика, если первые две линии можно обсуждать, то третья – чистая фантазия. Были перечислены предполагаемые выгоды УББД. Предполагаемые издержки – это очень существенное повышение налогов и, как следствие, подрыв экономического роста; отрицательный распределительный эффект: проигрывают самые бедные и самые богатые, а выигрывает средний класс. В ближайшее время реализация этой идеи невозможна: во-первых, запредельное фискальное бремя. во-вторых, идея УББД идет против «естественной морали» (здоровые и трудоспособные имеют право жить за счет общества, получение пособий самыми богатыми).

К.с.н. М.Г. Мацкевич (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) рассматривала историческую память на постсоветском пространстве. Было установлено, что в отношении большинства событий и исторических деятелей отсутствуют доминирующие оценки, дифференциация мнений относительно них весьма значительна. Отсутствует единое представление о значимости и сути многих ключевых событий и исторических деятелей истории XX в. Однако гипотеза о статистически значимом

различия в оценке исторических событий между молодежью и старшими поколениями не подтвердилась. Близкая к российской ситуация наблюдается и в большинстве других стран бывшего СССР. События настоящего значительно влияют на восприятие прошлого. Например, изменение отношения к советскому прошлому в Грузии после 2008 г. и Украине после 2014 г.

И.В. Стародубровская (к.э.н., Институт экономической политики им. Е.Гайдара, Москва) поставила дискуссионную проблему «Знаем ли мы, что такое модернизация?». Наиболее часто звучащее определение модернизации – это переход от традиционного общества к современному. Тем самым один не очень понятный иероглиф заменяется на два не очень понятных иероглифа. Не существует общепризнанного понимания того, что такое традиционное общество и что такое современное общество. Менялись представления о том, что такое традиционное общество (вплоть до отрицания самого понятия), да и с современным обществом не легче. Экстремальный пример: ИГИЛ (запрещенный в РФ) – это какое общество? Послевоенная теория модернизации была политизированной: ее задача была не в том, чтобы изучить общество или разработать теорию, а в том, чтобы выписать рецепт. Дать альтернативу коммунистической перспективе для развивающихся стран. На современном этапе доминирует теория множественности модернизации: нет единой модели, каждое общество принимает модерн на собственных условиях. Но возникает одна проблема: в этой ситуации практически невозможно отделить модерн от не-модерна.

Э.Л. Панеях (к.с.н, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург) говорила о динамической плотности и стратегии сопротивления модернизационным процессам. Докладчиком раскрыт конфликт государства и развития. Динамическая плотность населения создает негосударственные структуры, вступающие в конкуренцию с государством (бизнес, война, связь, информация, обучение, здравоохранение). Эти структуры потребляют ресурсы, избегают контроля и регулирования и т.п. В ответ государство берет курс на снижение гражданского капитала (регулирование науки и образования, лицензирование блогеров) и на уничтожение или торможение инфраструктуры развития (контроль над интернетом, усложнение банковских платежей, консервативная биополитика и т.д.)

В докладе д.э.н. С.А. Васильева (МЦСЭИ «Леонтьевский Центр») речь шла Китае эпохи Сун. Был поставлен вопрос: «Почему модернизация не произошла в Китае?». Совокупность экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в Новое время, в период, предшествующий началу ускоренного экономического роста (XVI–XVIII вв.). С точки зрения Теории социальных порядков можно сделать вывод о том, что Империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа, а именно: верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, а также бессрочное существование общественных и частных организаций. Непосредственной причиной разрыва модернизационных процессов в Китае стали иноземные вторжения XIII и XVII вв., которые привели к изменению политической культуры, подавлению рыночной экономики и деволуции социальных институтов. В долгосрочной же перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации была мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению технологических и социальных инноваций.

К.э.н. Заостровцев А.П. (МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», Европейский университет в Санкт-Петербурге) назвал свой доклад «Конфликтующие цивилизации и две модернизации: свободный мир или сообщество общей судьбы?», в котором была представлена модель двух конфликтующих цивилизаций. В правовой цивилизации самопринадлежность чело-

века формирует наличие личной/частной собственности. В силовой цивилизации принадлежность человека «Целому» формирует наличие власти-собственности. Модернизацию можно трактовать как в Китае (Центр исследований модернизации Академии наук Китая), по существу, отождествляя ее с развитием независимо от политико-правовых институтов. В западном же понимании модернизация предполагает повышающуюся степень индивидуальной свободы и расширяющийся спектр выбора (К.Вельцель, Р.Инглхарт). В процессе глобализации эти цивилизации неизбежно вступают в непримиримый конфликт: каждая из систем не может не стремиться к полной ликвидации альтернативной ей системы, поскольку само существование каждой из них представляет угрозу существованию другой.

Доклад С.А. Афонцева (д.э.н., Институт мировой экономики и международных отношений РАН) «Социальные институты или экономическая политика?» Доклад состоял из трех частей. Во-первых, *path dependence* (зависимость от исторического пути или эффект колеи) и как с ней бороться; во-вторых, *structure vs. agency* (структура и действия) или практическая польза теоретических дебатов; в-третьих, евразийская интеграция и каково пространство для инициативы? Практическая польза теоретических дебатов заключается в приложении их к практическим проблемам. Например, поведение домохозяйств (стратегии «выживания» против стратегии максимизации дохода), коллективное действие (экономическая самоорганизация, лоббирование, протест и т.д.), политическое и социальное предпринимательство (кейс Трампа, миф о новом популизме), и, наконец, интеграционный выбор. Согласно рассчитанным данным, сценарий интеграционного рывка может обеспечить выгоды для всех стран ЕАЭС, но их совокупный масштаб на 0,04–0,05 процентных пункта уступает результатам Сценария интеграционного партнерства. Сложившийся баланс интересов оставляет поле для компромисса: обмен доступа к рынкам на либерализацию прямых иностранных инвестиций.

Политолог В.Я. Гельман (кандидат политологических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге) выступил по теме своей последней монографии. Доклад назывался «Недостойное правление» в современной России: институты и стимулы». «Недостойное правление» (*bad governance*) – политико-экономический порядок управления государством, цель которого – извлечение ренты правящими группами и связанными с ним лицами (государством управляют, чтобы расхищать его как можно больше и как можно дольше). В случае России оно складывается из: авторитарной модернизации (стратегии социально-экономических реформ в 1990-е и 2000-е гг.); электоральный авторитаризм, идеал правящих – СССР и т.д. Политолог поставил вопрос: что впереди? Базовый сценарий при сохранении нынешнего политического режима в России: сохранение статус-кво «недостойного правления» и дальнейшее «загнивание». Попытки отдельных частных улучшений (3D: дерегулирование, дигитализация, децентрализация), скорее всего, не принесут кардинальных перемен в отсутствие 4D (демократизация). Демократизация в России – не стоит на повестке дня.

В заключительной части конференции состоялась видеолекция лауреата международной Леонтьевской медали «За вклад в реформирование экономики» за 2019 г. Марата Гуриева, доктора экономических наук, профессора экономики Парижской школы политических наук (*Sciences Po*). Темой лекции была политическая экономия популизма. В докладе предлагался обзор недавних исследований роста популизма в развитых странах. Обсуждались вопросы, связанные с определением и измерением популизма, экономическими и неэкономическими факторами, способствующими его росту, последствиям прихода популистов к власти и мерами, способными ограничить рост популизма.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovstsev

PhD (economics), research fellow in the International Center for Socio-economics Researches "Leontief Center" (St.-Petersburg) and Center of Modernization Studies at European University, St.-Petersburg, Russia.

«ECONOMICS AND SOCIOLOGY»: XIX ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE FROM THE «LEONTIEV READINGS»

Abstract. The paper presents an overview of the 19th annual conference of the Leontief Readings series on the problem of Economics and Sociology, held on February 14-15, 2020. Within the framework of the general problem "Economics and Sociology", the reporters laid emphasis on historical sociology and the problems of modernization. D. Travin's report developed a traditional view of modernization and presented three modernization traps in Russia (serfdom, Stalinist modernization, authoritarianism). According to I.V. Starodubrovskaya, the very concept of "modernization" is not strictly defined and each researcher interprets it differently. In the concept of "multiplicity of modernization" it seems to dissolve: any change can be considered modernization. E.L. Paneyakh sees in the state as a force opposing modernization processes today. A.P. Zaostrovstsev put forward the idea of two civilizations and, accordingly, two types of modernization: there is modernization as an adaptation of a power civilization (conditional East) to new environment, and there is modernization as a change of power civilization to a legal (conditional West) and then this is westernization. Of great interest was also the discussion of Yu.V. Kuznetsov and R.I. Kapelyushnikov on unconditional basic income.

Key words: *modernization, modernization trap, civilization, development, westernization, unconditional basic income.*

JEL: O10, A13, P20, P16, I31.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

К. МАРКС, МАРКSOVA МОДЕЛЬ И МЕТОДОЛОГИЯ Р. ЛУКАСА (Размышления над книгой Р.М. Нуреева)¹

Аннотация. Статья представляет критический обзор книги Р.М. Нуреева «Очерки по теории марксизма». Обсуждаются такие категории марксизма, как «формация», «способ производства», «определение», «овеществление», «личная зависимость», «вещная зависимость», «свободная индивидуальность». Большое внимание уделяется анализу марксовской модели расширенного воспроизводства и ее модификации, предложенной В.И. Лениным, демонстрируется автоматизм замедления экономического роста, основанный на реализации неявных свойств модели. Проводится анализ соответствия экономической теории Маркса методологическим стандартам Р. Лукаса, показывается родство модели общего равновесия Л. Вальраса и модели воспроизводства Маркса. Ставится вопрос об онтологическом статусе экономических теорий, которые предписывают «как должно быть», и влиянию моделей на реальность.

Ключевые слова: марксизм, модель воспроизводства, методологические стандарты, онтология.

Классификация JEL: B14, B41.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10210

Книга Р.М. Нуреева представляет собой сборник его работ о Марксе и судьбах его учения, которые публиковались на протяжении 35 лет. Как отмечает сам Р.М. Нуреев в предисловии, «Автор ни в коем случае не претендует на полное и всестороннее изложение теории марксизма и тем более детальное изложение его истории и эволюции» (с. 6). Остается только последовать этому стилю и предупредить, что в настоящем обзоре мы «ни в коем случае не претендуем на сколько-нибудь полное освещение» как работы самого Р.М. Нуреева, так и, конечно же, К. Маркса и его последователей. Такое предупреждение, по-видимому, необходимо, так как «Это объясняется прежде всего интеллектуальным уровнем учеников и последователей К. Маркса, а также непримиримым отношением основоположника научного коммунизма к своим оппонентам. “К своим политическим врагам, – писал М.И. Туган-Барановский, – Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко – для этого достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста является его отношение к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого язвительного презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно”» (с. 206–207). С тех пор в среде отечественных марксистов-ленинцев мало что изменилось, большинство из них хранят верность стилю основоположника.

¹ Нуреев Р.М. Очерки по теории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС, 2018. Далее в круглых скобках после цитат приводятся страницы данного издания.

Р.М. Нуреев является одним из самых глубоких и щепетильных российских исследователей марксизма. Приводимые ниже заметки связаны с теми страницами его книги, которые предлагают интерпретацию отдельных «темных мест» и сложных понятий, введенных Марксом в научный оборот – как мы надеемся, это привлечет к книге внимание новых читателей; такова, по-видимому, цель любого рецензирования. Кроме того, чтение этой книги приводит немарксиста к любопытному вопросу об онтологическом статусе нормативных экономических теорий. Естественно, последнее относится уже к особенностям нашего способа чтения, и Р.М. Нуреев за подобный «невежественный ревизионизм» и «извращения» никакой ответственности не несет.

Общественно-экономические формации и способы производства

Принятое в учебниках деление человеческой истории на первобытный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический (социалистический) общественный строй отождествляется как с общественно-экономическими формациями, так и со способами производства. Как показывает Нуреев, у Маркса это не совсем так. «В общих чертах, – писал К. Маркс в Предисловии к работе “К критике политической экономии”, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации”. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой классической работе периодизация всемирной истории дана в совершенно непонятной, на первый взгляд, форме. Во-первых, непонятно, почему четырем способам производства соответствует лишь одна формация, во-вторых, почему сама эта формация названа как-то странно: не общественно-экономическая, а экономическая общественная (слово «экономическая» почему-то поставлено на первое место). В-третьих, непонятным является и сам перечень способов производства: нет ни первобытнообщинного, ни коммунистического строя, зато указан какой-то азиатский способ производства, а рабовладельческий строй назван античным» (с. 45). Далее Р. Нуреев поясняет, что «История развития человечества делится К. Марксом на три “большие” формации: первичную, основанную на общей собственности (первобытнообщинный строй и “азиатский способ производства” в качестве переходного этапа ко вторичной формации), вторичную, основанную на частной собственности (рабство, крепостничество и капитализм) и коммунистическую – общественную формацию» (с. 47).

В свою очередь, «Понятие “азиатский способ производства” служило для обозначения государственной системы сельских земледельческих общин. Термин “азиатский” в данном контексте никогда не имел строго регионального значения и служил для обозначения универсальной стадии развития человечества. К. Маркс относил к азиатскому способу производства не только древний и средневековый Восток (Индию, Турцию, Персию, Китай и т.д.), но и государства Африки (Египет), Америки (Мексика, Перу), Европы (этруски и др.) на определенном этапе их развития. Поэтому термин “азиатский” является своего рода иррациональной категорией: обозначая часть, он в то же время характеризует целое. Мы уже давно оперируем такими парными понятиями, как античность – рабовладельческий способ производства, средневековье – феодализм, Новое время – капитализм, Новейшее время – социализм, первая фаза коммунистической формации. Специфика здесь заключается... в том, что содержательно термину противопоставлен термин не временной, а пространственный, географический» (с. 49).

Вообще говоря, такое небольшое уточнение понятия формации совсем иначе структурирует временную протяженность различных стадий мировой истории. Если вплоть до XVIII в., а в России – и до XIX в. сохраняется такой «пережиток феодализма», как сословное общество, а в XX в. уже начинается «социализм», то время жизни капитализма получается уж

совсем короткое. Если же считать, что все это – вторичная формация, а азиатский способ – переходный период от первичной к вторичной, это несколько меняет перспективу. И заставляет сильно усомниться в тезисе о том, что от вторичной к третичной формации *в принципе* можно перейти путем одномоментной «социальной революции». Как бы быстро ни шли «локомотивы истории», изменения, которые раньше занимали много веков (в т.ч., например, переход от «азиатского способа» к капитализму), вряд ли можно проскочить за какие-то несколько лет.

Опредмечивание и овеществление. Товарный фетишизм

Один из эзотерических феноменов марксизма, который практически не встречается у экономистов за пределами этого течения – товарный фетишизм. Для того, чтобы разобраться с этим явлением, как показывает Р.М. Нуреев, необходимо разграничить понятия «опредмечивание» и «овеществление» – «Эти понятия в применяемом К. Марксом терминологическом аппарате характеризуют разные стороны процесса производства: опредмечивание – процесс труда, овеществление – социальную форму этого процесса» (с. 149). Пусть так, и «процесс труда», т.е. «опредмечивание», легко задать с помощью производственной функции. Но что такое «социальная форма процесса»? Автор поясняет: «Что касается овеществления, то оно в экономической системе К. Маркса трактуется в двояком смысле: с одной стороны, как внешняя форма (материальность), как вещественный носитель производственных отношений, существующий на всех этапах общественного развития и выражающий диалектику производительных сил и производственных отношений, а с другой – как внутренняя форма, как особая форма связи между людьми в условиях товарного хозяйства, как характерная особенность специфических производственных отношений» (с. 149). Вот здесь, по-видимому, происходит первый риторический «разрыв»: производительные силы – это вроде бы про технику и прогресс, производственные отношения (и в первую очередь, отношения собственности) – вроде бы про институты. Причем здесь *экономическое (различение и измерение издержек и выгод)*? И как представить себе «вещественный носитель производственных отношений», что это за объект? По-видимому, он существует только в рамках марксистского дискурса, где *институты – материальны*, их можно некоторым образом фиксировать и измерять, как, например, «лучшие практики».

Отсюда следует еще одно соображение – производственные отношения, отождествляемые Марксом с экономикой, существуют всегда, а товарное хозяйство (рынок) – только в рамках «азиатского способа» и вторичной экономической формации. Но тогда – какими *в принципе* могут быть коммунистические производственные отношения?

В свою очередь, «Товарная форма продуктов труда является причиной товарного фетишизма, поэтому последний углубляется с развитием формы стоимости. Товарная форма продуктов труда характеризуется К. Марксом как единство трех взаимосвязанных моментов: 1) формы уравнения (равенства) труда (через стоимостную предметность); 2) формы измерения труда (посредством величины стоимости); 3) формы проявления общественного характера (общественных определений) труда (в форме общественных отношений продуктов)...

...Таким образом, товарный фетишизм есть господство продуктов труда как над отдельными товаропроизводителями, так и над обществом товаропроизводителей в целом при овеществлении лиц и персонификации вещей» (с. 150–151).

Или – феномен товарного фетишизма представляет собой *веру марксистов* в то, что в условиях товарного производства отдельный человек представляет собой функцию, которую он исполняет *в рамках разделения труда*. Изменить свое предназначение он не может, если не станет революционером (весьма своеобразная интерпретация мысли Б. Спинозы: свобода – осознанная необходимость). Напротив, сама «вещь», товар – по определению не

обладающая ни сознанием, ни свободой воли, – в силу игры капиталистического случая может оказаться в самых разных социальных местах и используется для самых разных целей. В этом смысле «вещь» получает свою персонификацию, индивидуальность. Однако мрачноватый взгляд на судьбу индивида у сторонников «овеществления».

Личная и вещная зависимость. Свободная индивидуальность

Как указывает Р.М. Нуреев, в соответствии с взглядами К. Маркса «Следует различать два типа личной зависимости: 1) в первобытном обществе; 2) в классово-антагонистическом докапиталистическом обществе» (с. 72). Первая сохраняется и в антагонистических способах производства, но только в качестве подчиненного типа. Кроме того, личная зависимость «распространялась и на отношения распределения, обмена и потребления. Принадлежность к тому или иному коллективу предопределяла место человека не только в производстве, но и в обществе, а следовательно отражалась в его образе жизни... Распределение, обмен и потребление закреплялись традицией, нормами права, морали..., отражались в социальной психологии, освящались религией» (с. 72).

Вещная зависимость, как уже понятно из феномена «товарного фетишизма», привлекала наибольшее внимание К. Маркса. Здесь опять же вводится различие между «опредмечиванием» и «овеществлением», при этом Р.М. Нуреев, как и положено советскому марксисту образца 1983 г., указывает²: «Различение предметно-созидательной и социально-созидательной роли труда, опредмечивания и овеществления имеет важное методологическое и теоретическое значение для критики буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий... Смешение же разных сторон процесса производства, сведение социально-экономических отношений к технико-экономическим, овеществления к опредмечиванию стало для вульгарной буржуазной политической экономии и ревизионистских теорий важным средством апологетики капитализма, доказательства его “универсального”, “внеисторического” характера» (с. 74–75).

Вещная зависимость дополняется личной независимостью, уже упомянутыми «овеществлением лиц» и «персонификацией вещей». Вот как поясняет это вслед за К. Марксом Р.М. Нуреев: «Овеществление лиц заключается в том, что товар (вещь) выступает как форма взаимосвязи обособленных в рамках общественного разделения труда товаропроизводителей, отношения между которыми носят не личный, а вещный характер. Персонификация вещей означает, что вещи в условиях товарного хозяйства превращаются как бы в самостоятельных субъектов, определяют положение человека в обществе. Так как собственность на свой товар является предпосылкой обмена, условием получения другого товара, то кажется, что товар сам по себе обладает свойством обмениваемости на другие товары» (с. 76).

Как указывает автор, существует непосредственная связь между понятиями «вещной зависимости» и «отчуждением труда»: «К. Маркс наполняет категорию “отчуждение труда” исторически определенным содержанием, трактует частную собственность как форму отчужденного труда...

...Отчуждение труда рассматривается К. Марксом, во-первых, со стороны товарной формы продукта и выступает как условие присвоения, как его оборотная сторона, как способ связи товаропроизводителей, как форма проявления исходного отношения капитализма, во-вторых, со стороны капиталистического содержания – как характеристика капиталистической эксплуатации, как следствие господства буржуазии, как форма проявления основного производственного отношения капитализма...

² Первоначальный вариант рассматриваемого текста был опубликован в журнале «Вопросы философии», 1983. №6. С. 3–14. При издании книги в 2018 г. Р.М. Нуреев сохранил «дух времени».

...понятие отчужденного труда может быть соотнесено с характеристикой капитала не как результата, а как предпосылки процесса производства. Категория “отчуждение труда” помогает раскрытию понятия “капитал = фетиш”» (с. 77–78).

В общем, вещная зависимость является необходимым и достаточным условием для возникновения отчуждения труда. Наследники К. Маркса из Франкфуртской школы полагают, что последнее лежит в основе дегуманизации капитализма с последующим переходом к тотальному господству капитала и полным порабощением личности [Стюарт, 2018]. А основой всего этого мрака является, конечно же, разделение труда. Но как отсюда, не устраняя разделения труда и возвращения к «первичной формации», перейти к «свободной индивидуальности»?

Нуреев поясняет: «отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, отрицающий и отношения личной зависимости, и отношения вещной зависимости, выступающий как отрицание отрицания... Отношения личной независимости, основанной на вещной зависимости, знаменовали такой уровень развития производительных сил, когда под влиянием общественного разделения труда происходит обособление производителей. И они уже не нуждаются в той или иной форме естественно сложившейся или исторически развившейся коллективности, перерастают рамки. Однако вместе со становлением универсальных отношений и всесторонних потребностей развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений, происходит полное отчуждение сущностных сил человека от него самого, превращение их в чуждую и господствующую над ним силу. Отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, для которого характерно возрастающее господство как над силами природы, так и над общественными силами, вышедшими из-под власти общества и действующими наиболее разрушительно в период капиталистических кризисов перепроизводства...»

... отношения свободной индивидуальности являются внешним проявлением отношений коллективности – основы коммунистического способа производства. “Само собой разумеется, – пишет Ф. Энгельс, – что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека”. И диалектика процесса такова, что это освобождение каждого отдельного человека, это развитие свободной индивидуальности возможно лишь в коллективе и посредством него, лишь в рамках ассоциации, охватывающей все общество» (с. 80).

Свободная индивидуальность – в коллективе, более того, свобода – «внешнее проявление отношений коллективности»? Ох, уж эта диалектика. Вспоминается отечественный последователь Маркса А. Зиновьев, описывавший законы жизни в коллективе: ««Принято думать..., что человеческое общество есть одно из самых сложных явлений и что по этой причине его изучение сопряжено с необычайными трудностями. Это заблуждение... с чисто познавательной точки зрения... законы общества примитивны и общедоступны. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна, ибо люди живут в обществе по этим законам и по необходимости осознают их... Это действует удручающе на современного ученого человека, которому голову забили идеями математизации, формализации, моделирования... Социальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует... стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т.д.» [Зиновьев, 1990. С. 42–43].»

Наверное, в XIX в., или как любят подчеркивать марксисты, исторически люди сильно симпатизировали коллективам и не любили индивидуалистов, считая последних «декадентскими проявлениями буржуазной морали». Из XXI в. и вещная зависимость, и отчуждение, и свободная индивидуальность смотрятся как-то сильно иначе.

Модель воспроизводства, Ленин и капитализм в России

Р.М. Нуреев останавливается на характеристике знаменитой двухсекторной модели простого и расширенного воспроизводства К. Маркса в основном в связи с модификацией ее В.И. Лениным. «В схемах К. Маркса не показано увеличение органического строения капитала, однако оно предполагается, о чем свидетельствуют два примера расширенного воспроизводства. В частности, если в первом примере соотношение постоянного и переменного капитала (органическое строение капитала) составляет 4:1 (I подразделение) и 2:1 (II подразделение), то во втором примере оно уже достигает 5:1 в обоих подразделениях... В.И. Ленин использует первый пример К. Маркса, так как он относится к более раннему этапу развития капитализма, то есть такой пример, который более близок к пореформенной России... добавочные капиталы [чистые инвестиции текущего года – П.О.] в схеме В.И. Ленина имеют гораздо более высокое органическое строение... Включение добавочных капиталов с заметно более высоким органическим строением привело к тому, что общее органическое строение капитала выросло к четвертому году в I подразделении с 4:1 до 5:1 и в II подразделении с 2:1 до 2,1:1. Теоретический анализ и произведенный наглядный расчет позволили В.И. Ленину сформулировать вывод о том, что “в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления”. Такое стремительное расходование прибавочной стоимости только на рост постоянного капитала неизбежно должно было привести к резкому падению темпов роста общественного производства.

В 1970-е гг. экономисты Госплана СССР посчитали, что будет через 100 лет с темпами роста общественных подразделений, если воспользоваться формулой В.И. Ленина. Оказалось, что темпы роста стремительно упадут... Неудивительно, что последовательная реализация закона преимущественного роста в Советском Союзе привела к таким печальным последствиям» (с. 193).

По нашему мнению, с темпами роста в марксовой теории дело обстоит гораздо хуже. Сам по себе рост фондовооруженности и связанная с ним уменьшающаяся отдача капитала, присутствующая в ленинских схемах, пусть и являются ленинской «вульгаризацией», но вполне соответствуют современным представлениям (например, посылкам, лежащим в основе модели Р. Солоу). Проблема в самой идее прибавочной стоимости как результата неоплаченного труда, являющегося, в свою очередь, выражением «прибавочного времени» – части рабочего дня. Поскольку рост «совокупного общественного продукта» обеспечивается только за счет увеличения «прибавочной стоимости», постольку его темпы обеспечиваются за счет темпов роста «прибавочной стоимости». Однако поскольку время рабочего дня ограничено, то, начиная с какого-то предела, темпы роста прибавочной стоимости стремятся к нулю, а за ними – и общие темпы роста. Об этом пишет в своих «Комментариях» Д.И. Розенберг; как обычно у марксистов, мелким шрифтом, в сноске и со множеством характерных деталей: «В своих рукописях Маркс доказал, что объективно неизбежным результатом является “уменьшение относительной прибавочной стоимости по мере увеличения производительной силы труда”. Суть этого доказательства в следующем. Умножение производительной силы труда непосредственно и пропорционально уменьшает необходимое рабочее время. При этом пропорция, в которой возрастает прибавочное время (и соответственно прибавочная стоимость), будет определяться отношением величины, на которую уменьшилось необходимое время, к абсолютной величине прежнего прибавочного времени. Следовательно, пропорция возрастания прибавочной стоимости будет зависеть не только от пропорции возрастания производительности, но и от нормы прибавочного времени...

Общий закон их изменения будет таков: чем выше достигнутый уровень производительности труда и норма прибавочной стоимости, тем меньше абсолютная величина необходимого времени и той его части, которая сокращается возрастанием производительности (числитель прибавочной стоимости), и тем больше абсолютная величина прибавочного времени (знаменатель возрастания стоимости). Следовательно, прирост относительно прибавочной стоимости уменьшается по мере увеличения производительности труда.

...Тем самым это доказательство дает зародыш марксовой теории прибыли и закона тенденции нормы прибыли к понижению...» [Розенберг, 1983. С. 161–162].

Попросту говоря, в любой национальной экономике, в которой применялись принципы статистического учета, включавшие деление ВВП на необходимый и прибавочный продукты заодно с марксистскими представлениями о том, что «стоимость» создается только в «материальном производстве», снижение темпов экономического роста было неизбежно. А ленинское дополнение Маркса в том, что фондовооруженность (органическое строение капитала) повышается только в «добавочном капитале» (чистых инвестициях) – это ошибка, помноженная на ошибку. Если бы Ленин следовал логике «закона всеобщего накопления» и предположил, что органическое строение меняется во *всем капитале*, т.е. в валовых инвестициях, *включающих амортизацию*, то все рассматриваемые эффекты, включая резкое падение темпов роста, были бы получены намного быстрее.

Р.М. Нуреев подробно характеризует основное экономическое произведение В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В целом соглашаясь с ленинскими оценками уровня развития капиталистических «производственных отношений», соседствующих с «феодалскими пережитками», охраняемыми монархией, Нуреев делает следующее замечание: «В.И. Ленин идет дальше и делает смелый вывод о разложении крестьянства. Сущность его состоит в создании новых типов сельского населения: буржуазии (доля которой достигала, по мнению В.И. Ленина, 30% населения) и пролетариата, “класса наемных рабочих с наделом” (доля которого составляла, по мнению В.И. Ленина, 40% населения). Поэтому вопреки мнению либеральных народников, писал В.И. Ленин, русское “общинное крестьянство – не антагонист капитализма, а напротив, самая глубокая и самая прочная основа его”. Это, конечно, было смелым и далеко идущим преувеличением. Ведь даже по ленинским (далеко не бесспорным) данным получалось, что в аграрной сфере у каждого капиталиста было в среднем по 1,3 наемного работника!»

В.И. Ленин в тот период заметно преувеличивал степень дифференциации крестьянства. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных, отчасти – с методикой анализа» (с. 182). Добавим – и со способом видения феноменов в той реальности, которую для Ленина форматировал марксистский дискурс с его классовыми антагонизмами и неизбежностью будущей социалистической революции.

Способ ленинского анализа сельского хозяйства впоследствии применялся и в СССР времен нэпа. Если считать «кулака» капиталистом по критерию в 1,3 работника, то «классовый враг» социалистического уклада в конце 1920-х был, по-видимому, многочислен, изворотлив и очень опасен для советского руководства.

Равновесие и бизнес-циклы

Рассматривая причины неприятия учения К. Маркса западной академической наукой, среди прочего Р.М. Нуреев указывает: «Если К. Маркса интересовала стоимость как основание рыночных цен и весь том I «Капитала» исходит из предпосылки соответствия цен стоимости, то его современников гораздо больше интересовали случаи отклонения цен от стоимости» (с. 202). Это не совсем так. Если рассматривать систему Вальраса, можно увидеть много знакомого: деление на два сектора (потребительских товаров и факторов

производства), равновесие как результат взаимодействия и всех отдельных рынков, и этих двух секторов. Одна из формулировок знаменитого «закона Вальраса», характеризующего равновесие – это равенство цен на товары издержкам их производства. Более того, и у Вальраса, и у Маркса *деньги нейтральны*: изменение их количества меняет уровень цен, но не может повлиять на занятость. Кейнсианская идея ликвидации «вынужденной безработицы» с помощью ограниченной денежной эмиссии (или поддержка экономики с помощью «мягкого количественного ограничения») показалась бы Марксу странной ересью.

В свою очередь, если согласиться с родством марксовой и вальрасовой моделей, сразу же становится заметной аналогия между следующими «логическими ходами». Признание того, что *экономика всегда находится в состоянии равновесия* (цены формируются на основе стоимостей), привлекает внимание к феномену бизнес-циклов. Это и происходит – как у Маркса, так и у «новых классиков». Общим у этих моделей и то, что *в них не укладывается* – это Великая Депрессия 1929–1933 гг. и Великая Рецессия 2008–2011 гг. В остальном циклы обновления основного капитала у Маркса (пусть и плохо разработанные) вполне могут рассматриваться как аналоги шоков реальной производительности в модели Кидланда–Прескотта.

Р.М. Нуреев указывает и другие причины неприятия теории Маркса на Западе, которые, на наш взгляд, более важны: «К. Маркс никогда не преподавал ни в одном мало-мальски известном университете. Свою докторскую диссертацию он получил довольно давно (в 1841 г.) в Йенском университете, известном тем, что это учебное заведение давало быстро и без споров отзывы на докторские диссертации (...К. Маркс получил ученую степень доктора философии уже через 9 дней после того, как направил туда свою диссертацию). Публичной защиты..., естественно, не было...

...пик популярности трудовой теории стоимости (во всяком случае, в ее рикардианской трактовке) в академической среде давно уже прошел... изменения носили кардинальный характер: вместо политической экономии как философии хозяйства появляется совсем другая наука – экономикс, выступающая как набор практических рецептов по оптимизации деятельности экономических агентов в условиях ограниченных ресурсов....

Неудивительно, что в этих условиях замысловатые диалектические построения К. Маркса оказались невостребованными» (с. 200–201).

Более того, диалектика как *метод исследования в экономической теории* стала представляться если не шарлатанством, то, по крайней мере, архаикой, крайне трудной для восприятия. Понадобилось 100 лет, прежде чем Д. Макклоски вернула внимание к риторике экономической науки [Макклоски, 2015]. При этом сам К. Маркс этой экономисткой, когда-то придерживавшейся левых взглядов, даже не упоминается.

Методология Р. Лукаса. Проблема онтологии экономической науки

«Лукас придерживался достаточно строгих взглядов на вопрос, какой должна быть макроэкономическая теория. Самым главным он считал соблюдение ряда методологических стандартов:

а) не следует разделять принципы, лежащие в основе микроэкономики, и принципы, на которых базируется макроэкономическая теория...

б) макроэкономическая теория является составной частью анализа общего равновесия. Она должна заниматься изучением функционирования экономики в целом и давать объяснение взаимодействию между отдельными частями экономики...

в) макроэкономическая теория и математическая модель – это одно и то же. Такое представление, корнями уходящее в теорию Вальраса, противоречит другому широко распространенному взгляду на взаимоотношение между теорией и моделью. С этой точки

зрения они независимы друг от друга: теория – это ряд суждений о реальности, в то время как модель... это попытка строго определить выводы какой-то части теории;

г) теория занимается умозрительными построениями, она совершенно “нереальна”» [Де Фрей, 2019. С. 226–227].

Так характеризует методологические стандарты Р. Лукаса М. Де Фрей. Естественно, что марксова модель во многом соответствует стандартам «новой классики»: здесь нет разрыва между анализом на микро- и макроуровне, общее равновесие – исходная посылка исследования, теория вполне умозрительна (определить качество и количество таких феноменов, как эксплуатация и прибавочная стоимость, постоянный и переменный капитал и т.д. – непростая эконометрическая задача).

Возможно, такого рода совпадения могут заинтересовать историков экономической мысли, но для нас важно не это. Методологические стандарты Лукаса, как и антимодернистская риторика Макклоски, направлены против логического позитивизма, которого до сих пор придерживаются многие исследователи. В связи с этим возникает другой вопрос, который редко задают себе экономисты, которые, как и ученые, работающие в других областях, в первую очередь озабочены признанием своей работы профессиональным сообществом. Если экономическая теория (модель) представляет собой определенный артефакт (компьютерную программу, текст, систему уравнений или все это вместе), то как этот артефакт, в свою очередь, влияет на реальность? Логический позитивизм был хорош тем, что он легитимировал теорию с помощью прогностической ценности [Фридман, 2012]. Но ни к Марксу, ни к Лукасу – по крайней мере, после мирового кризиса 2008–2009 гг., – такое оправдание не относится. С другой стороны, вряд ли кому-то придет в голову отрицать то, что марксова модель повлияла на реальность (создала новую?). Тогда какой онтологический статус имеют, например, современные отечественные экономические исследования?

Заключение

Судьба старых идей (и старых статей) складывается по-разному. Во втором десятилетии XXI в. возобновился интерес и к Марксу, и к марксизму, что только отчасти объясняется «объективными факторами», такими, как замедление темпов мирового экономического роста, кризис мир–системы и т.д. Книга Р.М. Нуреева – хорошее дополнительное чтение, проясняющее темные места теории К. Маркса; политэконома, который непременно ошельмовал бы автора данной рецензии как «буржуазного апологета на службе олигархического государства», будь у него такая возможность.

ЛИТЕРАТУРА

- Де Фрей М. (2019). История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Зиновьев А.А. (1990). Зияющие высоты (книга первая). М.: ПИК.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М., СПб: Изд-во Института Гайдара, Изд-во Международные отношения.
- Нуреев Р.М. (2018). Очерки по теории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС.
- Розенберг Д.И. (1983). Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика.
- Стюарт Д. (2018). Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Фридман М. (2012). Методология позитивной экономической науки // Философия науки. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 177–216.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences

orekhovskypa@mail.ru

**K. MARX, MARX'S MODEL AND METHODOLOGY OF R. LUCAS
(REFLECTIONS ON THE BOOK OF R.M. NUREEV)**

Abstract. The article presents a critical review of the book of R.M. Nureev «Essays on the theory of Marxism». Such categories of Marxism are discussed as «formation», «mode of production», «objectification», «materialization», «personal dependence», «material dependence», «free individuality» are considered. Much attention is paid to the analysis of the Marx model of expanded reproduction and its modification proposed by V.I. Lenin demonstrated the automatism of slowing economic growth, based on the implementation of the implicit properties of the model. An analysis is made of the correspondence of the economic theory of Marx with the methodological standards of R. Lucas, the relationship between the model of general equilibrium of L. Walras and the model of reproduction of Marx is shown. The question is raised about the ontological status of economic theories, which prescribe “as it should be,” and the impact of models on reality.

Key words: *marxism, model of reproduction, methodological standards, ontology.*

JEL: B14, B41.

REFERENCES

- De Frey M.* (2019). *Istoriya makroekonomiki: ot Keynasa k Lukasu i do sovremennosti.* [The history of macroeconomics: from Keynes to Lucas to the present (In Russian).]. M.: ID Delo RANKhiGS.
- Fridmen M.* (2012). *Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki // Filosofiya nauki. Antologiya / Pod red. D. Khausmana.* [Methodology of Positive Economic Science // Philosophy of science. Anthology / Ed. D. Housman. (In Russian). M.: Izd. Instituta Gaydara. S. 177–216.
- McCloskey D.* (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki.* [The rhetoric of economics (In Russian).]. M., SPb: Izd-vo Instituta Gaydara, Izd-vo Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Nureev R.M.* (2018). *Ocherki po teorii marksizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Essays on the theory of Marxism (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) (In Russian).]. M.: KNORUS.
- Rozenberg D.I.* (1983). *Kommentarii k «Kapitalu» K. Marksa.* [Comments on „Capital“ K. Marx (In Russian).]. M.: Ekonomika.
- Styuart D.* (2018). *Grand-otel' «Bezdna».* Biografiya Frankfurtskoy shkoly. [Grand Hotel Abyss. Biography of the Frankfurt School (In Russian).]. M.: Ad Marginem Press.
- Zinov'ev A.A.* (1990). *Ziyayushchiye vysoty (kniga pervaya).* [Gaping Heights (Book One). (In Russian).]. M.: PIK.